А. И. Верховский

РОССИЯ НА ГОЛГОФЕ

ИЗ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

1914 - 1918 гг.

Государственная публичная
историческая библиотека России

А. И. Верховский

К 100-летию Первой мировой войны

РОССИЯ НА ГОЛГОФЕ

(из походного дневника 1914—1918 гг.)

Москва
2014

УДК 94(47)"1914/19"
ББК 63.3(0)53
В 36

Печатается по изданию: Верховский А. И. Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914—1918 гг.)/ А.И. Верховский.—Пг., 1918.— 141 с.

Верховский А. И.

В 36 Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914—1918 гг.)/А. И. Верховский; предисл., коммент. А. М. Савинова; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2014.—208 с.— (К 100-летию Первой мировой войны).

ISBN 978-5-85209-331-8

Русский офицер Александр Иванович Верховский (1886—1938), впоследствии красный комбриг, профессор Академии Генштаба РККА, приговоренный к расстрелу в 1938 г. и реабилитированный посмертно в 1956 г., вел свои походные дневники в течение всей Первой мировой войны. Обработанные дневниковые записи под названием «Россия на Голгофе» были изданы в 1918 г. В своих записках автор, которого судьба бросала на самые разные участки русско-германского фронта, зафиксировал все важнейшие события той поры — от тяжелых боев в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. до революционного движения в Центральной России летом-осенью 1917 г. Назначенный в переломный момент истории военным министром Временного правительства, А. И. Верховский предлагает детальный план реформ для устранения анархии и сохранения боеспособности армии.

Новое издание книги А. И. Верховского «Россия на Голгофе» дополнено предисловием и комментариями А. М. Савинова.

УДК 94(47)"1914/19"
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-85209-331-8

А.И. ВЕРХОВСКИЙ И ЕГО ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИК

Александр Иванович Верховский родился 27 ноября 1886 г. В возрасте десяти лет родители отдали его в Александровский кадетский корпус, но, не закончив его, юноша перешел в престижный по тем временам Пажеский корпус в Санкт-Петербурге. Александр шел первым по успеваемости среди камер-пажей и получил чин фельдфебеля, но закончить корпус ему не удалось из-за конфликта с соучениками.

В начале 1905 г., когда вспыхнула первая русская революция, для пресечения возможных беспорядков в столице в манеже Пажеского корпуса разместили эскадрон конно-гренадерского полка, с солдатами которого Верховский вел «недопустимые политические разговоры»[*]. В частности, в одной из таких бесед он заявил, что офицеры не имеют права бить солдат[**]. С мнением Александра оказались не согласны его однокурсники, которые потребовали, чтобы он оставил корпус. Командование хотело замять это дело, но оно получило широкую огласку. В итоге Верховский по повелению Николая II был отчислен из Пажеского корпуса и в марте 1905 г. переведен на службу вольноопределяющимся унтер-офицерского звания в 35-ю артиллерийскую бригаду, которая в это время вела бои с японцами в Маньчжурии[***].

С первых дней пребывания на фронте Верховский проявил себя храбрым солдатом. Уже в июле он получил свою первую награду — Георгиевский крест, а вслед

---

[*] Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа//Воен.-ист. журн. 1994. № 9. С. 55.

[**] Там же. С. 58.

[***] РГВИА. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2978. Л. 37.

за тем и первый офицерский чин. После Русско-японской войны Александр Иванович три года служил в 3-м Финляндском артиллерийском дивизионе, а затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую блестяще окончил в 1911 г. В Первую мировую войну капитан Верховский вступил в качестве старшего адъютанта штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады. Тогда же он начал вести дневник, который был опубликован в 1918 г. под названием «Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914—1918 гг.)».

Во время тяжелых боев в Августовских лесах августа-сентября 1914 г. Александр Иванович показал себя отважным, инициативным командиром. Несмотря на свою штабную должность, он участвовал в боях, был ранен, награжден георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-го класса. После выздоровления он продолжал службу по оперативной части в штабах 9-й и 7-й армий. В марте 1916 г. Верховский получил чин подполковника и назначение на должность начальника штаба войсковой группы, имевшей задачу с моря овладеть Трапезундом — стратегически важным портом на Черноморском побережье Турции.

В сентябре Александр Иванович был переведен в Бухарест помощником по оперативной работе российского представителя при румынском командовании. Уже тогда Верховский наблюдал признаки разложения русской армии. В дневнике он отмечал: «Потеря веры в командный состав стала, к сожалению, общим явлением и выливается иногда в уродливые формы; так, 7-й Сибирский корпус, по сигналу атаки, не вышел из окопов и отказался атаковать, несмотря на блестяще произведенную подготовку артиллерии... Это явление уже прямо угрожающее»*. В декабре 1916 г. после возвращения из Румынии Александр Иванович писал: «Окончательной победы над Германией нет, и не видно конца... Только

* Верховский А.И. Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914—1918 гг.). Пг., 1918. С. 55, 56.

смена политической системы может спасти армию от новых несчастий, а Россию от позорного поражения»*.

Верховский с восторгом принял Февральскую революцию. Известие о событиях в Петрограде застало его в Севастополе на посту начальника штаба формировавшейся там Черноморской дивизии, предназначенной для боевых действий на турецком побережье. Одним из первых он призвал офицеров флота и Севастопольского гарнизона поддержать Временное правительство. По его предложению представители офицеров были включены в состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Сам подполковник Верховский стал товарищем председателя Совета. Его усилия в этот период были направлены на то, чтобы обуздать солдатскую и матросскую стихию и избежать массовых убийств морских офицеров, имевших место на Балтийском флоте.

Тогда же им было разработано «Положение об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих». Согласно этому документу, утвержденному командующим Черноморским флотом адмиралом А.В. Колчаком, главной задачей выборных комитетов являлись сохранение боевой мощи армии и флота, «дабы довести войну до победного конца», поддержка Временного правительства и просвещение солдат и матросов. В противовес знаменитому приказу № 1 Петроградского Совета, «Положение» требовало все основные постановления комитетов передавать на утверждение командирам воинских частей.

Во второй половине марта 1917 г. Верховский выехал в Петроград для участия в работе созданной Временным правительством Комиссии по изменению существовавших законоположений и уставов. Деятельность комиссии завершилась изданием 30 марта приказа № 51 Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева «О переходе к новым формам жизни», к которому прилагалось «Временное положение об организации чинов армии и флота», в своей основе повторявшее «Положение» Верховского.

---

* Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 63, 64.

В конце мая 1917 г. Александр Иванович был произведен в полковники и назначен командующим войсками Московского военного округа. К этому времени в тыловых гарнизонах скопилось немалое число солдат, эвакуированных с фронта по ранению или болезни, а также ополченцев — людей далеко не молодого возраста, практически непригодных к строевой службе. Ни те, ни другие вовсе не стремились попасть в окопы под разрывы немецкой шрапнели и под воздействие отравляющих газов. В городах Центральной России начались солдатские волнения, поддержанные большевистскими агитаторами. В этой ситуации Верховский проявил себя решительным сторонником наведения порядка в тылу. По его приказу верные Временному правительству части подавили солдатские выступления в Твери, Липецке, Ельце, Владимире, Нижнем Новгороде и других городах.

Особенно жестко эти части действовали в Нижнем Новгороде. Еще в Москве перед отправкой Верховский заявил солдатам экспедиции: «Мы должны ликвидировать нижегородскую неурядицу». Прибывшие в Нижний Новгород юнкера и казаки задерживали на улицах всех прохожих, обыскивали, избивали, арестовывали «подозрительных солдат и рабочих»[*]. Войска не останавливались даже перед применением оружия, и уже 5 июля командующий округом с удовлетворением записал в своем дневнике: «Я страшно рад, что за месяц моей работы здесь мне удалось наладить соглашение различных групп настолько, что в нужную минуту — а она теперь пришла — мы переходим в наступление против анархии единым фронтом»[**].

Во время работы московского Государственного совещания в августе 1917 г. Верховский безуспешно пытался оттоворить Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова от посылки конного корпуса генерала Крымова на Петроград с целью оказания давления на Временное правительство и подавления революционного движения масс.

---

[*] История города Горького. Горький, 1971. С. 274—275.

[**] Верховский А.И. Указ. соч. С. 94.

Когда же корниловские войска 25 августа двинулись к столице, Верховский охарактеризовал действия Корнилова как направленные «против правительства и народа русского». Александр Иванович объявил Московский округ на военном положении. Офицеры, поддержавшие Корнилова, были отстранены от командования. Для подавления мятежа он выделил пять полков, которым надлежало действовать в направлении Могилева, где находилась Ставка Верховного. Сам командующий намеревался возглавить ударный отряд этой группировки, однако эти действия не потребовались.

Решительность и активность Верховского в дни августовских событий 1917 г. навели министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского на мысль предложить ему пост военного министра. Александр Иванович поначалу отказывался от назначения, ссылаясь на то, что он — «вне политики». Однако, как писал Верховский, «Керенскому некогда было долго разговаривать. Ему нужно было в эту решающую минуту, когда почти все офицеры изменили,— одни открыто, другие ждали только минуты первого успеха Корнилова для того, чтобы примкнуть к нему, ему важно было выдвинуть вперед офицера, который решительно выступил против Корнилова и в то же время по своему прошлому не мог оказаться с большевиками»*.

Назначение Верховского состоялось 30 августа, а через день он был произведен в генерал-майоры и введен в состав Директории**. Деятельность Александра Ивановича в составе Временного правительства вызвала негативную оценку в среде генералитета. В частности, А.И. Деникин позже вспоминал: «...Военный министр приступил к работе, носившей необыкновенно сумбурный характер, не оставившей после себя никакого индивидуального следа и как будто заключавшейся ис-

* Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 345.

** Директория — состоявший из пяти человек (министра-председателя, министров: иностранных дел, военного, морского и почт и телеграфов) временный чрезвычайный орган управления государством, образованный 1 сентября 1917 г. После создания 25 сентября 3-го коалиционного правительства Директория была упразднена.

ключительно в том, чтобы излагать грамотным военным языком безграмотные по смыслу советские упражнения в военной области»*.

Энергично взявшись за дело, Верховский наметил ряд мер по оздоровлению армии, повышению ее боеспособности, но не встретил понимания у коллег по кабинету. 20 октября на совместном заседании комиссий Предпарламента по обороне и иностранным делам он изложил собравшимся проведенный им детальный анализ состояния армии и сделал вывод о невозможности продолжать войну. Он предложил инициировать мирные переговоры с Германией: «Весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоровляющие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию на фронте и в тылу»**. Уже на следующий день информацию об этом секретном заседании и выступлении военного министра опубликовала газета «Общее дело», издававшаяся В.Л. Бурцевым.

Скандальная публикация повлекла за собой отставку Верховского. Формально ему был предоставлен двухнедельный отпуск по состоянию здоровья. За несколько дней до октябрьского переворота 1917 г. он уехал на остров Валаам. «Как здесь тихо, хорошо. Душа отдыхает...,— писал Александр Иванович 28 октября, еще не зная о событиях в Петрограде. — Кажется, что водоворот жизни, бешено крутясь, выбросил меня на берег, и странно в первую минуту вместо кипения и сумятицы кругом, вместо людей взволнованных, рвущихся, бьющихся в путах жизни увидеть лишь тихий лес и спокойное озеро»***.

В начале ноября Верховский с несколькими членами Центрального комитета партии эсеров отправился в Ставку Верховного главнокомандующего, все еще находившуюся в Могилеве, где, опираясь на проэсеровские войсковые комитеты, безуспешно пытался создать «од-

* Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. Париж, 1922. С. 117—118.

** Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982. С. 211.

*** Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 134.

народное социалистическое правительство». Неудачей закончилась и его попытка организовать в Киеве совместно с украинской Центральной радой «армию Учредительного собрания» для борьбы с советской властью.

После возвращения из Киева Верховский был арестован органами ВЧК, но через два месяца освобожден. Следующий арест последовал в мае 1918 г. Бывшему министру вменили в вину сотрудничество с подпольной эсеровской организацией «Союз защиты Родины и свободы». По счастью, и на этот раз заключение оказалось недолгим, и уже в декабре того же года Александр Иванович, мобилизованный в Красную армию, занял пост начальника оперативного отдела штаба Петроградского военного округа.

В феврале 1919 г. Верховский обратился к председателю Петросовета Г.Е. Зиновьеву с письмом, в котором просил отправить его на фронт. Но большевистские руководители ему не доверяли. Судьбу отставного военного министра 25 марта решил Пленум ЦК РКП(б), который порекомендовал заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому устроить так, чтобы «назначение Верховского в тыловое ополчение было проведено с максимальной строгостью и в случае надобности его следует отправить в Питер. Это необходимо, чтобы лишить его возможности сноситься с друзьями»*.

Сначала Верховскому доверили лишь читать курс тактики на Казанских инженерных курсах, но уже в мае 1920 г. он вместе с А.А. Брусиловым и другими бывшими генералами вошел в состав Особого совещания по обороне при Главкоме РККА С.С. Каменеве. В следующем году Александр Иванович занял штатную должность преподавателя в Военной академии.

Летом 1922 г. в Москве шел громкий судебный процесс над лидерами и активистами партии правых социалистов-революционеров. Привлеченного к делу в качестве свидетеля Верховского допрашивал известный чекист Я.С. Агранов. Следователь заверил своего подопечного, что изложенные им сведения ни в коей мере

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 139.

не будут использованы на суде и не смогут повредить обвиняемым. Когда же эти показания были все-таки использованы судом, Верховский заявил протест, за что удостоился частного определения Верховного трибунала, призвавшего его, как «активного и ответственного работника Красной армии», проявлять бдительность и нетерпимость к врагам Республики Советов. В том же году он как эксперт по военным вопросам в составе советской делегации выезжал на Генуэзскую конференцию.

Свою преподавательскую деятельность, за которую в 1927 г. получил звание профессора высших военно-учебных заведений Рабоче-крестьянской Красной армии, Александр Иванович успешно сочетал с занятиями военной теорией. За семь лет после Гражданской войны им были написаны: «Очерк по истории военного искусства в России XVIII—XIX веков», «Основы подготовки командиров», «Методика практических занятий на карте», «Общая тактика», «Огонь, маневр, маскировка» и ряд других работ, на которых воспитывалось не одно поколение красных командиров.

В конце 1929 г. Верховского назначили начальником штаба Северо-Кавказского военного округа, но прослужил он в этой должности немногим более года и снова был арестован, теперь уже по делу «Весна», сфабрикованному органами ОГПУ и направленному против «военспецов», бывших генералов и офицеров, служивших в Красной армии.

В Воронежском следственном изоляторе и в Лефортовской тюрьме его заставляли признаться в подрывной деятельности в рядах РККА, в подготовке контрреволюционных восстаний в Москве и на Северном Кавказе, в работе на английскую разведку и других мнимых преступлениях. Однако А.И. Верховский не дал нужных следствию показаний, и в июле 1931 г. его приговорили к расстрелу, замененному через несколько месяцев десятилетним тюремным заключением.

В Ярославском изоляторе особого назначения он продолжал писать военно-теоретические труды, отправляя их наркому обороны К.Е. Ворошилову. Одна из таких

работ — «Выводы из опыта Русско-японской войны 1904—1905 годов с точки зрения нашей борьбы против японского империализма в 1934 году» попала, благодаря Ворошилову, к И.В. Сталину. К статье было приложено письмо наркома, в котором, в частности, говорилось: «Если и допустить, что, состоя в рядах Красной армии, Верховский А.И. не был активным контрреволюционером, то, во всяком случае, другом нашим он никогда не был. Вряд ли теперь стал им. Это ясно. Тем не менее, учитывая, что теперь обстановка резко изменилась, считаю, что можно было бы без особого риска его освободить, использовав по линии научно-исследовательской работы»*.

Однако и «научно-исследовательской работы» бывшему профессору высших военно-учебных заведений РККА, вышедшему на свободу из Ярославского изолятора, сначала не доверяли. Он поступил в распоряжение Разведывательного управления РККА, где ему поручали чисто технические задания, вовсе не соответствовавшие его профессиональному уровню. Верховский вынужден был обратиться к наркому обороны: «Я восстановлен в Красной армии, получаю большое содержание и внешне все как будто хорошо, но мне не дают работать. Между тем мне 48 лет, за плечами не часто встречающийся опыт трех войн и 25 лет научной и практической работы и горячее желание сделать все для того, чтобы то величественное дело, которое делает под руководством партии наша страна, не было сорвано...»** Его ходатайство было удовлетворено, и его направили на стрелково-тактические курсы «Выстрел».

После непродолжительной преподавательской работы на курсах Верховский получил звание комбрига и назначение на должность старшего руководителя кафедры тактики Военной академии Генерального штаба. Это место службы стало для него последним. 11 марта 1938 г. комбриг Верховский был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористиче-

---

* Воен.-ист. журн. 1993. № 10. С. 70.

** Там же.

ской организации. 26 июля его имя внесли в список лиц, предназначенных к наказанию «по первой категории», т.е. к расстрелу. Список венчала резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И. Сталин. В. Молотов».

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР был приведен в исполнение на расстрельном полигоне «Коммунарка» в Московской области 19 августа. В 1956 г. Александра Ивановича Верховского посмертно реабилитировали.

* * *

Свои походные дневники А.И. Верховский вел в течение всей мировой войны. Однако данный текст есть результат позднейших, относящихся к 1918 г. осмысления и обработки дневниковых записей военной поры. Задачу своего труда автор видел так: «Мы сейчас еще слишком близки к пережитому, чтобы давать ему объективную оценку; но в муке сердца намечая дальнейший путь, ищешь причины наших неудач. Участвуя все три года в борьбе с Германией на фронте и в тылу, я хочу внести и свою лепту в освещение истекших событий, дабы, объяснив многое, неизвестное широким кругам общества, содействовать примирению»*.

Военная судьба бросала автора на самые разные участки русско-германского фронта, поэтому в записках, так или иначе, нашли отражение все важнейшие события той поры. Тяжелые бои в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г., дни «великого отступления» из Галиции 1915 г., «брусиловский прорыв» 1916 г., действия русских войск в Румынии, февральские дни в Севастополе, революционное движение в Центральной России летом-осенью 1917 г. — все это зафиксировано в дневниках Верховского. Правда, читатель не найдет в них детального описания хода боевых действий, скрупулезного перечисления дат, фамилий, географических названий. Событийная часть дневников — это лишь фон, повод для авторских размышлений о причинах войны,

* Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 3—4.

о возможном развитии событий, о дальнейшей судьбе России.

Офицер Генерального штаба, Верховский не мог не знать военно-экономического потенциала воюющих сторон, морального состояния противостоящих армий. Сравнивая боевые возможности германской и российской армий, автор приходит к неутешительному для себя выводу: «Превосходство культуры и техники в современной войне — это страшная сила, при условии равенства естественных сил, духа народов. Германский и наш народ могли бы померяться в борьбе, но превосходство германской культуры дает немцам такой перевес, что неизбежно ждешь тяжелых потрясений и страшной борьбы»*. Слова эти во многом оказались пророческими.

Все военные неудачи, тяжелое экономическое положение страны, народные бедствия автор связывает с господством самодержавия. «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор,— это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все это говорят и... на этом все стоит. Какая глупая пора болтунов у нас, в России. Если бы словами можно было сделать счастье народа, оно давно было бы сделано»**. Верховский многого ожидал от Февральской революции: «Сколько добра может быть... Наконец будет правда; наконец мы увидим окончание личного режима. Мы увидим армию, которая сможет без внутренних тормозов делать свое великое дело защиты родной земли»***.

Между тем действительность оказалась гораздо сложнее, чем это представлялось неискушенному в политике подполковнику. Уставших от трехлетней войны солдат было все труднее и труднее загонять в окопы, на заводах не хватало рабочих рук для производства орудий и снарядов. И если в июле 1917 г. Верховский считал, что самое страшное и разрушительное в этот момент —

* Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 14.

** Там же. С. 66.

*** Там же. С. 67.

это идея немедленного мира, то запись 30 сентября того же года начинается словами: «Все сведения, сосредоточенные в Ставке, рисуют очень тяжелую картину. Если можно, надо срочно заключать мир»*.

Верховский обратился к министрам с предложением о мирных переговорах с Германией, но его позиция шла вразрез с политикой Временного правительства, которое, оставаясь верным союзническому долгу, намерено было продолжать войну. Военный министр вынужден был оставить кабинет. Мир с Германией, «позорный», как назвал его Верховский, заключали уже большевики, его тогдашние идейные противники.

Александр Иванович не принял Октябрьскую революцию, но когда судьба привела его в Красную армию, он, представитель лучшей части офицерского корпуса России, служил ей честно и беззаветно до последних дней своей жизни.

А.М. Савинов,
кандидат исторических наук

* Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 124.

Посвящается светлой памяти друзей, погибших за родину на полях сражений и замученных в усобицах революции

ВВЕДЕНИЕ

Позорный мир заключен. Сердце рвется от муки и стыда. Три года мы бились за свою родину, за лучшее будущее своего народа, и вот в ту минуту, когда он стал свободен и последним усилием, казалось бы, мог довести борьбу до конца, он своими руками затянул на своей шее аркан, за который торжествующая Германия потянет весь народ работать на немцев.

Но пусть не думают малодушные люди, что русская история развернулась на своей последней странице. Вспомним все, что пережила Россия, все, что видели московские святыни, что видели наши старые монастыри. Все тут было. И татарское иго, поляки, шведы, и Смутное время, и страшные дни нашествия 1812 г. — а все стоят вековые святыни, все стоит Русская земля.

Всякий, кто знает русский народ, а особенно те, кто видел его подвиги и страдания за три года войны, знают и верят, что горе, постигшее нас,— это горе сегодняшнего дня. Оно пройдет. Проснется великий народный дух, и мы увидим другое время, увидим правду, свободу и величие родной земли.

Поэтому будем трудиться и прежде всего понесем светоч знания в темные народные массы. Пусть они узнают свою родину и полюбят ее.

Мы сейчас еще слишком близки к пережитому, чтобы давать ему объективную оценку; но, в муке сердца намечая дальнейший путь, ищешь причины наших неудач. Участвуя все три года в борьбе с Германией на фронте и в тылу, я хочу внести и свою лепту в освещение истекших событий, дабы, объяснив многое, неизвестное широким кругам общества, содействовать примирению. В предполагаемой работе содержатся выдержки из записок всего пережитого, занесенные в походный блокнот непосредственно на поле

сражения и в рабочем кабинете, лишь несколько дополненные подробностями, необходимыми для ясности картины.

Мне хочется также, чтобы знали русские люди, чтобы узнали и союзники наши, что в действительности мы сдались только тогда, когда сил не хватило бороться. Мертвые цифры доходов и расходов, численности армии, возможности ее прокормить и одеть — говорят убедительнее слов о том, что ноша, взваленная на плечи нашего народа, была непосильна. В современной войне, даже при равенстве духовных сил, превосходство культуры и связанной с ней техники, а особенно такое подавляющее, с которым нам пришлось столкнуться в этой войне с Германией, решает борьбу.

Но русский народ сделал в этой борьбе все, что мог. Полтора миллиона лучших сыновей нашей земли погибло, и могилы их рассеяны в холодных водах Балтики, в лесах и болотах Восточной Пруссии, на полях у Варшавы, Дунайца, Галиции, на снежных высотах Карпат, в равнинах Румынии, в ледниках и горах Закавказья и Персии. Мир праху их. На святой их крови вырастет новая, свободная Россия, страна, которую мы видели в юношеских мечтах и которая будет жить великой, несмотря ни на что.

ГЛАВА I

Первая схватка с Германией

1914 год

Мобилизация.— Состояние армии в момент объявления войны.— Отправление на фронт, настроение войск.— Первый бой.— Тяжелая артиллерия немцев.— Наш отход из Восточной Пруссии.— Августовский лес.— Бакаларжево.— Выводы из первых столкновений.— В чем Германия сильнее нас?

1 августа. Выборг. Штаб 3-й Финляндской бригады*

Германия объявила нам войну. Вся страна бросилась к оружию. Кипит, поспевает срочная работа мобилизации. Спешно прибывают люди, лошади, повозки. Сбрую, снаряжение выносят из складов и кладовых. Полки постепенно переходят на боевое положение. Перед нами война. Бодро на сердце.

Кризис разрешился войной раньше, чем все того ждали. Конечно, это случилось по желанию и к прямой выгоде Германии, решающей ныне вопрос о своем мировом господстве. Подготовка общественного мнения Германии к этой войне шла у всех на глазах, и только слепые и малограмотные не понимали того, что происходит. Торговля, банки, придворные интриги, колонизация постепенно накладывали руку на достояние и труд соседей Германии. Особенно трудно приходилось России. Разбойничий договор, поч-

---

* В поход я выступил старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады в чине капитана Генерального штаба.

ти насильно навязанный нам немцами в 1904 г.[1], во время нашей войны с Японией, обесценил главный продукт нашей торговли — хлеб, и с этого времени мы фактически стали данниками Германии, выплачивая ей многомиллионную контрибуцию ежегодно. Мы вынуждены были это терпеть. Война с Японией настолько обессилила нас, что мы и думать не могли о сопротивлении, о неисполнении требований, становившихся назойливее год от года.

Но, наконец, за 10-летний период, протекший со времени Мукдена[2] и Цусимы[3], мы оправились, армия постепенно стала приходить в порядок; три урожайных года подряд, удачно реализованные, дали огромный толчок всем производительным силам страны; Россия экономически окрепла, и Государственная дума могла в 1914 г. дать в распоряжение военного ведомства миллиардное ассигнование, чтобы в несколько ближайших лет догнать Германию в области технической подготовки армии, и тогда... русское общество мечтало кончить с германским экономическим засильем раз и навсегда. Войну ждали в 1917 г.

Но Германия ревниво берегла свое первенство в области военной подготовки. Год от года увеличивала она свои вооружения, год от года должны были тянуться за ней все ее соседи; не могла отставать и Россия, отдавая треть своего бюджета, около 1 млрд руб. в год, на то только, чтобы не отставать от лихорадочных приготовлений Германии. 1 млн 200 тыс. человек в лучшем рабочем возрасте были оторваны от производительного труда всеобщей воинской повинностью. И это в то время, когда нищая капиталом и инициативой страна наша не находила средств и возможности строить железные дороги, поддерживать и развивать сельское хозяйство, торговлю, заводскую промышленность, в то время, когда неисчислимые недра земли оставались необработанными.

Вот страшная цена капиталом и людьми, которую мы без войны платили за то, что рядом с нами живет алчный хищник, готовый напасть на мирно трудящихся соседей. Это была страховка нашей национальной и экономической независимости, это была цена, которой мы мечтали выкупить свое право пользоваться плодами своего труда, не деля его с соседями только потому, что у них более сильная и лучше снаряженная армия.

Но напрасны были наши мечты: поработив нас экономически, немцы не дали нам времени для оборудования всем нужным нашей армии; они форсировали свою военную подготовку, успели в этом году закончить расширение и углубление Кильского канала[4], и, провоцировав войну, они хотят сейчас, сегодня силой оружия заставить нас подчиниться ярму, надетому на нашу шею, рассчитывая, что в 1917 г. обстоятельства могут перемениться не в их пользу. Они хотят, чтобы крестьянин продолжал в деревне пахать землю и растить хлеб для Германии, а весь народ работал для того, чтобы на заработанный грош покупать германский товар.

Слишком рано пробил великий час испытаний нашего народа. Неготовые, идем мы на врага, вооруженного до зубов, бороться за свое существование, бороться за лучшее будущее нашей родины, которая под гнетом германского милитаризма никогда не сможет выпрямиться во весь свой богатырский рост.

Немногие даже среди нас, военных, твердо знают, что нам с Германией не равняться силами. Германия одна в первую голову разворачивает около 70 корпусов, да австрийцы дают не менее 35, в то время как мы едва ли сможем выставить на первое время более 50, при 30 французских и 5 английских. Итого 105 австро-германских корпусов против 85 корпусов нашего союза. Конечно, с течением времени англичане и мы сумеем развить наши формирования, но превосход-

ство сил при более быстром развертывании Германии обеспечено. Нам и нашим союзникам придется выдержать первый удар страшной силы.

Огромное преимущество германцы имеют в блестяще развитой технике и особенно в численности и калибрах артиллерии, которой они всегда придавали решающее значение.

В то время как мы имеем на корпус 96 легких орудий и 12 легких гаубиц, т. е. всего-навсего 108 орудий на 32 батальона, германцы на свой 24-батальонный корпус имеют 112 легких пушек, 36 гаубиц и 12 тяжелых орудий, т. е. 156 орудий всех калибров на корпус.

Соотношение числа орудий у нас и у германцев таково: на 1 батальон (около 1000 человек) у нас, примерно, $3^1/_2$ орудия, а у немцев почти семь, в том числе 2 гаубицы и тяжелые пушки. Что касается тяжелой артиллерии, то численность ее у нас совершенно ничтожна, и мы едва ли имеем по одному тяжелому дивизиону на 3—4 корпуса. Такое количество артиллерии дает Германии столь серьезное превосходство огня, что с ним бороться будет необычайно трудно.

В таком же невыгодном для нас соотношении находятся все остальные отделы технического снабжения: авиация, автомобили, железные и узкоколейные дороги, пулеметы и проч.

Однако главным превосходством Германии я считаю бесспорно превосходство духовной культуры, выражающееся в широком патриотическом образовании и воспитании народа, богатстве и подготовке его интеллигентных сил и в блестяще устроенном аппарате управления страной и армией. Германия лучше, чем кто бы то ни было на земном шаре, сумела согласовать и воплотить в жизни две, казалось бы, исключающиеся взаимно идеи: самодеятельности и дисциплины, и благодаря этому все живые силы страны, наиболее полно развитые в процессе свободного творчества, ей удается организованно направить

к одним, общегосударственным или, когда нужно, военным целям.

Основной руководящей идеей воспитания всего народа в Германии поставлена идея родины. Немцы страшно тяжело пережили период французского господства после разгрома на полях Йены и Ауэрштедта[5] в 1806 г. и с тех пор ясно поняли, что самые красивые гуманитарные идеи ничего не стоят, если не обеспечено независимое существование государства. Поэтому с тех пор, т. е. уже более столетия, все в Германии делается во имя родины, во имя процветания Германии. Каждый человек с детства приучен к мысли, что, кроме мелких эгоистических целей, у него есть одна большая, во имя которой смолкают все личные счеты и стремления. Эта цель — защита родины, которая выше и лучше всего на свете, германская культура, германская наука, германский идеализм — это все лучшее, что создал Господь на земле. Германский народ — это избранный Богом народ, перед которым должны пасть все остальные, а в особенности мы, славяне, которые, как низшая, по их мнению, раса, должны быть просто обращены в удобрение для германской культуры.

Такое воспитание народа, в минуту внешней опасности, представляет страшную наступательную силу, обращающую весь народ в один монолит, о который разбиваются все усилия врагов.

Высокая культура, сознание роли самодеятельности в управлении страной и правильная система службы в армии обеспечивают Германии подбор блестящего командного состава в армии. Наверх выдвигаются люди, сильные духом, полные инициативы, полные искания новых путей. Большая часть научных работ по военным вопросам написана в Германии офицерами в генеральских погонах, и по этим работам армии всего мира учатся военному делу. Многие из них написаны уже по выходе их авторов в отстав-

ку. Видимо, опыты и знания целой жизни сосредотачиваются в них (стратегия Шлихтинга)[6]. И этот командный состав обеспечивает Германии великолепное использование сил народа в деле подготовки к обороне, построенной на глубоко научном понимании современной войны, и затем гарантирует разумное и смелое руководство войсками на театре войны и поле сражения. Качества командного состава гарантируют и правильность той колоссальной организационной работы, которую представляет собой современная война вооруженных народов.

Страшно подумать, с каким культурным багажом начинаем войну мы. Народ наш, хотя и с хорошим сердцем, послушен, готов на огромные жертвы, но безнадежно темен, забит, неучен. Его интересы не выходят за пределы родной деревеньки. Государство представляется ему в виде городового или урядника, выколачивающего из него налоги и повинности. Больше ничего о государстве, о родине он не знает. Великая идея родины ему незнакома, об отечестве своем он ни от кого и никогда не слыхал. Исторические задачи народа для него пустой, ничего не говорящий звук. Народ на две трети неграмотен. Государство, чтобы взять с него больше денег, не задумалось споить его водкой, покрывая доходом с винной монополии бешено растущие расходы на военные нужды. Слова о правде, о Боге не слышал ни от кого наш забытый культурой народ.

Правительство наше считает, что темным народом легче управлять. Оно вынуждено так действовать, ибо просветленный народ никогда не согласится терпеть тот политический строй, в котором мы живем, но с военной точки зрения это несчастье, так как в современной войне темный народ не в состоянии выполнить задач, которые на него возложит необычайно осложнившееся военное дело.

Мало надежды можно возлагать и на нашу интеллигенцию. Прежде всего, и это главное, она очень слаба численно, в общей массе населения. Небольшая кучка передовой интеллигенции не имела возможности влиять на народ. Главная же масса интеллигенции, осевшая в стране по службе органов управления, была далека от культуры и прогресса, влачила жалкое существование для поддержки того же бюрократического строя. Наиболее сильные люди не могли равнодушно видеть порабощения народа самодержавным строем и ушли в подполье бороться за право и свободу, без которых рост и полное развитие всей красоты и силы народного духа было, есть и будет невозможно. Но в ожесточении внутренней, политической распри они забыли святой лозунг *родина*, смешали отечество с самодержавным строем и его правительством и радовались каждому поражению последнего, хотя бы оно происходило от внешнего врага, побеждавшего вместе с правительством и Россию. Да, были и такие. История никогда не забудет первых русских пораженцев, говоривших: «Чем хуже, тем лучше» еще в то время, когда Япония наносила поражение за поражением русским войскам на Дальнем Востоке и отбрасывала Россию от теплых берегов Тихого океана, к которым русские люди инстинктивно стремятся со времен Ермака Тимофеевича[7]. Лишь очень небольшие группы сохранили в себе широкое мировоззрение, интерес к общегосударственным задачам. Они пытаются в земстве, в Думе, в промышленности сделать все, что можно, для народа. Но эти группы невелики числом и находятся в опале у власти. Им не только не помогали, но мешали работать, а главное — совершенно отделяли от народа.

Одни только мы, офицеры, говорили своему солдату о родине. Но как только офицер пробовал подойти ближе к своим подчиненным с живым словом, то часто случалось, что жандармы отмечали его как

опасного агитатора, и культурная работа немедленно прекращалась[*]. Перед самой войной в этой области наметился перелом, но он, конечно, не успел дать нужных результатов.

Вот почему масса народная идет на войну темной и несознательной, движимая лишь здоровым инстинктом самосохранения в минуту опасности, да инстинктивным же чувством долга, который, кстати сказать, при хорошо организованном аппарате принуждения не исполнить нельзя. Есть и воинский начальник, который досмотрит, и полиция, которая заставит идти куда надо.

Мы много работали в армии над созданием дисциплины. Войско без дисциплины, твердой, даже суровой, как тело без души. Армия без дисциплины умирает. И дисциплина в нашей армии есть.

Но создавалась она, к сожалению, главным образом системой наказаний и суровым режимом казарменной жизни. В современной армии такая односторонняя дисциплина не будет соответствовать требованиям жизни. Суровое военное воспитание должно идти рядом с культурной работой над сознанием всего народа и солдата, дабы в каждую минуту солдату было ясно, во имя каких целей от него требуют лишений и жертв[**]. Только тогда дисциплина будет действовать не только на глазах карающего начальника, но и за глазами, ибо офицер и солдат будут не надсмотрщик и поднадзорный, но союзники, работающие общее дело своей великой родины. При темноте народа о такой сознательности в дисциплине не может быть и речи, а потому, в условиях современного боя и войны, наша дисциплина далеко не удовлетворительна.

---

[*] За 1905 — 1908 годы моей службы в Гельсингфорсе таких случаев на моих глазах было два: в 1-м Финляндском стрелковом полку и в 1-м Горном артиллерийском дивизионе.

[**] Как это было ясно в конце XVIII века Суворову, учившему армию: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

Но что больше всего меня всегда смущало, это система подготовки к войне нашего командного состава. Чем выше ранг, тем сильнее сказывается влияние этой мертвящей системы на людей. Между тем победа и поражение на войне, равно как и подготовка к войне, стоят в огромной зависимости от ума, знаний и сердца вождей.

К несчастью для России, на командном составе, особенно на старшем, сильнее всего отразился уклад нашей политической жизни, ибо в командном составе наш политический строй стремился создать свою главную опору.

Наша государственная система построена до сих пор на насилии небольшой кучки людей над волей всей страны, на слепом подчинении ее непререкаемым повелениям самодержавного центра. Из Петрограда идут токи, руководящие, до деталей, жизнью всей великой страны от Владивостока до Варшавы и от берегов Ледовитого океана до Тибета и степей Средней Азии. Все ожидает указаний от петербургских канцелярий, а самодеятельность считается опаснейшим бродильным ферментом.

В это время жизнь, которая не может ждать, расстраивается, разрушается, и страна с огромными богатствами и силами — прозябает. Как больно отметить, что свое собственное правительство и германская болезнь милитаризма работают как бы рука в руку над ослаблением, разрушением живых сил нашей родины, задерживая ее могучий рост, развитие ее силы и культуры.

В армии это разрушение свободной воли и централизация сказываются особенно остро. Только те люди, которые готовы исполнять беспрекословно все, что прикажут, могут выйти в люди, и то даже они ни одной минуты не могут быть уверены в прочности своего положения. Достаточно бывает какого-нибудь придворного шепота, и счастливый избранник судь-

бы получает отставку без объяснения причин, часто даже узнавая о ней в официальной хронике утренней газеты.

В нашей армии была славная пора Суворова[8], когда личность человеческая высоко ценилась, когда ее лелеяли, но она сменилась порой репрессий и насилий, системой Аракчеева[9], и с тех пор, т. е. свыше 100 лет, весь командный состав воспитывается лишь на слепом исполнении воли начальника. Если подчиненный все делает согласно уставу и приказам, то, как бы плохо ни вышло, его никто не имеет права обвинить. Он прав, он забронирован. Но если, избави бог, офицер сделает что-либо, отступя от правил, по собственному почину, и по случайному стечению обстоятельств выйдет неудачно, то можно быть уверенным, что человек погиб навсегда. Самоволия ему не простят. Естественно, что в такой психологической обстановке не может воспитаться настоящий командный состав—победитель.

Твердость характера, самодеятельность, способность к смелым решениям остаются атрофированными. Эти качества не только не поощряются, но, наоборот, сильные люди в общей атмосфере вялости и безволия, создаваемой насильно свыше, не уживаются, их считают беспокойными и выбрасывают вон.

Знания в самой элементарной форме требуются только от солдата и офицера по положению не выше командира роты, эскадрона и батареи. Их все поверяют, инспектируют, но от старших уже никто ничего не требует, и можно у нас дослужиться до самых высоких степеней, не прочтя после военной школы ни одной книги на военные темы. Поэтому военная наука у нас в забросе, ею за практической ненадобностью интересуются лишь любители-фанатики военного дела, которых, к счастью нашему, есть все же довольно большое количество, особенно среди молодежи.

Мало того, в довершение всех неблагоприятных условий для создания хорошего командного состава, корпус офицеров разделен на несколько категорий, из которых только некоторые, привилегированные, имели шансы на продвижение к высшим должностям, совершенно не принимая во внимание действительных качеств данного кандидата. Наоборот, широкая масса армейского офицерства, даже для человека семи пядей во лбу, при обычных мирных условиях не давала никакой возможности выдвинуться. Это было также одной из причин, почему в армии работа над самоусовершенствованием в широком масштабе не имела места. Поэтому широко распространенный, но, конечно, не единственный тип начальника, вырабатываемый этой чудовищной системой, сводится к следующим основным чертам: безусловно исполнительный по отношению к старшим, но не решающийся выразить свое мнение, требовательный к подчиненным, слабо или совершенно незнакомый с техникой военного дела на войне, неспособный к сколько-нибудь самостоятельной деятельности, а потому теряющийся, как только, выйдя в условия боевой действительности, остается без руководства своих начальников. Маневрирование на поле сражения и на театре войны, организация наступления и огня крупных артиллерийских соединений — все это вещи неизвестные и, боюсь, едва ли доступные большей части наших старших начальников, ибо требуют инициативы, смелости решений, больших организационных способностей, качеств, которые в них никогда не воспитывались.

Вот к чему привела система политического гнета на армию, на командный состав, который готовил нашу вооруженную силу к войне и который поведет нас против Германии.

Однако при всей тяжести, в которой слагалась наша военная жизнь, душа офицерского корпуса, а с ним и армии остается возвышенной и чистой. Это так

важно теперь, когда от офицерского состава (единственного, кто в современном войске служит постоянно) зависит дух войска, его твердость в бою и решительность в наступлении. Офицерство, живя, в массе своей, в беспросветной бедности, не имея надежды когда бы то ни было выслужиться до сколько-нибудь обеспеченного положения, затравленное своим постоянно сменяющимся начальством, вдобавок, не понято широкими кругами общества, не нашедшими ничего сказать офицеру, кроме купринского «Поединка»[10]. Офицерство жило и живет идеей долга не за страх, а за совесть, беззаветно любит свою родину, и сейчас оно поднялось на войну с полной готовностью просто и без громких фраз положить свою жизнь за родную землю.

Понятие чести, быть может, несколько обостренное, бережно, высоко неслось офицерской средой, и сколько грустных, мучительных драм, редко выходящих наружу, влекло за собой то тяжелое, каждодневное столкновение высокой идеологии офицерства и гнета мертвящей политической системы в армии.

Вот с чем мы выступаем на войну; много горя нас ждет. Превосходство культуры и техники в современной войне — это страшная сила, при условии равенства естественных сил, духа народов. Германский и наш народ могли бы померяться в борьбе, но превосходство германской культуры дает немцам такой перевес, что неизбежно ждешь тяжелых потрясений и страшной борьбы.

Но у нас упорства хватит. Естественные силы наши огромны. Будем бороться. За нас время и культура союзников.

12 августа. Выборг

Получено известие о нашей первой победе. Армия генерала Ренненкампфа[11] вторглась в Восточную Пруссию и теснит перед собой немцев. Наши войска

стремительно продвигаются на Кёнигсберг, старый славянский Королевец[12].

Люди, незнакомые с военным делом, радуются нашему успеху, но мы понимаем, что в нем ничего радостного нет. Все силы Германии сосредоточены сейчас на французском фронте, где немцы всеми способами хотят добиться решительной победы и уничтожить Францию одним громовым ударом. Там сейчас решается судьба России. У нас же немцы оставили временно 2—3 пограничных корпуса, в виде заслона на границе. Наши силы в этом районе около 8 корпусов. В этом и объяснение, почему они отступают. Наше горе в том, что, ради помощи французам, мы должны перейти в наступление немедленно, не ожидая окончания своего стратегического развертывания, не снабдив армию всем, что ей нужно для похода, не успев организовать тыл. Эту жертву, со всеми ее последствиями, мы приносим сознательно. Мы должны сделать все, чтобы помочь Франции.

Наше развертывание идет страшно медленно. Железнодорожная сеть наша совершенно не удовлетворяет требованиям обстановки современной борьбы. 22-й корпус, в состав которого входит 3-я Финляндская стрелковая бригада, совершенно готов к выступлению. С первого дня мобилизации прошел уже почти месяц, и только сегодня второочередная дивизия, назначенная нам на смену в Финляндию, начинает прибывать. После смены и мы отправимся на главный театр войны, где будет решаться судьба первой смертельной схватки с Германией.

А ведь наш корпус весьма близко стоит. Когда же придут на фронт Сибирские, Туркестанские и Кавказские корпуса?..

Второочередная дивизия, которая пришла нам на смену, производит удручающее впечатление. О дисциплине нет никакого понятия. На офицера смотрят как на пустое место и удивляются, если сделаешь за-

мечание. Солдаты по большей части старики, с длинными бородами. А офицерство? Ротами командуют подпоручики, по второму году офицеры. Да они не сумеют наверное в руки взять эту орду. Остальные — прапорщики из запаса. Можно себе представить, как такая часть будет себя вести в бою.

15 августа. Петербург

Наш корпус погружен на железную дорогу, и мы едем на фронт. Наконец-то. Больно сидеть в тихой уютной даче под Выборгом в то время, когда бои разворачиваются на западной границе. На станциях, которые мы проезжаем, дачницы провожают нас, бросая в вагоны цветы. «Возвращайтесь живые, возвращайтесь победителями»,— звучит прощальный привет, веселый и бодрый.

В Петербурге интеллигенция переживает горячий подъем, но настроение народных масс сдержанное. Порядка много. Люди идут на сборные пункты серьезно, приказы выполняются без задержек и колебаний. В городе видны манифестации, но в них как-то не чувствуется народного подъема, это огонь и движение все той же интеллигентной и полуинтеллигентной толпы, которую мы привыкли видеть во всех движениях и манифестациях, но которая всегда была далека от массы народной.

Только бы дал Господь победу, а то что будет с Россией?..

18 августа. Варшавская железная дорога. Ст. Друскеники[13]

Вот уже сутки, как наши эшелоны стоят в Друскениках. Никто не понимает, почему, Варшавская дорога пропускает ведь до 50 поездов в сутки. С запада идут встречные поезда с ранеными и пленными.

А мы все стоим. В нетерпении, дабы убить время как-нибудь, бродим по станции, судим на разные темы: о злобе людской, о неразрешимых загадках жизни. Вот теперь, например, 20 млн людей разных национальностей бросили свои дома, семьи, идут на смерть, на страдания, не ожидая лично себе никаких от этого выгод. Всем, во всех странах сказано: «На нас нападает неприятель. Идем защищать свою страну». И все идут. Но если каждого из этих 20 млн спросить потихоньку, так, чтобы никто не слышал, не хочется ли ему вернуться домой и на войну не идти? Несомненно, 19 млн из 20 убежденно скажут: «Давайте лучше вернемся домой». В конце концов только люди, любящие борьбу, ищущие победы, любящие чувствовать себя сильнее своей слабости, идут весело. Прелесть риска — одна из лучших красот жизни.

Но эти миллионы серых людей,— какая загадочная сила и их ведет?

Многие думают, что в народе сейчас есть патриотизм!? К великому горю нашему, это не так.

Нашего серого мужика ведет бессознательное чувство долга. Это стихия и общая инерция движения страны, поднявшейся для защиты своего существования. Но в современной войне такой стихии мало. Бой носит индивидуальный характер. Каждый должен ясно и сознательно идти с верой в правоту своего дела, во имя которого он идет на лишения, быть может, на смерть. Отсутствие этой сознательности ничем восполнить нельзя, так как каждый боец выходит из непосредственного наблюдения своих начальников и делает только то, что ему подсказывает его внутреннее чувство.

Расспрашиваем раненых о том, что они только что пережили. Но отрывочные рассказы их почти ничего не дают. Что-то много говорят нежданного о страшном огне тяжелой артиллерии. Ничего, будем бороться. Ясно, что сначала будет трудно. Потом образуется,

нужно только не пугаться первых неудач и напряженно работать над самоусовершенствованием.

30 сентября. Лицейский лазарет

Первый месяц борьбы прожит как в водовороте. В Августовском лесу[14] меня ранили и привезли в мой родной, любимый Петербург. Нас, первых раненых, прибывших с фронта, встречают ласково. В лазарете цветы, приветливые взгляды. Идут расспросы, что мы видели, что пережили.

Вчера получил радостную телеграмму. Меня представили к Георгиевскому кресту. Даже рана стала как-то меньше болеть. Белый Георгиевский крестик — ведь это мечта еще с детских лет. Хочется забыть весь пережитый ужас и тянет скорее встать, скорее назад.

Странное противоречие. С одной стороны, так хорошо лежать под крышей, в тепле, в то время как за окном бьется осенний ветер, льется дождь. Так радостно видеть любимые лица родных, ставшие особенно дорогими после того, как смерть прошла близко-близко. А в то же время неудержимо тянет назад, туда, где борются друзья, где иногда один лишний человек, не потерявший голову, может решить победу и поражение, гибель или спасение тысячи людей.

Пока я лежу в лазарете, хочется привести в порядок заметки, сделанные в маленькой карманной книжечке, за время пережитой лихорадочной борьбы.

20 августа наша бригада перешла границу Пруссии у Граева[15]. Первое впечатление — невыразимо грустное. Пограничная черта как бы отделяет два мира. По одной стороне границы — бедная соломенная, грязная, неустроенная родина наша, по другую — чистенькая, вылощенная Германия, везде шоссе, телефоны, телеграфы. Почти все дома каменные и, судя по выложенным на стенах годам постройки, построенные после торгового договора, заключенного с нами

в 1904 г. Поражает большое число паровых мельниц, которые перемалывали наш русский хлеб, продаваемый нашими мужиками за бесценок в Германию. Немцы его перемалывают и продают затем всему свету с огромными барышами, и строят себе за наш счет дома, дороги, телефоны и телеграфы, устраивают себе безбедную жизнь. Война должна нас избавить от этого рабства.

Невольно понимаешь удивление наших стрелков, которые говорят: что им понадобилось у нас в России, когда у них самих так все хорошо.

Какая-то второочередная часть прошла здесь до нас, и от германского достатка остались одни стены. Все разрушено, все разбито, мебель поломана, деревья срублены. Вот оно, настоящее лицо войны.

Картина грабежа поразила меня чрезвычайно. Когда я был в командировке на полях сражения сербов с турками, картины разорения культуры меня не удивляли. Там воевали турки. Война в европейских условиях казалась мне, особенно теперь, в XX веке, войной, на которую можно идти в белых перчатках. И что же?

16 октября. Лазарет

Все еще лежу в лазарете. Рана сильно осложнилась, и хотя опасность и миновала, но лежать придется долго. Воспоминания только что пережитого волнуют и мучат.

Наш корпус сразу по высадке в Августове и Граеве попал в чрезвычайно трудную обстановку. Видя угрозу нашего вторжения, немцы срочно подвезли с французского фронта несколько корпусов и перешли в решительное и очень удачное наступление. 2-я армия Самсонова[16] влево от нас была разбита наголову под Сольдау[17], и его корпуса быстро отступали из Пруссии. Командующий армией не пережил своего

поражения и тут же на поле сражения покончил с собой.

Справа от нас стояла в нерешительности 1-я армия генерала Ренненкампфа. Покончив со 2-й армией, немцы через проходы в Мазурских озерах бросились на Ренненкампфа, глубоко захватывая его тыл своими обходными колоннами. И вот под удар этих-то колонн попали части нашего корпуса в то время, как мы спокойно высаживались с железной дороги, выдвинув вперед лишь небольшие разведывательные части. Нам было сказано в штабе фронта, что противника на сто верст в округе нет и что в районе Бяла-Лык[18] мы можем сосредотачиваться в безопасности. Оказалось, что сведения о поражении Самсонова и об изменении обстановки не были своевременно получены в штабе фронта, и это было причиной неправильной ориентировки нашего корпуса.

В результате этой «безопасности» части корпуса были неожиданно атакованы на походе и на биваке. Нашей бригаде пришлось серьезно столкнуться с немцами впервые 25 августа под Бялой. Кошмарное впечатление этого боя до сих пор не рассеялось у меня. Как маленькие дети, мы были атакованы огнем тяжелой артиллерии на биваке, в котловине, простреливаемой насквозь, дали сразу себя охватить, оказались без управления и связи.

Только исключительной доблестью частей можно объяснить то, что мы смогли отбиться и уйти. Немцы понесли от нашего огня и контратак тяжелые потери и не преследовали.

Огонь тяжелой артиллерии немцев открылся почти с началом боя, и чувство полной беззащитности, а главное явного превосходства противника давило душу. Наши легкие батареи действовали самоотверженно, но впечатление было далеко не то. На стрелков страшные взрывы тяжелых снарядов, с целым столбом черного дыма и земли, производили впечат-

ление потрясающее. В первый же день боя я встретил несколько человек, сошедших с ума на самом поле сражения. Постройки от разрыва одного «чемодана»* разваливались, как карточные домики, и загорались, деревья вырывало с корнем, орудийные лафеты гнулись, как будто были сделаны из воска, осколки, зубчатые, как пила, со свистом разлетались во все стороны, нанося рваные, большей частью тяжелые раны. Огненный ураган свинца и стали со страшным грохотом обрушивался то на одну, то на другую точку поля сражения, все сметая, все уничтожая.

Наши справедливо спрашивают: «Отчего у нас нет таких орудий?» Что на это ответишь? Не можем же мы им отвечать, что люди, на ответственности которых лежала подготовка к войне, не учли роста и значения тяжелой артиллерии в бою.

Правее нас попала в переделку какая-то второочередная часть. Там картина была еще более тяжелая. После первого же удара немцев, поддержанного тяжелой артиллерией, дивизия повернула и побежала. Правда, что и выведена она была под огонь на шоссе в колонне.

В этом первом же бою выявились все наши недостатки. Ярко сказались последствия темноты, несознательности рядового бойца и безусловно недостаточно сильная дисциплина, которую нельзя развить в современном войске без активного содействия лучших сторон души каждого солдата. В то время как впереди кипел бой и ревел огненный смерч тяжелых снарядов, в тыл тянулись десятки, сотни людей здоровых, не раненных. Боевая линия твердо держалась и совершенно не собиралась сдавать, но масса людей, самовольно покинув строй, уходила от опасности. Какой подвиг нужен в цепи, где отдельный человек уходит из-под контроля своих начальников и товарищей,

* Тяжелого снаряда.

где он предоставлен без свидетелей своей душевной борьбе, чувству страха и сознания долга; чтобы в этой борьбе победил долг, для этого нужна большая любовь к родине, нужна высокая сознательность каждого бойца. Но сознания этого нет, и вот десятки, сотни людей тянулись в безопасный тыл, предоставляя остающихся на произвол судьбы. Борьба долга и страха, не поддерживаемая ярким сознанием необходимости победы, решалась в пользу бегства в тыл. Вот минута, где школьный учитель может видеть результаты своей работы, которая в большой мере содействует решению вопроса о победе и поражении.

Что делалось дальше с нашим корпусом, это мы, вероятно, узнаем только уже в истории войны, где талантливый писатель объяснит нам, что значили наши невзгоды и мытарства. Семь суток мы ходили без отдыха вперед и назад, днем и ночью между Лыком и Маркграбовым[19], не зная, зачем и почему. Три раза наша бригада попадала в одну и ту же деревню Калиновен[20] и готовилась принять в ней бой. Могло создаться впечатление, что люди, руководившие нами, сошли с ума. Обгоняя ночью колонну, часто приходилось слышать ворчание стрелков, что наш командир корпуса, барон[21], нарочно выматывает из нас силы, чтобы потом предать нас немцам. Действительно, наше маневрирование, не руководимое из штаба армии, носило хаотический характер. Никакой связи между частями, никакой ориентировки начальников о том, что происходит, и о целях действий. Штаб корпуса, останавливающийся биваком в лесу, со станцией радиотелеграфа как единственной связью с внешним миром. Наш командир корпуса, барон Бринкен, рыцарь в прямом смысле слова, один из лучших наших старших офицеров, терялся в этой невозможно трудной обстановке.

Все, чему мы, молодежь, учились о современной войне, все, что нам казалось азбучным, все было по-

забыто, все не исполнялось. Мы не знали, куда и зачем идем, откуда гремят артиллерийские выстрелы, кто и почему стреляет. Мы не знали, кто вправо и влево от нас, где нам получать наше продовольствие и снаряды. Идя по стране, сплошь переплетенной телефонами, мы для связи пользовались конными ординарцами, как наши деды в славный год Отечественной войны.

Никто не знал, что и как делать. Взялись играть сложную симфонию войны, а знание техники позволяет играть только одну хроматическую гамму.

Но почему же командный состав не учили воевать? Ведь нас, маленьких офицеров Генерального штаба, всему этому в академии обучили. Ведь наши профессора, а особенно молодые, говорили нам заранее все, что нужно делать на войне.

Это не было тайной. Отсутствие военной подготовки у командного состава было известно всем еще после японской войны. Ведь уже в 1905 г. Куропаткин[22] писал об этом в своем прощальном приказе по армии, и затем с академической кафедры это повторялось каждый год. Все было известно, но ничего не сделано, и теперь мы платим за свои грехи страшною ценою поражений. Немцы помелом вымели нас из Восточной Пруссии. Мы отошли к Гродно, немцы не преследовали, и мы здесь немного пришли в себя. Тем временем стали подходить подкрепления, которые наша слабая железнодорожная сеть не могла раньше подать на театр военных действий. Подошел Кавказский корпус, подошли сибирские стрелки. У нас составилась армия, превосходство сил перешло на нашу сторону, и мы стали готовиться к наступлению.

Впервые с начала похода мы получили письма и газеты из внешнего мира: все вести радостные — французы разбили немцев на Марне[23], армии нашего Юго-Западного фронта опрокинули и гонят австрийцев в Галиции.

Ну что же, в таком случае наша неудача в Восточной Пруссии не так обидна. Необходимость для германцев остановить наше вторжение в Восточную Пруссию заставила их перевести часть сил из Франции против нас, и хотя мы потерпели поражение, но этим купили победу французов. В общем итоге войны это успех. Громовой немецкий удар, наносимый ими во Франции, разбился, не достигнув результата, а тем временем, хоть и с большими жертвами, мы также кончаем свое стратегическое развертывание, численное превосходство переходит на нашу сторону, и мы скоро будем готовы к серьезной борьбе.

1 ноября. Лицейский лазарет

14 сентября мы перешли в наступление, и с места начался целый ряд технических ошибок. Вместо того, чтобы дать каждому корпусу для наступления свои дороги, наше командование направило корпуса в затылок один другому. По четырем дорогам идет наш корпус, в затылок ему по тем же дорогам идет Кавказский корпус. Колонны перепутались, ночлеги сбились, и, главное, скорость движения оказалась благодаря этой сутолоке 10 верст в сутки, да еще сутки пришлось стоять и распутывать хвосты. Хорошо и смело задуманный удар в тыл противнику задержался, и немцы успели увести свои части из готовившегося им окружения.

Но со всем этим какое счастье наступать. Чувствовать, что противник сдает. Каждый вечер мы ночуем там, где еще накануне стояли немцы. Вчера 1-я бригада захватила бронированный автомобиль с пушкой, а сегодня в Копциово[24] в штаб корпуса прикатил на автомобиле офицер-германец, считая, что в Копциово еще стоят немцы, и, конечно, не вернулся назад.

Допрашивал первых германских пленных. Как я и думал, они убеждены, что это мы напали на Германию. О наших победах в Галиции и о французских

победах на Марне они ничего не знают. Видимо, их командование не говорит им об этом, чтобы не подрывать духа. Среди пленных, простых солдат, сравнительно очень много интеллигентов, на роту, должно быть, приходится человек по 10—15. Один из них, доцент Лейпцигского университета, долго и убежденно доказывал мне, что Германия совершенно не хочет войны, что вся эта страшная история создана Англией, которую они, немцы, ненавидят от всей души. Вот как думают даже интеллигентные немцы.

3 ноября. Лазарет

Весь день 18 сентября мы шли под гром артиллерийской стрельбы в стороне Августова, где были сибирцы, и в стороне Сувалок[25], где наступали кавказцы. Немцы быстро отходили перед нами. Весело было поменяться ролями. Теперь мы выметали их из нашей земли так же, как они нас не так давно из Восточной Пруссии. В Августовских лесах, где протекала операция, их тяжелой артиллерии негде было разойтись.

19 сентября рядом штыковых атак наш корпус выбросил их из леса. Были взяты орудия и пленные. Наступление развивалось. Но мне уже дальше идти не пришлось. Немецкая пуля во время атаки поставила точку первому месяцу моей боевой работы. Легко было на сердце. Рана — это высшее отличие, которое можно заслужить на войне.

Высокие вершины Августовского леса, озаряемые последними лучами заходящего солнца, последние разрывы шрапнели запоминались ясно-ясно, на всю жизнь.

Не хочется вспоминать кошмарных деталей боя, так как он кончился победой, но нельзя их забывать. Мы должны в будущем устроить свою жизнь так, чтобы этот кошмар был невозможен.

Мы вошли в лес тремя колоннами. Через час мы потеряли связь, части перепутались, выходили в тыл

одна другой, потеряв направление, сталкивались друг с другом, принимая встречного за немцев. Снова не было связи, снова мы не знали, кто справа, кто слева. Кто-то стреляет, кто-то атакует, и никто не знает наверное, что происходит. Только твердая решимость победить и беззаветная храбрость атак решили бой в нашу пользу. Финляндские стрелки впервые показали себя настоящей военной силой.

22 ноября. Лазарет

Получил письмо из родной бригады. Они выдержали суровый бой под Бакаларжевым[26], и выдержали его с честью. Я могу гордиться принадлежностью к этой доблестной части.

Трое суток шел бой. Немцы атаковали. Они собрали против нашей бригады до 100 тяжелых орудий и сделали все, чтобы прорвать фронт на нашем участке. Часами длилась артиллерийская подготовка, затем град тяжелых снарядов сменялся атаками. Отброшенные атаки — новым ураганным огнем тяжелой артиллерии. При нашей сравнительно слабой, легкой артиллерии, являвшей положительно чудеса храбрости, главная сила наша заключалась в решительно веденных контратаках, каждый раз отбрасывавших немцев в исходное положение.

После трех суток такого напряжения к нам подошла помощь, но из 200 офицеров и 7000 стрелков в бригаде осталось 20 офицеров и 1700 стрелков. Зато ни одной пяди земли противнику не сдали.

Старая слава русского войска и в этой войне себя оправдает, а наши молодые части создают свою историю, страницы которой с гордостью будут читать дети наши, вспоминая славное имя финляндских стрелков.

1 декабря. Все еще лазарет

Чувствую себя много лучше. Нога, хоть и плохо, но стала ходить. Скоро снова можно будет вернуться к своим. Они стоят теперь снова под Ангербургом[27], снова в Восточной Пруссии. Пишут, что не могли пробиться через укрепленную позицию немцев, даром что ее защищает местами только германский ландштурм (ополчение). Для атаки укрепленной позиции одной храбрости мало, нужно уметь организовать артиллерийскую подготовку большой группой орудий, нужно организовать массовую атаку пехоты. Этому мы не обучены, а потому атака укрепленной позиции у нас не выходит.

15 декабря. Восточная Пруссия. Будзишкен[28]

Наконец, доктора выпустили меня. Я снова на фронте с финляндскими стрелками. Снова хорошо знакомые картины войны. Многие мечтали, что война будет кончена быстро, в 3—4 месяца, но теперь уже совершенно очевидно, что раньше весны она кончиться не может. То, что раньше, до войны, было лишь моими предположениями о соотношении сил наших и Германии, теперь, после первых столкновений с врагом, стало тяжелой, гнетущей очевидностью.

Громадное превосходство германской техники, особенно превосходство германской тяжелой артиллерии, блестящее смелое командование и маневрирование германцев, твердость их сопротивления в бою — все эти качества ярко себя проявили с первых же столкновений. Наоборот, наше техническое оборудование носит прямо-таки убогий характер. Мы уже получили предупреждение из Ставки о необходимости беречь артиллерийские патроны, так как артиллерия в первые же бои расстреляла запас, который считалось достаточным держать на всю войну. Неподготовленность большей части командного состава

к руководству боем и операциями сказалась также в полной мере.

Эти два важнейших недостатка, как это признано всеми, и мешают нам победить. Нужно срочно строить заводы, с лихорадочной поспешностью оборудовать их теперь же, во время войны, и, не считая денег, закончить нашу техническую подготовку, недоделанную своевременно. С другой стороны, 4 месяца совершенно ясно охарактеризовали людей. Боевая ценность каждого определилась в достаточной мере полно. Без замедления нужно заменить тех, кто по старости или неспособности не может командовать войсками, и назначить командиров из числа тех, кто уже успел зарекомендовать себя своими знаниями, энергией и мужеством в страшных боях этой осени и начала зимы.

Тогда, быть может, весной бои пойдут в других условиях и принесут нам желанную победу. Только я не вижу, кто у нас в России сможет выполнить эту работу? Да если и сможет, то когда?

А пока что мы можем рассчитывать только на одно. Как и во всех войнах, и при всех обстоятельствах,— на наше умение умирать. И, действительно, в только что пережитых боях честно ложились и умирали рядом офицер и солдат, на далеких чужих полях, за любимую неизвестную Родину-мать.

ГЛАВА II

Год великого страдания

1915 год

Обстановка в 1915 году. — Наш переход. Австрийский фронт. — Бой на Козювке. — Отход с Карпат. — Недостаток патронов. — Генерал Лечицкий. — Состояние армии к лету 1915 года. — Генерал Алексеев. — Зимние бои на Стрыпе. — Почему мы сейчас так неспособны к большой организационной работе?

6 апреля. Стрый[29]. Галиция.

Мы вступаем во вторую летнюю кампанию при условиях просто катастрофических. Ни один из недостатков, выявившихся с первого же дня войны, не только не уничтожен, но даже не смягчен. По письмам, которые мы получаем из тыла, видно, что только теперь, на 9-й месяц войны, взялись за развитие заводов, вырабатывающих пушки, ружья, снаряды, патроны. Военный министр дерзко заявил стране, что армия имеет всего вдоволь, и целый почти год ничего не делается, дабы усовершенствовать нашу техническую подготовку.

Что же касается пересмотра пригодности к занимаемым должностям нашего старого командного состава, то здесь почти ничто не изменилось. Только местами люди поменялись. Младшее же командование у нас почти совершенно расстроилось. Большая часть кадрового офицерства легла на полях сражений. Нужно прямо сказать, его подъем, его энтузи-

азм, его самопожертвование заполнили пробел сознательности и культуры народа. Без фраз и красивых жестов исполнил русский офицер свой долг перед родиной, и теперь не ищите его в рядах войск. Там остались лишь немногие, кого пощадили смерть или раны. Ищите их в могилах под Варшавой, в Восточной Пруссии, в Галиции да в тыловых госпиталях, где израненные, истерзанные калеки-герои ждут не дождутся выздоровления.

Перед нами год, когда мы будем бороться без офицеров, без техники, но с прежним руководством. Все это мы скрываем от страны, пока можно.

Ужас холодный просыпается, когда подумаешь, что нам предстоит пережить.

7 апреля. Стрый. Штаб 22-го корпуса

Обстановка на Галицийском театре войны вызвала перевод нашего корпуса из Восточной Пруссии на Карпаты в Галицию. Корпусу поручена задача остановить натиск австро-германцев, стремящихся через перевалы Тухла[30] прорваться в тыл всему Юго-Западному фронту.

Переход нашего корпуса на австрийский фронт дает мне возможность посмотреть войну в иных условиях, чем на севере. С австрийцами борьба носит совершенно другой характер.

С внешней стороны это войско не плохое. Прекрасно вооруженное, одетое и обутое. На вид оно не хуже нашего. Дисциплина внешняя на германский манер, строгая и выдержанная. Люди в строю — манекены. Исполнение обязанностей доведено до высокой степени точности. Словом, с внешней стороны армия не оставляет желать ничего лучшего и сильно напоминает их союзников-германцев. Но внутренние свойства этой армии совершенно иные. Это армия внутри дряблая, и причина тому лежит в области чисто моральных факторов.

Прежде всего в австрийской армии нет импульсов, во имя которых армия охотно пошла бы драться. О национальной идее, столь сильной в Германии, нет и помину. Значительная часть славян определенно тяготеет к России. Венгерцы и австрийцы терпеть друг друга не могут, а итальянцы мечтают о выделении к Италии. Общих экономических интересов, вроде, например, искания выхода к морю также нет. Ни одной из австрийских народностей ничего от России не надо. И, в довершение всего, население Австрии достаточно культурно, чтобы все это ясно понимать. Мало того, и все чисто инстинктивные свойства человека, присущие сильным, здоровым нациям, как то: мужество при перенесении ощущений страха и лишений, твердость в бою — всех этих качеств мало в австро-венгерской армии, и ими могут похвастаться лишь венгерские гонведы[31], и то не все.

Поэтому при столкновении с нашими войсками австрийцы плохо сопротивляются и быстро сдают, а при малейшем поводе, намеке на окружение,— просто кладут оружие.

Наблюдая зимой издали за нашими успехами в Галиции, я не вполне уяснял себе их причины, но теперь, увидев обстановку на месте, я убежден, что главная причина наших побед в Австрии — это моральное превосходство нашей армии над австро-венгерской. Все качества и недостатки наши здесь те же, что и на севере, но слабость нашей технической подготовки и неопытность значительной части нашего командного состава покрываются тем, что наш народ здоровее, сильнее австрийцев.

Недочеты нашего управления сказываются здесь лишь несоизмеримыми с успехами потерями и неполными результатами. Имея в Галиции в первые месяцы войны, кажется, полуторное превосходство в силах и неоспоримое превосходство моральное, мы должны были бы кончить войну на австрийском

фронте полным уничтожением противника в первый же месяц войны, как это сделали немцы с французами в 1870 г.[32]

К сожалению, мы не сумели использовать преимущества, посланного нам судьбой, и борьба тянется здесь с переменным успехом.

Корпус наш, в штаб которого меня взяли, за невозможностью для меня после раны ездить верхом и где мне поручена оперативная часть, вот уже второй месяц ведет легендарную борьбу на Карпатах, на высотах у Козювки[33]. Лишения и муки, которые приходится переносить нашим полкам, не поддаются никакому описанию. На высотах в 900—1000 метров, обледенелых, покрытых лесом, без дорог и тропинок, они сдерживают натиск противника. В наскоро сколоченных блиндажах и убежищах, без печей и самых элементарных удобств, они переносят суровую горную зиму. Вода и пища находятся под горой; наверх, без дорог, доставить их невозможно, и каждый, чтобы получить свою порцию обеда, должен спуститься и подняться на гору, ростом с версту, по обледенелому скату, часто под обстрелом противника.

Немцы придают нашему перевалу особое значение, и бои носят здесь чрезвычайно напряженный характер. Вот, например, эпизод, разыгравшийся недавно в 1-й Финляндской стрелковой бригаде. Он показывает, какие бои приходится выдерживать нам, и это не исключение,— так идут бои каждый день, во всех полках, на всех точках поля сражения.

На высоту 992 был назначен батальон 1-го Финляндского стрелкового полка. И вот 10 офицеров и 800 стрелков, под командой подполковника Янкевского[34], заняли позицию на вершине, на которую направился главный удар австро-германцев. Много часов длился ураганный огонь тяжелой артиллерии противника, подготовляя атаку. Наскоро выбитые в мерзлой земле окопы сравнялись с землей, погребая

трупы героев. На далеких чужих нам Карпатах бился доблестный батальон, высоко в облаках, в снегу, не растаявшем еще на высоких вершинах. Двое суток бились стрелки. Много раз волна атакующих докатывалась до нас и вот-вот, казалось, захлестнет горсточку героев, державших важнейшую для всего перевала вершину. На третью ночь пришла помощь и смена. И наутро увидели вновь прибывшие, что противник залег и окопался в 40 шагах, не будучи в силах преодолеть это ничтожное расстояние и сбросить остатки защитников с залитой кровью вершины.

От батальона после смены сошли вниз: его командир, 1 офицер и 16 стрелков. Человек 50 еще снесли в лазарет — ранеными, а все остальные остались на высокой вершине, погребенные взрывами тяжелых снарядов врага. Видно, не умерла еще доблесть, старая русская доблесть в сердце русских людей.

5 мая. Миколаев[35]. Галиция

Дивная лунная ночь на дворе. Воздух напоен ароматом сирени. Так болит сердце, так безумно хочется красоты и счастья в эту весеннюю ночь. А пушки гремят, не переставая. Бог один знает, скоро ли кончится эта оргия смерти.

Вскоре после поражения армии Радко-Дмитриева на Дунайце[36] Юго-Западный фронт каждый день стал отходить назад. Что там происходит, никто хорошенько не знает. Будто бы немцы сосредоточили 1000 орудий и их огнем смели с лица земли целый корпус и прорвались в образовавшийся промежуток. С этого началось. Выйдя в тыл соседним частям, они вынудили и их срочно отступать, и, развивая таким образом все шире и шире свою операцию, они начали гнать перед собой весь правый фланг Юго-Западного фронта. Борьба с нашей стороны необычайно трудна, так как снарядов у нас так мало, что стыдно сказать.

Сейчас на моих глазах развернулись события, безумную тоску которых может понять только человек, бывший в борьбе и знающий, что такое захват инициативы.

Корпус наш также отступал из гор на равнину. Мы уходили, два месяца честно просидев на перевалах и удержав их, несмотря на все усилия противника выйти через наш проход в тыл расположению армий Юго-Западного фронта. Позиции наши мы сдали только по приказу свыше. На долине мы снова развернулись в четырех группах. Австрийцы осторожно по двум наличным проходам выходили из гор. У них в горах не было ни одной дороги для связи, и их войска, выходя из гор, не могли оказать друг другу помощи. Мы же по равнине могли стянуть к любому выходу любое число войск и атаковать их при выходе превосходными силами.

Люди, бывшие на войне, знают эту священную минуту. Сейчас все еще ничье. Свободны вы, но свободен и противник, смелым движением вы можете захватить инициативу действия в свои руки. Вы начнете диктовать свою волю. Вы сможете использовать свою силу наивыгоднейшим образом. Но избави Бог пропустить время. Тогда начнет действовать он. Вас привяжут к месту, ваши силы издергают по мелочам, вас заставят делать то, что вам совершенно не нужно, и неизбежно вы будете разбиты. Это минута большого решения. Слабый человек в такую минуту думает: «Эх, Бог даст, все само собой образуется. А тут еще ввяжешься в грязную историю». И он ждет. Но сильный духом знает, что жизнь не прощает пассивности. Только большая смелость и настойчивость дают победу. Нерешительность же неизбежно ведет к поражению.

Большое решение оказалось нам не по плечу, как это было почти всю войну, почти везде. Кроме природных способностей, нужно быть еще воспитанным

к большим решениям. Воля должна быть закалена, риск не должен страшить. Строй же нашей военной жизни был направлен именно к тому, чтобы погубить эти драгоценнейшие для военного человека качества.

Противник вышел из гор, развернулся, устроил свой тыл и поочередно атаковал все участки нашего корпуса*. Он подвел резервы из соседних районов, где им не намечались активные действия, рядом разведывательных боев обнаружил все наши слабые места. Будучи хозяином положения, он заставил нас израсходовать все наши резервы, и когда воля наша была убита окончательно, он выбрал наиболее опасное для нас направление атаки и прорвал наш фронт. Финляндские полки, оказавшие чудеса храбрости в этом бою, были разбиты и с огромными потерями отброшены за Днестр[37]. Между тем силы наши и противника в этом бою были почти равны. Вот что значит на войне неспособность принять вовремя смелое решение.

В этом же бою впервые мы почувствовали острый недостаток не только в артиллерийских снарядах, но даже и в ружейных патронах. Что это еще за новое несчастье? В 4-й Финляндской стрелковой бригаде на двенадцатый день боя расстреляны последние патроны, и пополнить их было неоткуда. Австрийцы, обнаглев, совершали все передвижения открыто и пошли в атаку густыми сомкнутыми массами, а у наших стрелков не было ни одного патрона. 4-я бригада не удержалась и отошла. Ее блестящий начальник, генерал Селивачев[38], выехал к отступавшим, сам в цепи подбадривал людей, и действительно ему удалось остановить отход на следующем лесном рубеже. Когда же сверху пришел обычный грозный запрос, кто виноват в неудачном бою бригады, Селивачев с достоинством ответил: «Побеждают мои полки, а если несем неудачу, то виноват я один». Вот бы нам побольше Селива-

* Отход нашего корпуса и соседних частей в это время приостановился, и мы были свободны принять то или другое решение.

чевых! Наверное не было бы такого позора, который мы переживаем сейчас.

Снаряды мы экономим давно, но ружейные патроны были в достатке, и мы с ними не стеснялись. Видимо, отход и поражение на Дунайце сказались и в этом.

12 мая. Миколаев

Еще новое испытание. Образчик, как нам назначают командный состав. Начальником штаба одного из крупных соединений на юге назначен генерал N[39]. Его военный стаж — 10 лет службы на железной дороге по передвижению войск, затем начальник штаба Корпуса жандармов, затем короткое время начальник штаба округа и 4 месяца командир корпуса. Вот каких людей назначают руководить операциями, от которых зависит буквально судьба войны. Удивительно ли, что мы ничего не можем сделать. Мы не знаем генерала N. Он, конечно, исполнен лучших намерений, но что может он сделать, раз у него совершенно нет подготовки к ведению операций крупного масштаба.

10 июля. Гусятин[40]. Оперативное отделение 9-й армии

Я получил назначение в оперативное отделение штаба 9-й армии. Судьба дает мне возможность учиться. Пройдя в японскую войну школу рядового в строю, я начал эту войну в штабе стрелковой бригады. Все бои в Пруссии и в Августовском лесу пройдены в непосредственном соприкосновении с войсками. Затем в штабе 22-го корпуса, во время боев на Козювке и под Стрыем, я имел случай близко познакомиться с аппаратом управления корпуса, а теперь попадаю в самый центр руководства армии, да еще под начальство генерала Лечицкого[41]. Командующего нашего я сразу полюбил и глубоко ценю. Суровый с

виду, с жестким взглядом, небольшой, коренастый. Седые усы, два Георгиевских креста.

Он офицер скромного Сибирского полка, за 25 лет службы в глухом захолустье дослужившийся до командира батальона. Выдающийся ротный командир, выдающийся командир батальона, он, как и вообще каждый армейский офицер, не мог иметь дальнейших видов на движение по службе. Нужно было выходить в отставку. Но в это время случилась японская война, и в боях способности, знание солдата и беззаветная храбрость сказались; Георгиевский крест и командование полком были справедливой наградой.

Легендарная храбрость генерала обратила на себя внимание великого князя Николая Николаевича[42], и Лечицкий последовательно назначен командиром Гвардейской дивизии, командующим войсками Приамурья и ныне командующим 9-й армией.

Редкое счастливое исключение в старшем командном составе. Он прост, непритязателен, но знает себе цену.

Глядя на Лечицкого и работая с ним, проходишь лучшую школу жизни, школу боевой практики и опыта.

Сегодня к нам приезжали члены Государственной думы и говорили с Лечицким о положении дел. И наш железный генерал, который любит и думает о каждом солдате своей армии, в конце разговора был глубоко взволнован. Какой ужас воевать в наших условиях...

Наше военное положение можно характеризовать несколькими следующими данными. Прежде всего состояние артиллерии в нашей 9-й армии: со всеми армейскими и корпусными запасами всего только по 214 снарядов на орудие. Да ведь при скорострельности 20 выстрелов в минуту орудие в сутки боя, и еще не очень упорного, выстреливает больше этого. А 214 снарядов — это все, чем мы располагаем, и количество это идет на уменьшение. За две последние

недели армия, отбивая атаки все время наседающего противника, выпустила 29 тыс. снарядов, а получила на пополнение всего 28 тыс. Некомплект снарядов огромный, и для одной только легкой артиллерии достигает 100 тыс.

Количество тяжелой артиллерии с начала войны не увеличилось. В нашей армии из пяти пехотных и двух конных корпусов состоит всего один тяжелый дивизион, в то время как у противника минимум по одному тяжелому дивизиону на корпус. Вследствие этого наши полки уничтожаются огнем тяжелой артиллерии противника, а наша артиллерия молчит, экономя снаряды. Когда же нам нужно идти в атаку, то наша артиллерия не может стрелять более 10—15 выстрелов на орудие и замолкает. Атака совершенно не подготовлена, и люди должны, под ружейным и пулеметным огнем в упор, ножницами разрывать проволочные заграждения, чтобы прорваться на позицию противника.

В последнее время обнаружилось еще одно, прямо трагическое, явление. Армия не получает пополнения людьми. В стране 160 млн населения, а пополнения мы получить не можем. Или это перепись ошибалась, или... это сплошная дезорганизация тыла. Между тем армия тает; для того чтобы довести численность дивизий до 10 тыс. человек (о штатных 16 тыс. мы не можем и мечтать), нам нужно влить в армию 50 тыс. человек укомплектования. Мы же не получаем теперь ни одной маршевой роты. Каждый выбывший человек — потеря незаменимая. И нужно сказать, что на нашем Юго-Западном фронте дело обстоит еще сравнительно хорошо. На Северном фронте численность дивизии упала до 1000—1500 человек, и пополнить дивизии сейчас невозможно. Расстройство офицерского состава полков сейчас также очень велико. Кадровое офицерство, с которым полки вышли на войну, перебито и переранено. В полках едва осталось

по три-четыре настоящих офицера. Присланные нам офицерские пополнения — это едва доучившиеся прапорщики, молодые, совершенно неопытные, не пользующиеся никаким авторитетом у своих подчиненных. Ни научить, ни воспитать они никого не могут, и дисциплина за последнее время в полках все больше и больше падает, а боевая подготовка их находится на самом низком уровне.

Не говоря уже обо всем остальном, укажу лишь, что нам не хватает даже винтовок. В боях винтовки естественно погибают, а пополнить их нечем. Созданы специальные команды по сбору оружия на полях сражения, за каждую найденную винтовку, принесенную в склад, мы платим деньги; конницу, парки и тыловые части перевооружили австрийскими винтовками, и все-таки недостаток оружия огромный.

Многие перестали надеяться, что мы сможем выйти из этой войны без тяжелого поражения. Действительно, картина безотрадная. За нас только наши огромные пространства. Отходя в глубь страны и не принимая решающего боя, мы этим выигрываем дни и месяцы, и, быть может, нам удастся во время войны закончить ту материальную подготовку, в которой немцы нас опередили и которую мы не успели доделать даже теперь, за целый год войны.

По сведениям, полученным в штабе фронта, снаряды, пушки и ружья будут у нас в достаточном количестве только к весне 1917 г. Тогда и только тогда мы будем похожи с технической стороны на современную армию. Сможем ли мы исправить к этому времени и свой главный грех — научиться воевать? Это меня смущает больше всего. Год уже мы воюем, а до сих пор не умеем пользоваться артиллерией ни при обороне, ни особенно при наступлении. Наша армия стоит сейчас на оборонительной позиции, а три четверти артиллерии расположены более чем в 4 верстах от линии своих окопов. Значит, оказать поддержку

своей пехоте артиллерия может лишь в очень слабой степени. Бороться с артиллерией противника не может совсем, ибо та находится вне сферы ее досягаемости, а о фланговом обстреле подступов к своим окопам — этой основе организации огня при обороне — не может быть речи. Со всеми этими недостатками командующий ведет упорную борьбу, рассылая инструкции и поверяя их исполнение на местах. Но слабая тактическая подготовка не может быть исправлена в короткий срок, и случаи неправильного применения артиллерии часты.

Во время недавнего наступательного боя у Дунинува[43] удалось с большими усилиями сосредоточить для подготовки нашей атаки тяжелый дивизион, единственный в нашей армии. И что же? Дивизион расположился на позиции в 16 верстах от цели, по которой он должен стрелять, имея один общий наблюдательный пункт для командира дивизиона и трех командиров батарей в 9 верстах от пункта атаки. Вследствие такого огромного удаления артиллерии от целей атаки рассеивание снарядов будет огромное, наблюдение же за их попаданиями и совсем ничтожно. Следовательно, от этого дивизиона помощи пехота не увидит, и часто наша многострадальная пехота дерется один на один с пехотой и артиллерией противника и гибнет, а то малое количество снарядов, которое мы имеем, расходуется непроизводительно.

Вот к чему приводит недостаточная тактическая подготовка крупных соединений, на которую так мало обращалось внимания в мирное время. Взаимодействие пехоты и артиллерии— это отдел обучения, который практически почти не проходился.

В общем выводе, все эти недостатки свели нашу армию на роль пассивной обороны, жалкой, деморализующей. Поэтому австрийцы оставили перед нами лишь завесу, а сами пошли со всеми резервами уничтожать наш Западный фронт, Варшавскую группу в

первую голову. Мы же осуждены сидеть и в бессильной злобе смотреть, как гибнут наши товарищи, как гибнет русское дело.

19 августа. Гусятин

Германцы ясно учли наше положение, и в это лето их главный удар сосредоточен на русском фронте. Россия сейчас беззащитна, нельзя воевать в тех условиях, в которых мы находимся, и немцы это понимают отлично. Не сумев сразу уничтожить сопротивление французов в прошлом году, они теперь хотят кончить с нами, добиться на нашем фронте решающих, окончательных результатов. И вот уже пятый месяц, со времени нашего поражения на Дунайце, как идет непрекращающийся натиск германцев, рассчитанный на полное уничтожение нашей вооруженной силы. Идет великое отступление, крестный путь нашей армии.

Нет меры тому бесконечному страданию унижения перед силой врага, которое мы переживаем все это время. Каждая наша попытка заранее осуждена на неудачу, каждое действие противника, наоборот, сулит ему новые и новые успехи. Мы постепенно отходим назад с рубежа на рубеж. Но как только мы где-нибудь пробуем задержаться, новый удар немцев с тяжелой артиллерией, ураганом огня, удушливыми газами, горючей жидкостью прорывает нашу линию обороны и снова гонит нас назад и назад. Ночью мы отступаем, днем нас долбит тяжелая артиллерия. Пехоту противника мы почти не видим: ей нечего делать, так как огненный смерч артиллерийского огня разрешает германцам задачи скоро и просто. Со скрежетом зубовным, с глухой мукой в сердце отходит назад наша армия, затаив в душе чувство негодования к тем, кто довел нас до такого унижения и бессилия. Город за городом, область за областью, полоса Рос-

сии в 500 верст шириной, перешли уже в руки торжествующего врага.

Наши крепости: Новогеоргиевск[44], Ковно[45], Гродно[46], Варшава[47] — падают, не выдерживая самой короткой осады, так как бетон казематов не был рассчитан на сопротивление сверхтяжелым орудиям врага.

И так шло день за днем, неделя за неделей, пять месяцев подряд, без минуты просвета, без луча надежды.

Но армия долг свой исполняет до конца. Умирать мы умеем. Люди шли и погибали за великую родину свою, некогда грозное имя которой многие из них услышали впервые под гром бомбардировки врага.

Люди, которые не знают и не верят в русский народ, пусть пожалуют к нам, на поля скорби, и посмотрят своими глазами на великий подвиг — страдание русской армии.

Один из лучших офицеров нашего штаба с горем заметил: «Русский народ позора этого года не простит. Это первый шаг к революции». И правда, если народ простит все пережитое в течение лета, простит дезорганизацию, недостаток снарядов, неумелое управление,— тогда этот народ не заслуживает права на жизнь.

4 сентября. Дунаевцы[48]

Кажется, судьба начинает немного улыбаться нам. Общественные организации, изверившись в работе правительства, взялись за изготовление всего, что нужно армии, и в середине августа мы получили первый ящик со снарядами, изготовленными на частных заводах Москвы. На ящиках горделиво красовалась надпись: «Снарядов не жалеть».

Мы в армии знаем, чем мы обязаны нашей родной промышленности. С огромными усилиями, преодолевая невероятные трения со стороны всего бюрократического аппарата управления, она начинает создавать

заводы, оборудовать их и лихорадочно доделывает то, чего не может сделать правительство. Имена Рябушинского[49], Гучкова[50], Второва[51], Лианозова[52] доносятся до нас, но сколько других, имена которых нам неизвестны. Эти люди думают и заботятся об армии, и их творчеству, их инициативе мы обязаны этой надписи. После ужасов беспомощности чем мы сможем их отблагодарить? Будьте спокойны, друзья и братья, мы сумеем исполнить свой долг до конца.

К этому времени обстановка на Юго-Западном фронте стала угрожающей. Армии от Полесья до румынской границы весь август медленно, но неуклонно отходили назад, на восток. Австро-германцы не давали нам остановиться и, пользуясь нашей беззащитностью, рвали наш фронт, где хотели, оттесняя нас все дальше и дальше. Житомир[53], даже Киев[54] эвакуировали. Группа дивизий противника шла в обход северного фланга нашего фронта, немцы подготовляли удар у Тарнополя[55] и, наконец, жестокий бой кипел на левом фланге нашей армии у Днестра. Пока у нас не было снарядов, мы не могли предпринять ни одной наступательной попытки, которая одна только могла нас спасти.

Но вот, получив снаряды, мы осмелели и немедленно же попробовали нанести противнику встречный удар. Соседняя армия поддержала нас, и в три дня энергично веденного наступления мы прорвали фронт противника на участке в 25 верст, взяли 33 орудия и 11 тыс. пленных. Этот успех окрылил нас! Мы стали вводить в бой все новые и новые дивизии, и австрийцы, верные себе, покатились назад. Вместо удара по Тарнополю немцам пришлось закрывать прорыв у Струсова. Но в общей суматохе и они ничего сделать не могли. Финляндские стрелки вдребезги разнесли гвардейских фузилеров германского императора, и немцы также вынуждены были отходить. Соседняя 11-я армия также развила свое наступление, бросив

вперед свой правый фланг. Удачи, как и неудачи, идут чередой. Наступление 11-й армии прошло блестяще, и весь фронт, вместо отхода на Житомир, сам продвинулся на переход вперед. Будь у нас в эту минуту достаточное количество снарядов, победа могла бы развернуться в крупный стратегический успех. Но в самый решительный момент штаб фронта известил нас, что снаряды на исходе. Поэтому пришлось ограничить развитие своего успеха, довольствуясь тем, что нам удалось остановить вторжение противника на Украину. Какое счастье знать, что не ворвется неприятельское нашествие на родную землю, что сумели-таки использовать благоприятную обстановку. А это так нужно теперь при общем отчаянии, общем падении веры в успех.

5 сентября. Дунаевцы

Получены известия о назначении генерала Алексеева начальником штаба Верховного главнокомандующего. Скромный труженик без связей фактически будет нашим главнокомандующим. Это эпоха, это огромный шаг вперед, купленный целым годом позорных неудач и несчастий. Роятся новые надежды. Хотя и нет таланта, но есть серьезное знание военного дела, вдумчивость, большая работа, а главное — честность.

Мы, молодежь, давно знаем, что есть у нас Алексеев, наша надежда. Помоги ему Бог.

25 декабря. Гусятин. Оперативное отделение 7-й армии

После нескольких месяцев осенней передышки операции на нашем фронте снова возобновились. В Одессе срочно сформирована новая 7-я армия, в оперативное отделение которой я вошел. Армия эта переброшена на Юго-Западный фронт, и нам поставлена задача прорвать фронт противника, с целью, которую наше Верховное командование определя-

ет — «по политическим соображениям». Каковы эти соображения, мы не знаем, но, вероятно, они очень важны, если пришлось бросить армию на такую муку. То, что мы теперь переживаем, не поддается никакому описанию. Благодаря невыносимым климатическим условиям вся армия живет как бы в дантовом аду. Зимы еще нет, и все кругом липкая грязь. В ней мы живем, ходим, деремся. Погода мозглая, туманная, температура немного выше нуля, вся местность кругом обращена в невылазное болото. Грязь стоит на дорогах такая, что походные кухни добираются до позиции полков с величайшим трудом. Зарядные ящики идут в десять коней, которые их едва вытягивают. От ходьбы в таких условиях обувь совершенно разваливается, тем более что попадаются берестяные и даже картонные подошвы. Для наступающего этот вязкий грунт представляет готовое искусственное препятствие. Перебежки невозможны, так как грязь прилипает пудами к ногам. Как атаковать в таких условиях? От огня противника, от заболеваний потери огромны, и части тают с каждым днем. Есть полки, в которых осталось по 600—700 человек. Бои в такую погоду — истинное наказание Божие. Страшны не пули и снаряды, страшны дождь и грязь, невозможность обсушиться и обогреться по неделям, не говоря уже о крове над головой, о нем уже не мечтают. Негде даже согреть себе чаю, так как во всей округе нет ни одного дома, который давно не был бы уже разобран на костры. Люди по ночам с опасностью для жизни таскают колья из неприятельского проволочного заграждения, чтобы немного согреться и сварить себе чаю. Мы вынуждены охранять часовыми мосты, так как их разбирают на дрова. При таких невероятно трудных условиях приходится вести операцию. Но к трудностям природы прибавляются трудности от собственной непредусмотрительности. Нас учили давно, что «организация не терпит импровизации». Между

тем только одновременно с началом операции начала составляться армия и даже формироваться армейский штаб. Отсюда ряд бедствий: ставя нас на этот участок, никто не позаботился о том, что армия будет есть и как будут подвозить снаряды и патроны. Железной дороги нет. Конная узкоколейка в грязь делает 25 верст в 34 часа и дает вместо 20 всего 6 тыс. пудов груза. Работа интендантства не налажена, и армия получает от одной седьмой до одной трети нужного ей продовольствия. Люди получают не более половины довольствия, но все же еще кое-как накормлены; что же касается лошадей, то они буквально питаются одной соломой с крыш.

Вновь сформированный штаб никак не может наладить работу. Отсутствие привычки к самодеятельности в жизни дало последствия прямо ужасные. Все ждали, что начальство прикажет, но времени на это не было, и вот телеграфисты приехали, не имея клея для подклейки телеграмм, автомобильная команда без шин и бензина, наши писаря с 22 октября не получали горячей пищи, типография забыла краски, бумагу и станок, топографы не взяли туши, нестроевая рота фуража, а телеграфная колонна пришла без телеграфного провода. К этому надо прибавить, что армии не было придано никаких инженерных организаций. Как только штаб фронта передал нашей армии ее район операции — те армии, которым этот район принадлежал раньше, сняли с дорог свои дорожные отряды и ремонт шоссейных дорог немедленно прекратился. Шоссе в короткий срок от страшного движения по нему обозов и парков целой армии пришли в совершенную негодность*. Местами лучше было ехать по паханному, размокшему от дождя полю, чем по шоссе, обращенному в американские горы. Сами

* Сравнить это с работой ремонта шоссе во время подвоза подкреплений французов на автомобилях к Вердену, где каждый выбитый шиной камешек немедленно укладывался обратно и утрамбовывался.

же войска нашей армии гораздо лучше, чем все, что я до сих пор видел. Дивизии пополнены до штатной численности отличными молодыми пополнениями, нам даны самокатные, броневые, авиационные части, мало того, нам дано целых три тяжелых дивизиона, т.е. 24 6″ гаубицы и двенадцать 42-линейных пушек. По сравнению с тем, что было летом, когда наши войска были сильно расстроены и когда больше 6—7 тяжелых пушек никак собрать было нельзя,— все это представляется нам целым богатством, и успех кажется вполне возможным. И тем не менее первая же атака кончилась неудачей и страшными потерями. Вторая атака дала не лучшие результаты. Не понимая, что происходит, я испросил разрешение и отправился на место действия выяснить причины неудач.

28 декабря. Гусятин

У меня на глазах прошел подвиг 3-й Туркестанской бригады, которой была поручена третья атака той же позиции. Пройдя из своих исходных окопов версту до позиции австрийцев по невылазной грязи, ночью они прорвали три полосы проволочных заграждений противника и овладели серьезным участком позиции врага. Кажется, нет невозможного для наших полков. Позиция с ее проволочными сетями, пулеметами в фланкирующих постройках, артиллерийской обороной казалась неприступной, и две атаки разбились перед ней, и вот же сумели взять ее туркестанцы. Но удержаться на ней и они не могли. Позиция оказалась оборудованной внутренними переборками, отсеками, оплетенными проволокой, о которых вследствие отсутствия воздушной разведки мы не знали. С таким способом укрепления позиции мы встречаемся впервые. Доблестные туркестанцы, прорвав главную линию обороны, попали в огневой мешок, были атакованы с фланга и с большими потерями отошли в исходное положение. После этой тре-

тьей атаки было признано, что атака неосуществима и операция прекращена. Наши потери выразились: от 6 тыс. туркестанской бригады осталось налицо 1697 человек, от 26-й дивизии 5900 человек и от 43-й дивизии 3971 человек. К началу операции состав корпуса был около 30 тыс. штыков*, т. е. потери корпуса выразились в 18 тыс. человек, или 54% наличного состава. Причины неудачи все те же неизменные, бесконечно тяжелые, грозные. Мы не умеем воевать. Перед атакой воздушная разведка и фотографическая съемка произведены не были, и мы шли в атаку с завязанными глазами, не зная, где и как укреплена позиция. Мало того, даже ближайший командный состав не произвел необходимой разведки. Действия артиллерии также оставляли желать многого. Так, вечером накануне атаки не только батареи не успели занять свои места, но даже наблюдательные пункты не были выбраны и связаны телефонами. Некоторые батареи встали в 7 верстах от своих целей, а передовых наблюдателей артиллеристов было очень мало. Расчет снарядов произведен не был, и там, где по позднейшим расчетам оказалось, что нужно до 20 тыс. тяжелых и 30 тыс. легких снарядов, там фактически было выпущено всего: тяжелой артиллерии 759 — 6″ тяжелых бомб и 1281 — 3-дюймовых легких гранат. И с этим мы смели надеяться на успех. Я не знаю способа, как дополнить то, что в области военно-научной подготовки не было сделано в мирное время. С лучшими желаниями и отличным порывом (потери

* Характерно, что через санитарные учреждения армии раненых прошло всего около 12 тыс. Куда же делись остальные 6 тыс. человек? Тысячи 3 было убитых. Но три тысячи человек, по-видимому, от невыносимых условий жизни в поле под открытым небом в зимнюю непогодь разошлись по тылам. Большинство этих людей вернется, когда полки отойдут в резерв и когда приветно задымятся походные кухни. Вот обстановка, в которой степень сознания долга в каждом отдельном бойце играет решающую роль.

говорят сами за себя) — кроме крови и поражений, ничего не будет.

30 декабря. Гусятин

Верно, убийственно верно говорит Лечицкий: «Дикие мы, неумные люди. Из лесу вышли. Когда мы научимся воевать?» Это ужасная правда. У нас нет ни порядка, ни самодеятельности, ни организации. Но ведь мы же в этом не виноваты. При нашем государственном строе иначе и быть не могло, ибо гнет абсолютизма душил всякое живое движение в стране. Хорошо было Англии на своем острове в полной безопасности от постороннего вторжения написать свою хартию вольностей в XIII веке и с тех пор уже свободно развивать все силы, все способности народа. У нас исторические условия были другие. До Петра без перерыва, да и после него мы только и делаем, что ведем борьбу за существование в прямом смысле слова. Все силы государства были направлены на одно: только бы жить, только бы не быть уничтоженными соседями. Половцы и печенеги, 200-летнее татарское иго, поляки, шведы, 200-летняя борьба с турками и т. д. Вся наша история — это почти беспрерывная война за существование страны. Все государство и каждый человек всю жизнь должны были служить самообороне. Вся петровская система обеспечивала ведь именно службу в войсках, ведь в этом первопричина крепостного права. Строй должен был быть таков, чтобы каждого человека можно было вызвать в поле на борьбу за свою страну. Отсюда вся страна в крепостной зависимости от войны, отсюда лишение свободы, отсутствие самодеятельности и дикость народа.

Самодержавие было необходимым условием государственной обороны, как единое командование, необходимое на поле сражения. Но вот, Бог даст, кончим войну, освободимся от последнего германского ига,

напишем свою хартию вольностей. Тогда весь свет увидит, что народ, у которого есть Петр Великий[56], Суворов, где есть Толстой[57] и Достоевский[58], Менделеев[59] и Лобачевский[60], этот народ сумеет создать свою культуру. Забудут время, когда мы были «дикими» людьми. Ведь мы же обладаем всеми качествами, необходимыми большому народу.

На протяжении всей истории России, наряду с государственным строительством центра, можно проследить эпические страницы борьбы на окраинах, полные беззаветного мужества, искания новых путей и, главное, той широкой самодеятельности, которая всегда была и будет истинным показателем великого народа. Новгородские ушкуйники[61], Ермак Тимофеевич и Дежнев[62], покорители Сибири, донские казаки, закрепившие за Россией богатую долину Дона. В наши почти дни Черняев[63], Кауфман[64], Скобелев[65], присоединившие к России Туркестан, Невельской[66] и Муравьев-Амурский[67], давшие России Дальний Восток. Вот имена, вот дела, которые хочется вспоминать в минуту тоски, в минуту, когда колеблется вера в свой родной край.

Как тяжело слагалась жизнь нашего народа! Непосильная борьба за существование тормозила его развитие, зажимая его железной рукой нужды, нищеты. Эта постоянная необходимость быть все время готовым к войне давала в стране и в армии перевес дисциплине над самодеятельностью. Когда же лицо войн переменилось, потребовав от страны и армии широкого развития самодеятельности, чтобы добиться успеха, мы этой самодеятельности дать не смогли ни там, ни тут — и вот расплата.

Но если легко объяснить политическим укладом то, что не оказалось самодеятельности в стране, как же это случилось в армии, специально готовившейся к войне?

Ведь наша армия екатерининской поры, организованная Потемкиным[68] и воспитанная Румянцевым[69] и Суворовым, первая в мире нашла и насадила в командном составе принципы самодеятельности и инициативы. Суворов терпеть не мог немогузнаек, за одного ученого трех, четырех неученых давал. Ведь это впервые у нас в армии было еще в начале XVIII века указано «не держаться устава, как слепой стены» (Петр) и позднее сказано Суворовым: «Ближнему на месте виднее. Я говорю направо, ты видишь налево, меня не слушать». И вот Александр Васильевич Суворов, воспитавший своих «чудо-богатырей» на этих принципах, оказался при перемене режима в армии при Павле[70] первым изгнанным из армии за вольный дух. И это фельдмаршал-победитель, водивший армию от победы к победе, сердцем русским понимавший, как надо вести и воспитывать русское войско.

Но русские принципы воспитания сменились при Аракчееве фридриховской палкой капрала, одинаковой для страны и для армии. Аракчеевщина развилась в стройную систему, хорошо сдобренную татарщиной, плетьми, шпицрутенами и ссылками. Сильные люди-победители сразу оказались не нужны, и с трудом их соглашались терпеть лишь на «погибельном» Кавказе. Система эта, вполне отвечавшая всему политическому укладу управления Россией, привилась и, развиваясь, по наследству дошла до наших дней.

В это время наши прежние идеи развития инициативы как-то переселились в прусскую армию. Клаузевиц[71] и Мольтке[72] сумели дать им жизнь, и в 1870 г. мы видим блестящее творчество германского командного состава, в то время как наша война 1904 г. с полной наглядностью доказала весь вред системы, убивающей живой дух в армии. За два почти года этой войны в старшем командном составе не выдвинулось ни одного имени, ни одного блестящего дарования. Но эти талантливые люди есть, и младшее поколение

выдвинуло целый ряд людей, заслуги которых перед армией несомненны и которые вполне оправдали себя в эту войну.

Как ни хочешь уйти от вопросов внутренней политики, до которых нам, военным, не так-то много дела, но жизнь силой к ним возвращает. Мука и позор, переживаемые в каждом бою, даже и не нас, молодежь, а стариков наших заставляют головой биться о стену, думая, что же делать. Нужно открыто сказать, что и офицерство сейчас настроено революционно.

Армия и народ ведь живут одной жизнью. Расцвет народного духа неизбежно ведет за собой и появление таланта в армии. Забитый и темный народ имеет всегда забитую и темную армию, которой будет необычайно трудно выполнить свою задачу на войне. Славный век Екатерины[73] в армии ознаменовался рядом талантливых вождей: Суворов, Румянцев, Багратион[74], Кутузов[75], Тучков[76] и др. Эти офицеры были героями Рымника[77], Фокшан[78], Праги[79], Измаила[80], Треббии[81], эти люди совершили единственный в истории переход через Сен-Готард[82], Чертов мост[83] и Паникс[84].

Император Павел не мог в 3 года выбить славные традиции екатерининской армии. Суворовских птенцов и его школу мы встречаем еще и в 1812 г., но постепенно шпицрутены и слепая субординация забили творчество и талант в нашей армии, и мы имеем в нашей истории ряд бесславных походов Николая Павловича[85] и Севастополь, где доблесть войска резко противополагается поразительной неопытности, даже неграмотности руководства.

Новая вспышка народного духа — прекрасная пора Великих реформ царя-Освободителя. Новая армия создается, и целый ряд вождей украсил страницы истории войн в Малой Азии и на Балканском полуострове. Таковы Гурко[86], Скобелев, Радецкий[87], Кауфман, Черняев, Милютин[88] и т. д.

Но вот снова темнеет солнце, снова усиливается гнет, снова все талантливое бежит из армии, и с тех пор мы не имеем ни одного имени, ни одной славной победы.

Одно остается неизменным во все войны — это душа армии. Честно исполняет она свою присягу, безропотно умирает, выполняя свою задачу, искупая кровью все грехи подготовки и командования. Так было, так есть и теперь.

Очень больно чувствуется то, что пока мы несем всю эту муку лета и зимы, наши союзники как бы ничего не делают. Два маленьких наступления, и это все. Правда, мы знаем, что они лихорадочно готовят тяжелую артиллерию и снаряды, которых у них к началу войны не было. Мы знаем, что у них нет запаса людей, что английскую армию нужно всю формировать заново и лучше подождать, чем рисковать неготовой армией. Но ведь темная масса наша этого не знает. Мы ведь живыми человеческими телами закрываем недостатки нашей подготовки и поэтому молчание союзников у нас чувствуется больно.

В то время как мы выбиваемся здесь из сил, за нашей спиной в тылу идет какая-то вакханалия внутренней политики. Назначения носят характер общественного скандала. После призвания никому неизвестного чиновника Штюрмера[89] (с немецкой фамилией во время войны с Германией. Неужели не нашлось ни одного русского человека?) на пост председателя Совета министров, на пост главнокомандующего Северным фронтом назначается Куропаткин, человек, который больше каждого другого доказал свою неспособность командовать. Немцы, которые каждую свою радость и победу сообщают по радио всему свету, не забыли и этого случая в своих радиобюллетенях.

31 декабря. Гусятин

Кончился этот страшный 1915 год, год крестной муки, непрерывного отступления, — год великого страдания армии. В этом году морем крови, горами трупов и громадной территорией Русской земли заплатили мы за свою неготовность, за неспособность самодержавного строя организовать борьбу и подобрать настоящих людей у власти. Тем не менее разбить себя мы не дали, и германский удар на нашем фронте, как в 1914 г. на французском, никаких военных результатов не дал. Это главное. Этой борьбой выиграно время, использованное нашими союзниками, чтобы закончить свою военную подготовку.

Казалось бы, что за 1914 год, когда все недостатки наши выявились в полной мере, можно было бы многое исправить. Но нет, этого не случилось, и даже в 15-м году мы все еще живем мечтами, что следующий год принесет нам исправление всех наших горестей.

Но этот год не прошел даром для народного самосознания, и негодование существующим строем разливается все шире и шире, охватывая страну, армию, офицерскую и солдатскую среду. Позора муки нашей народ не может простить тем, кого он считает виновником пережитых поражений.

С глубокой скорбью должен я отметить, что главная причина наших неудач — система подбора людей у власти, на фронте и в тылу — остается в полной силе, и верховное командование, видимо, не сознает того решающего и гибельного влияния, которое эта причина имеет на ход войны. Если в этой области мы не пойдем на героические меры, то победы нам не видать и впредь, даже и при хорошем вооружении. Одно только может нам помочь сейчас. Нужно дать право каждому начальнику выбирать себе ближайших непосредственных помощников, не считаясь ни с

каким старшинством, а лишь с действительными качествами избираемого офицера. Только тогда будем мы в состоянии обновить свой командный состав серьезно, выдвинув из всех слоев армии на ответственные посты людей, отмеченных искрой Божией, иначе последствия работы мирного времени над командным составом, убившие в людях самодеятельность и характер, погубят нам армию, погубят Россию.

Еще одно болезненно, оскорбительно тяжело чувствуем мы сейчас в армии. После первого впечатления войны, когда вся жизнь как бы сосредоточилась в одном усилии, теперь нас забыли. Люди, приезжающие из России, оправившись от ран, говорят, что в России идет сплошной праздник, рестораны и театры полны. Никогда не было столько элегантных туалетов. Армию забыли... Так неужели же наши усилия, кровь и мука никому не нужны, и даже русское общество настолько мало любит свою родину, что может веселиться в то время, когда здесь льется кровь и армия изнемогает в смертной борьбе за Россию? Но ведь борьбу ведет теперь не одна только армия, а весь народ, и если огонь патриотизма не горит в стране, то он потухнет и в армии; а бороться и идти на смерть без веры в свою правоту, в то, что это кому-то нужно,— нельзя.

ГЛАВА III

Наш переход к нападению

1916 год

Обстановка к 1916 году. — Взятие Трапезонда. — Условия борьбы на турецком театре. — Летнее наступление 1916 года в Галиции и причины его неуспеха. — Румынская авантюра. — Состояние армии и страны к концу 1916 года

1 марта. Гусятин

Кампанию этого третьего года войны мы начинаем в сравнительно благоприятных условиях. Ценою великого страдания армии в 1915 г. мы спасли нашу вооруженную силу от разрушения, ради которого 5 месяцев, на протяжении 500 верст немцы вели свой всесокрушающий удар, разбившийся о наше упорство, потонувший в наших необъятных пространствах.

Потребовав у народа нового колоссального напряжения, мы не только значительно оправились, но даже сильно подвинулись вперед во всех отношениях. С 3 млн 800 тыс. человек численность армии доведена ныне почти до 9 млн. Соответственно этому возросли, конечно, и требования на все, что нужно для армии: на лошадей, повозки, снаряды, металл, железнодорожные перевозки и в особенности на деньги. Государственные расходы с 3 $^1/_2$ млрд поднялись до 11 млрд в год. Но зато в армии теперь есть все, что нужно, хоть не в избытке, но без кричащего недостатка. Есть и тяжелая артиллерия, есть и снаряды, довольно прилично поставлена авиация, вопрос с попол-

нениями налажен, прапорщики-офицеры произведены ускоренно в следующие чины, и действительно за время войны многому научились и стали ценными руководителями своих подчиненных. А душа офицерского корпуса, его готовность на жертвы, чувство долга и умение умирать преемственно передались и новому обновившемуся офицерскому составу. Дисциплина в армии, в связи с этим, значительно возросла, и войско наше во всех отношениях стало похоже на современную армию. Если же принять во внимание, что мы на своем русском фронте в полтора раза сильнее австро-германцев, то наши шансы на успех в этом году несомненны и, совместно с развившейся мощью наших союзников, казалось бы, в этом году мы сможем отбиться от немцев и кончить войну почетным миром.

Одно лишь основное наше несчастье — наше неумение, в общей массе, воевать — осталось с нами, и этот тормоз способен все наши блестящие шансы в этом году свести на нет.

6 апреля. Трапезонд[90]. Штаб высадки на посыльном судне «Александр Михайлович»

Моя работа с моряками в Одессе, во время формирования штаба 7-й армии, предоставила мне случай принять участие в интереснейшей операции десанта, направленной для овладения Трапезондом с моря.

Сегодня операция благополучно закончена, полная победа одержана — нами занят Трапезонд. Как страшно радостна первая победа после всех мучительных неудач, перенесенных зимой! Как сейчас в Трапезонде хорошо! Небо и море голубое. Громада снеговых гор наверху, а внизу весна, роскошная южная весна, с огромными южными цветами.

Вход в Трапезонд был совершен по тому самому церемониалу, по которому входили в побежденные города победители в старых, красивых сказках. Депу-

тации от духовенства и горожан встречали победителей на пристани, сплошь устланной лавровыми ветками, дождь цветов из окон, торжественное молебствие в старинном соборе и действительно искренняя радость, что наконец-то их город перешел во власть культурного народа.

По словам американского консула, турки, за последний месяц своего господства в Трапезонде, вырезали всех жителей армянского происхождения. Его рассказ о зверствах, совершенных турками, переносит нас во времена Средневековья. Были, например, случаи, когда они живого человека распинали на деревянном кресте и пускали плыть в море. Плавай, пока не умрешь. Или, связав целую семью веревкой, отца бросали в воду первым, и он тянул за собой всю семью. Неудивительно, что люди благодарят Бога за наш приход, за освобождение от турецкого ига.

Вот в здешних условиях мы можем воевать. Здесь *наше* превосходство культуры, здесь мы и в организационном, и в техническом отношении сильнее. Здесь мы могли бы добиться решительных результатов. Но для этого снова нужны большие решения верховного командования. А ведь, притянув сюда 3 — 4 корпуса с Западного фронта, мы могли бы совершенно вывести турок из игры, соединиться через Босфор с нашими союзниками, получить от них все, что нужно и чего у нас не хватает, освободить нашу Кавказскую армию, завязшую в горах Малой Азии, и развивать операции дальше и дальше с юга на Болгарию и Австрию. Пользуясь свободой перебросок на Черном море, где наш транспортный флот может поднять одновременно два корпуса, мы здесь хозяева положения и... ничего. Снова безвольно опущенные руки, снова инициатива захвачена нашим врагом. Говорят, что все это очень трудно, очень рискованно, как будто можно без риска и труда чего-нибудь достичь на войне.

Горькая судьба нашего поколения! Мы уже родились и выросли при другой вере, с другими идеалами. Мы воспитаны на других началах, выучены в другой школе. Мы ясно видим, что вся жизнь пошла бы по-другому, если бы удалось на практике осуществлять то, что угодно называть нашими мечтами и что в то же время является лишь здоровой и смелой стратегией.

Но сделать мы ничего не можем. Мы должны лишь учиться на чужих ошибках старого поколения и донести нашу веру и наше желание работать до того времени, когда станем хозяевами жизни.

25 мая. Гусятин

После занятия Трапезонда операции на малоазиатском побережье временно затихли, и меня вернули снова в 7-ю армию, в Галицию, где уже шла полным ходом подготовка к летнему наступлению. И вот снова Гусятин, снова лето, снова те же поля и леса перед окном. На этот раз подготовка к наступлению была проведена систематически и планомерно. Произведена детальнейшая разведка всей позиции противника перед фронтом армии, вся позиция сфотографирована с воздуха, каждый кусочек изучен, проверен наблюдениями с передовых наблюдательных пунктов. Каждая батарея противника найдена, зарегистрирована, точно определены до нее все данные для обстрела нашей артиллерией. Вся артиллерия, которую только можно было стянуть со всего фронта армии, подтянута к месту атаки, каждой батарее точно указаны ее цели на разные периоды подготовки. Рассчитано и заготовлено все нужное количество снарядов, наконец подготовлены плацдармы для пехотной атаки. И вот наступление началось. Сегодня третий день боя всего Юго-Западного фронта. Каждая армия наносит удар противнику на своем участке, со скромной задачей приковать противника к месту, не дать ему

стянуть резервы на участок, противостоящий нашему Западному фронту, где верховным командованием предположено нанести главный удар. Сообразно задаче, и средства, нам данные, не велики: в 7-й армии удар наносит собственно одна дивизия пехоты и один тяжелый дивизион*. Для демонстрации против австрийцев и этого довольно, так как недаром же мы провели все декабрьское наступление, не сходя с наблюдательных пунктов, каждый на своем участке. Техника атаки укрепленной позиции была изучена нами детально, и теперь наступление разыграно как по нотам. Полный успех увенчал нашу работу. Позиция противника, о которую мы разбились зимой, с бетонными убежищами, тремя полосами проволочных заграждений, отсеками, наблюдательными пунктами, блестяще разработанной фланговой, артиллерийской и пулеметной обороной,— все досталось нам. Тысячи пленных, десятки орудий[91].

Победа наполняет сердце радостью.

После блестящего успеха французов, одержанного ими под Верденом[92], этот наш успех, не менее грандиозный, а по числу пленных превышающий французский во много раз, быть может, приблизит конец войны, почетный, славный, достойный великого народа.

29 мая. Гусятин

Побывав в австрийских окопах, ясно видишь, насколько им легче переносить войну, чем нам. У них отличные, выложенные со всех сторон деревом окопы, с деревянными настилами от грязи. Великолепные, сухие, светлые и теплые блиндажи-убежища для жилья. Помещения офицеров даже оклеены обоями. К самым окопам подходит узкоколейная железная дорога, подвозящая все без хлопот, включая даже

* Сравнить это с ударом, нанесенным сейчас германцами на Амьен, где участвовало 106 дивизий и до 10 тыс. орудий всех калибров.

такую роскошь, как ликеры и пиво, которые были найдены в весьма большом количестве.

Наши ничтожные материальные средства и слабая техника ставят наши войска в совершенно иное положение. Мы провели зиму в невероятных условиях. Печки пришли к нам лишь в конце января, и то заготовленные благодетельной рукой общественных организаций, деятельность которых вся армия начинает сильно ощущать и глубоко ценить. В начале 1916 г. заметна резкая перемена к лучшему. По тем результатам, которые мы видим здесь, на фронте, нужно думать, что русское общество и русская промышленность развивают колоссальную деятельность. С благодарностью называют имя князя Львова[93], известного армии еще с 1904 г.; работа Земгора[94], Земсоюза[95], Красного Креста и других организаций дают тот огромный результат, что все раненые действительно получают прекрасный уход, что у войск есть бани, кипятильники, дезинфекционные камеры, и благодаря всему этому никаким эпидемическим заболеваниям не дают разрастись. Мало того, разрушенные здания восстанавливаются, роются колодцы, проводятся дороги, всякая утварь, телеги, кухни, одежда — постепенно появились в достаточном количестве. О снарядах и говорить не приходится — они есть в достаточном количестве. Позже снабжение было настолько улучшено, что армия глубоко благодарила людей, своей энергией, инициативой и деньгами пополнивших недостатки нашей подготовки и помогавших нашим успехам.

Но общественные организации страны за два года не смогли изменить того, что являлось результатом общих свойств наших к началу войны.

Даже блиндажи и убежища не скоро были построены, так как леса под рукой не было, подвозить издалека не хватает перевозочных средств. А об узкоколейках нам, при бедности нашей, почти не прихо-

дится и мечтать. Наши войска холодали и мокли всю зиму напролет. Во время февральских заносов и стуж каждый день на фронте армии бывало по несколько десятков замерзших людей. Нужны необычайные терпение и выносливость нашего офицера и солдата, чтобы переносить войну в таких невероятно трудных условиях.

2 сентября. Бучач[96]. Оперативное отделение 7-й армии

Прошло целое лето непрерывных боев. Мы все время наступали, прорывая одну за другой укрепленные позиции противника и обратив намеченный верховным командованием демонстративный удар в главную решающую операцию. Мы продвинулись на 100 верст вперед, взяли около 400 тыс. пленных, около 1 тыс. орудий, массу пулеметов и всевозможной военной добычи. Но на этом все и кончилось. В окончательном итоге, огромные, ни с чем несообразные потери. Лето сто́ит русской армии 600 тыс. убитыми и ранеными.

Блестящая, казалось бы, победа этого лета не радует, так как реальных результатов нет никаких. Она ни на шаг не приблизила нас к окончанию войны, о котором определенно начинают тосковать теперь народ и армия.

Снова, как в первые месяцы войны на Галицийском фронте, окончательная, решающая победа давалась нам в руки. Мы могли кончить войну в этом году и не кончили потому, что не хватило верного военного чутья и умения руководить войсками.

Начать с того, что главный удар был намечен на Западном фронте, а у нас в Галиции лишь демонстрация. Между тем ведь очевидно было, что на Западном фронте, где противником были немцы и где наши войска не были знакомы с техникой атаки укрепленной позиции, результатов достичь не удастся. И действительно, то блокгауз какой-то разбить не удается, то на тыловой позиции атакуют во фланг германские ре-

зервы. Словом, на германском фронте мы ничего поделать не могли, несмотря на то, что туда были даны и огромные средства, и могущественная артиллерия, и прекрасные войска. Нам же почти ничего не дали, и благодаря слабой сопротивляемости австрийцев и нашей сносной технической подготовке наша демонстрация, неожиданно для верховного командования, развернулась в блестящий успех в то время, как на остальных фронтах операция закончилась снова кровавой неудачей. Тогда началась переброска наших войск с Западного и Северного фронтов к нам в Галицию. Но уже было поздно: германская железнодорожная сеть, гораздо более сильная, давала немцам возможность совершать переброски скорее нас, и, несмотря на наше общее значительное превосходство в силах, немцы везде успевали ликвидировать наши успехи и останавливать наше наступление. Неспособность наших армий Северного и Западного фронтов к производству успешного наступления стоила нам очень дорого. Немцы, как бы насмехаясь над нами, уводили с этих фронтов все резервы и ими останавливали наше победоносно развивавшееся на юге наступление. Мало того, и на нашем фронте, вместо того чтобы подвозимые в распоряжение фронта части группировать и наносить ими сильные, всесокрушающие удары, их разбрасывали по всему фронту. Поэтому нигде не удавалось достичь крупных результатов, но потери везде были очень велики.

Наконец, самая техника наступления была все же столь несовершенна, столь далека от минимальных требований, особенно для частей, приходящих к нам с других фронтов, что не знаешь, как пережить, как перенести этот ужас.

Многие вещи и в это лето оказались для нас недостижимыми. Организация большого наступления, требующая огромной комбинированной деятельности ряда лиц и больших знаний, нам все не дается, и

вследствие дефектов механизма управления бывают ужасные случаи, как, например: атака блестящего с историческими традициями, N-ского корпуса, наполовину уничтоженного, при атаке противника на укрепленной позиции через непроходимое болото или неоднократно имевшие место штурмы укрепленных позиций с версты и больше, в то время как атака в современных условиях возможна максимум с 300 — 400 шагов. Я сам не раз видел пехоту, которую заставляли бросаться на штурм без артиллерийской подготовки, как, например, в районе Бучача,— части N-ского корпуса, прорвав главную позицию противника, атаковали тыловую позицию, поддерживая свое движение огнем всего трех орудий, в то время как остальные 100 орудий корпуса, не успев еще продвинуться вперед, стояли на старых позициях и помощи оказать своей пехоте не могли.

Словом, нас преследовал ряд ошибок и ряд наказаний за них. Но иначе и быть не могло. Ничто не изменилось в системе управления армией и в системе выбора лиц. Мы не можем дать больше, чем имеем сами. Только героические меры по обновлению большей части командного состава могли бы помочь беде, но наше старшее командование, под давлением сил, вне армии лежащих, ничего в этом направлении сделать не может,— и потому N-ским корпусом под Бучачем командует тот самый генерал N.[97], назначение которого на штаб N-ского соединения, после службы на железных дорогах и в Корпусе жандармов, всех нас так удивило. Корпусом же, которому случилось атаковать по болоту, и по сей день командует генерал N., карьера которого настолько характерна для всей системы, что ее стоит отметить. Он начал войну командиром кавалерийской дивизии в Восточной Пруссии, но был отрешен, так как его действия были признаны неудачными. Благодаря придворным связям, в мае этого же года он сразу назначен, с повышением,

командиром N-ского конного корпуса в Галиции. За все лето командования за ним не числилось ни одной удачно решенной задачи, неудача преследовала его за неудачей, и главнокомандующий Юго-Западным фронтом, разобрав, насколько в этих неудачах причиной являются недостатки способностей генерала N., изъяв из подчинения ему всей его части и даже штаб, фактически отстранил его от командования вторично. Тогда из Петрограда ему дают новое блестящее назначение — командовать N-ским пехотным корпусом, атаковавшим противника через непроходимое болото. Вот примеры, как назначаются лица на командование, и, к сожалению, это не единичные случаи, а система. Быть может, повторяю, генералы эти полны добрых желаний, но, во-первых, такими желаниями вымощен ад, а, во-вторых, реальной пользы от них армии нет никакой. Она просто чувствует, что ее ведут в бой люди, которые дела своего не знают.

Все это вместе: неудачный подбор командного состава, неумение воевать и т. д. привело к тому, что летнее наступление замерло, не закончив войну, но стоит нам бесконечно дорого, как с чисто материальной стороны, так и, главное, с моральной. Потеря веры в командный состав стала, к сожалению, общим явлением и выливается иногда в уродливые формы; так, 7-й Сибирский корпус, по сигналу атаки, не вышел из окопов и отказался атаковать, несмотря на блестяще произведенную подготовку артиллерии. Другой подобный случай был и у наших соседей, 9-й армии, в Карпатах, где одна из дивизий (номера ее не запомнил) также отказалась выйти из окопов и атаковать. Подобные же случаи были в ряде других мест, в большем или меньшем масштабе.

Это явление уже прямо угрожающее. Видимо, терпение народа подходит к концу.

6 сентября 1916 г. Бухарест[99]

Судьба забросила меня теперь в Румынию, в качестве помощника по оперативной части нашего представителя при румынской Главной квартире. Наша задача — служить живой связью между румынским и нашим старшим командованием.

Необычайно интересно увидеть войну в условиях другой страны и культуры, в условиях другого театра войны; кроме того, здесь работа будет идти в группе войск, соответствующей группе армий, фронту.

Выступление Румынии, как новой свежей силы, как нового помощника, мы все издали приветствовали. Ведь силу Румынии составляют 23 дивизии, или около 600 тыс. людей под ружьем. Такое новое усиление наше, особенно на фланге, где у немцев нет ни сил, ни подготовленных позиций, может иметь решающие для войны результаты.

Но, приехав в Румынию и присмотревшись к действительности, я отказываюсь уловить логику в том, что приходится видеть. Действительно, трудно разобраться в причинах и следствиях того, что здесь происходит. Мы приложили огромные усилия к тому, чтобы Румыния выступила на нашей стороне. Теперь это совершившийся факт, но наш новый союзник с его 23 дивизиями будет, кажется, нашей ахиллесовой пятой. Я успел повидать его войска и в поле в Добрудже[100], и в Карпатских горах, на высотах Петрусула[101], и вот выводы, которые я спешу, конечно, донести людям, поставленным решать судьбы войны. Румыния еще менее, чем мы в 1914 г., готова к современной войне, как в смысле технического снабжения, так и в смысле тактической подготовки.

Как пример могу сказать: у румынской пехоты почти нет пулеметов, телефонов, шанцевого инструмента, проволоки, и совершенно нет умения пользоваться всеми этими приборами, нет даже умения

укрепляться. Румынская артиллерия вышла на войну с материальной частью, лишь наполовину перевооруженной скорострельной артиллерией и совершенно без тяжелых пушек. Артиллерия, как в войну 1877 г., стреляет с открытых позиций, и организация групповой стрельбы им неизвестна. Служба связи в румынской армии также пока неизвестна, штабы связаны между собой обычными телеграфом и телефоном, так же, как обыкновенные абоненты, вызывая друг друга через общие городские централи, а приказы короля, наравне со всей телеграфной корреспонденцией, проходят через общегосударственную цензуру!?

Армия с таким знанием войны, конечно, воевать не может и будет разбита, как только столкнется с неприятелем, войско которого правильно устроено и обучено.

Вот здесь для меня и лежит непонятное. Если мы вызывали румын на войну для того, чтобы стать самим сильнее, то немедленно нужно было снабдить их всей недостающей техникой, которой мы могли бы теперь, на третий год войны, поделиться, и затем срочно прислать инструкторов по всем отделам военной науки. Главное же — это прислать сюда свои войска, спасти румын от грозящего и неминуемого уничтожения*. Одновременно мы использовали бы открывающуюся возможность сразу покончить с сопротивлением австро-германцев на Карпатах, так как румыны уже прошли обе цепи Карпат и вышли на венгерскую равнину, в то время как мы, имея перед собой и войска, и укрепленные позиции немцев и австрийцев, чего перед румынами пока нет, разбиваем свои дивизии в тяжелых горных боях.

Если же всего этого не сделать, то румыны, предоставленные самим себе, будут неизбежно раздавлены

---

* Через два месяца так все и было сделано, но уже было поздно. Все ведь хорошо вовремя, а наши приехали, когда румыны были уже на краю гибели.

и откроют немцам путь в южную Россию. Здесь, как и везде на войне, нужно большое и смелое решение, и во всяком случае решение цельное. Или, вызывая Румынию на войну, дать ей все, что нужно,— тогда выступление Румынии есть большой плюс для дела, или же, если мы не можем ей дать всего, что нужно, надо оставить ее нейтральной, и тогда хоть вреда, по крайней мере, не будет. Нами принято среднее решение. Пусть выступит со своими только силами, авось и так будет хорошо.

Да, но ведь платить за битые горшки опять будем мы, и опять мы же будем затыкать дыры горами человеческих трупов. Господи, да будет ли конец этому издевательству над Россией?!

30 сентября. Главная румынская квартира

Немцы опять раньше нас поняли обстановку. Они подвезли сюда три свои дивизии и ударили сначала по 1-й, а потом по 2-й румынским армиям, и несчастные румынские полки с шумом и паникой покатились назад. Что же могло случиться другое? Сколько во время этого отступления потеряно обозов, артиллерии, лучше не говорить.

17 ноября. Там же

За эти полтора месяца вся западная Румыния была оставлена. Бой идет за Бухарест. Орудия гремят около города, не переставая. Сегодня поздно ночью я проезжал через город на автомобиле. Как это ни странно, но город продолжает жить своей повседневной жизнью, как будто ничего не происходит. Веселье, смех на улицах, свет в окнах ресторанов. Румыны и румынки гуляют по Калеа-Викторea[102], как в самый обычный повседневный вечер.

Через проходящих людей до нас долетают слухи о том, что делается в Петрограде. Говорят, что Дума

выгнала Штюрмера, но что вновь назначен Трепов[103], всей стране известный как определенный реакционер. Зато военный[104] и морской[105] министры заявили в Думе, что без поддержки народного представительства они работать не в состоянии. Это что-то новенькое, неслыханное. Плохо как-то это мирится с уходом Алексеева[106], одного из немногих настоящих людей в старшем командовании. Другие слухи однако опровергают его уход, говоря, что от непосильной работы он переутомился и серьезно заболел.

8 декабря. Румыния

Я уезжаю отсюда, больше не могу выносить стыда. Мы вызвали Румынию воевать и подставили ее одну под удары немцев, а теперь, когда от румын остались одни щепки и две трети страны захвачены немцами, мы спохватились и пошли их выручать. Но чего это нам стоит теперь? Целые дивизии наши, подходящие поодиночке и заступающие на места уничтоженных румын, разрываются в клочья сосредоточенными ударами австро-германцев. Этим сгоранием наших сил выигрывается время, нужное нам для сосредоточения наших армий, идущих на помощь Румынии, как в эпоху войны 1812 года, походным порядком вдоль железных дорог, переставших работать. Там, где в августе можно было обойтись 3—4 корпусами, там в декабре понадобилось три армии, а от всего румынского войска осталось из 23 — 6 дивизий.

Вся наша несостоятельность организации борьбы в широком масштабе сказалась и здесь. Мы не сумели вовремя принять большого решения, не сумели снабдить румын всеми нужными им средствами борьбы, мы не сумели вовремя подкрепить Румынию своими войсками. Мало того, послав их, наконец, мы проявили в этом вопросе поразительную недальновидность. Мы сочли, например, возможным послать в Добруджу 47-й корпус из только что сформирован-

ных дивизий, с еще только формирующимся во время операции штабом и без средств связи. И его послали воевать с болгарами, великолепно устроенными и снабженными всеми средствами немецкой техники. В результате поражение, особенно тяжелое в Болгарии по своим политическим последствиям, тяжелые потери и посылка новых и новых войск на помощь.

С другой стороны, и руководство военными действиями по-прежнему давалось в руки людей, заведомо неспособных привести дело к благим результатам.

Таково, например, назначение генерала N[107] командиром одного из корпусов в Добрудже. Его карьера также весьма характерна в общей системе назначений в нашей армии: он командовал корпусом в Галиции в 1915 г. и крайне быстро отошел со своим корпусом от Черновиц до Станиславова, не проявив никакой инициативы, не приняв никаких мер, чтобы организовать сопротивление; его отрешили. Через полгода его имя снова встречается под Вильно, где он со своим корпусом снова очень быстро отошел, открывая противнику пути отступления. Его вторично отрешили. На мой вопрос, как можно его снова назначать на ответственное место, мне ответили, что из старших генералов он наиболее подходящий кандидат и что некого другого назначить. Через три дня начался бой; генерал N остался верен себе и отступил назад с большой стремительностью. Тогда его отрешили снова, и на этот раз, кажется, окончательно.

Все те же неизменные причины, действующие с начала войны, приводят к тому, что из необычайно выгодного положения — присоединения Румынии к войне — мы вместо выигрыша получили только новый позор, заплатили за это потоками крови, тысячами погибших людей и, главное, не добились никаких результатов. Дело мира, совершенно необходимого

теперь по внутреннему положению страны, так же далеко от нас, как и в начале войны.

Мало того, из некоторых частей войск до нас донесся определенно тревожный ропот: обороняться будем, а наступать не пойдем*.

10 декабря. Румыния

Однако как умны немцы. Они предложили всем воюющим кончить войну и заключить мир, широко оповестив по радио и всеми иными способами об этом мир и свое население. А мы отказались. Теперь Вильгельм может сказать своему народу и войску: «Вы видите мое миролюбие. Не я заставляю вас снова и снова идти на лишения и смерть. Германию хотят погубить, хотят отнять у вас и у ваших детей последний кусок хлеба. А потому пусть наш Старый немецкий Бог благословит вас, дети мои, на новые подвиги!»

И дети пойдут, предшествуемые всесокрушающим огнем тяжелой артиллерии, ядовитыми газами и струями огненной жидкости.

25 декабря. В отпуску в Петрограде

Думал отдохнуть немного от пережитого в Румынии, но в тылу готовятся события еще более страшные.

Внутри страны обстановка прямо угрожающая. Россия кипит от негодования, так как угадывает причины, почему до сих пор не победили. Государственная дума, реакционный Государственный совет и даже съезд объединенного дворянства заговорили одним языком, настаивая на обновлении государственной жизни. Все требуют главным образом ответственного министерства, для того чтобы привлечь к работе лучшие силы страны, освободить их от гнета мертвящей и убивающей всякое живое дело системы

* Разложение армии, следовательно, началось задолго до революции.

бюрократизма. В этом гнете, лишающем страну всякой самодеятельности, люди справедливо видят главный тормоз, мешающий нам победить Германию.

Постоянная смена министров, выбрасываемых без всякого к тому основания и замещаемых людьми совершенно случайными, полицейский режим, совершенно убивающий всякую творческую работу,— довели страну до отчаяния. В высших слоях общества, всегда бывших опорой трона, недовольство так же сильно, как и в низах. Убийство Распутина[108], совершенное, как говорят, одним из видных представителей аристократии,— это уже предел, за которым идет путь по стопам придворных Павла I. Царь не доверяет даже членам царской семьи. Великий князь Димитрий выслан[109], за Николаем Николаевичем учрежден такой надзор, как за заговорщиком, между тем более преданного слуги у царя нет. Словом — царь и его правительство сейчас совершенно изолированы и потеряли всякую опору в стране. Они виноваты, и народ их клеймит.

29 декабря. Петроград

Самое тяжелое — это нарастающий экономический кризис. Невероятное в России истощение средств к жизни, к которому привела бесхозяйственная расточительность в расходовании народных сил и средств; наши расходы поднялись до 18 млрд* в год, причем 14 млрд добывается кредитными операциями, и только остальное получается от эксплуатации производительных сил народа. Вот какова несоразмерность требований стратегии со скудными экономическими средствами страны. Тяжелые результаты этого мы переживаем сейчас. Это невероятно, но мы взяли из страны до 15 млн людей, а в действительности име-

---

* Годовой доход всего народонаселения России до войны выражался цифрой 18 млрд.

ем в окопах не более 2 млн бойцов, да 2 млн у нас считается дезертиров, и около 2 миллионов сдались в плен. Эти цифры показывают, насколько в народе слабо развито чувство долга перед родиной. Благодаря этому в строю есть мальчики по 19 лет, и фактически больше призывать некого, и в стране нет рабочих рук. Людские средства исчерпаны, а воевать дальше нужно. То же и с лошадьми. Лошадей взято в армию до 5 млн, и перевозки в стране, за исключением совершенно необходимых, прекратились. Лошадь, стоившая раньше 100—150 руб., теперь идет за 500—600 руб., и для новых формирований почти невозможно достать коней. С этим еще можно примириться. Но даже запасы хлеба иссякли. В стране страшный недостаток хлеба, и никто не знает, как мы доживем до следующего урожая. В мирное время мы вывозили ежегодно хлеба на несколько сотен миллионов, а теперь его не хватает для себя. Длинные очереди стоят за куском хлеба на морозе и часто расходятся, не получив ничего. Народ начал голодать.

Цены выросли в 10 раз по сравнению с тем, что было до войны. В армии сапог не хватает, а в тылу нужно платить за сапоги 60—70 руб. вместо прежних 7—8 руб., и то не всегда их можно получить. Особенную тревогу возбуждает железнодорожный транспорт, который все более и более приходит в расстройство. Паровозы, вагоны и особенно ремонтные мастерские за 3 года войны настолько расшатались, что мы без помощи заграницы не можем поправить дела. Нужно доставлять хлеб, уголь, металлы, сырье из районов, где их добывают, на фабрики. Нужно кормить армию, а дороги скрипят и не возят. Чтобы наладить перевозки, приходится назначать товарные недели, совершенно сокращая пассажирское движение. Товарные недели обращаются в товарные месяцы, а перевозки не улучшаются.

Словом, средства страны исчерпаны. Все хозяйство ее приходит в расстройство, вырисовываются силуэты краха, безработицы и голода. И вот в этой обстановке людского, конского, денежного, продовольственного и железнодорожного кризисов к стране предъявляются требования новых усилий: число дивизий решено увеличить в полтора раза. Это похоже на самоубийство! Между тем нужно делать обратное.

Если мы все же хотим продолжать войну, вернее, если мы не можем ее кончить, то нужно частично демобилизоваться. Это звучит, быть может, нелепо — «демобилизоваться» среди войны, но это так. Такое экономическое напряжение нам не по средствам. И вот комиссия Государственной думы видит это (мне об этой мысли говорили некоторые думские деятели), а Военное министерство не видит. Что же сделать — это снова большое решение, которое нам не по силам.

Все эти причины, на фоне неудач или полуудач войны, не окупающих страшных потерь и крови, родят и питают недовольство. Оно растет в стране с каждым днем. И никто из ныне стоящих у власти людей не понимает и не видит, что это недовольство законно. Они думают, что доводы пулеметов и винтовок, имеющиеся в их распоряжении, будут убедительнее всех других. Странно: ведь нельзя же забывать, что за пулеметами стоят живые люди, и если перетянуть напряжение, то пулеметы повернутся в обратную сторону. Хорошо ли это во время войны, — я думаю, поймет каждый.

31 декабря. Петроград

Итак, у нас позади почти три года войны. Я видел ее грозное лицо на всех фронтах. В Восточной Пруссии, в Галиции, в Карпатах, в Малой Азии, в Румынии, наблюдал боевую работу на всех ступенях управления: в стрелковой цепи, в штабе бригады, корпуса, армии, фронта, на суше и на море, и война развора-

чивается передо мною всесторонне освещенной, всеобъемлющей картиной. Мучительные вопросы встают, ищешь на них ответа, его требует у меня и здесь всякий, с кем приходится встретиться и говорить. Мы боролись долго и напряженно, несли жертвы неслыханные, но три года войны не завершились победой, не дали окончания войны, выжав из страны в то же время все ее силы, надорвав ее дух, ее веру в победу. Ведь перевес численности у нас над противником огромный, мы почти вдвое сильнее австро-германцев на нашем фронте. Ведь за три года войны одних убитых мы считаем 1,5 млн человек. Народ шел на все жертвы. Он не отказывался идти вперед на смерть, он делал все, что от него требовали, веря в то, что это нужно, веря слепо, быть может, несознательно в то, что вожди его берут у него жизнь и здоровье потому, что это нужно, что этим он защитит страну и добьется почетного мира.

Результатов никаких. Окончательной победы над Германией нет, и не видно конца. В 1914 г. мы терпели неудачи потому, что неприятель нас застал врасплох, разбойнически напав на нас. Поражения, которые мы терпели, тогда были понятны. Но вот целый год после того, как все наши недочеты стали известны и были поняты, мы провели в бездействии, не исправляя своих недочетов, и 1915 г. стал для нас годом величайшего страдания, равного которому не испытала ни одна армия. Немцам удалось рядом страшных ударов почти совершенно уничтожить тело нашей армии, но душу ее он погубить не мог. Сильна была любовь к родине в лучших людях, вера в необходимость борьбы и возможность победы, и они увлекали всех за собой. И армия наша, как феникс, воскресла из пепла. Мы все терпели, веря в то, что скоро у нас все будет, техническая подготовка будет закончена и тогда мы, наконец, добьемся своего. Но вот в 1916 г. с технической стороны наша армия достигла удовлетворитель-

ного состояния, люди пошли в наступление с легким сердцем, и видит Бог, счастливы те, которые умерли в это лето с верой в близкую победу. К этому времени одно в нашей армии осталось по-старому: большая часть старшего командного состава все же была не на высоте требований войны, и эта одна причина была достаточна, чтобы свести к нулю все лучшие порывы, не дала нашей армии возможности использовать все мобилизованные силы страны и закончить войну блестящей победой. Заменить же эту часть старшего командного состава другим невозможно, так как подбор его определяется не в армии, а в тылу, всей внутренней политикой страны.

Здесь уже ничто помочь не может. Только смена политической системы может спасти армию от новых несчастий, а Россию от позорного поражения. Армия потеряла терпение. На фронте она еще держится, но в тыловых гарнизонах, которые забиты массой людей, по большей части уже много раз побывавших на фронте и перераненных, да вдобавок с командным составом худшего качества, в этих гарнизонах идет брожение. Главная тема — нежелание солдат идти на фронт. Это всем известно. В Петрограде все говорят о том, что Петроградский гарнизон ненадежен, что он сделает революцию. Какая ошибка переполнять центр государства толпой вооруженных людей, готовых на все, чтобы избавиться идти под пули. Мы должны ясно учитывать, что массы потеряли веру в своих руководителей, и эта потеря веры явилась неизбежной. В этом весь ужас положения. В сознании темной солдатской среды страдания отхода, 1915 год, вследствие всем известного факта измены Мясоедова[110], рисуются в виде измены командного состава (?), а германские агенты в тылу всячески поддерживают и развивают эту версию, раздувая недоверие к командному составу в ненависть ко всему офицерству.

Пока великий молчальник — народ терпит все это. Но все чувствуют приближение революционной бури, которая безумна во время войны. Один государь с его правительством не понимает, не видит того, что теперь происходит, не видит главной причины наших неудач, несмотря на то, что целый ряд порядочных людей и ему, и государыне об этом докладывает. Он держится за своих излюбленных людей, которые губят и его, и армию, и Россию. Неужели только с переменой строя получим мы командный состав, способный побеждать?

Я пробовал, как последний способ, изложить все эти вопросы нескольким видным членам Государственной думы и Государственного совета. И что же? Они бессильны помочь нашему горю. Их не слушают там, в высоких сферах. Ведь они «крамольная дума». За ними устроена слежка. Гучков, например, все время находится под угрозой ареста.

Знаю, что моя попытка не была единственной, что многие, у кого сердце болело за Россию, ездили искать правды в Петроград, но все, как и я, возвращались ни с чем. Народное представительство бессильно что-либо сделать.

Что же выведет нас на чистую дорогу? Неужели не найдется людей, способных разрешить все здесь, в Петрограде, не вызывая революции, не выпуская на улицу масс, не разрушая государственной и военной дисциплины страны? Судьбы Господни неисповедимы.

ГЛАВА IV

Севастополь. Начало революции

1917 год

Революция сразу стала разрушать армию, не сумевшую победить врага.

Борьба за сохранение армии в первые дни революции в Севастополе.— Первые вести о перевороте. Впечатление на войска.— Адмирал Колчак.— Революция понята массами как освобождение от дисциплины и труда.— Роль офицеров.— Борьба за развитие патриотизма.— Как произошел переворот на Балтийском флоте.— Посылка Черноморской делегации.— Во что вылилась революция в армии. Рост анархии

24 февраля 1917 года. В Севастополе*

Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все это говорят и... на этом все стоит. Какая глупая пора болтунов у нас, в России. Если бы словами можно было сделать счастье народа, оно давно было бы сделано. Сказано все, что только можно было сказать, и ничего не сделано. Как ни плохи мы, военные, но мы свое дело делаем и кровью своей искупаем свои ошибки. Но

* В Севастополе я был назначен начальником штаба дивизии, формировавшейся для операций, совместных с флотом, на берегах Черного моря.

они, люди политики, кажется, в жалкой болтовне не сдвинутся с места, а между тем ведь мы на фронте победить не можем из-за гибельного влияния тыла. Разве они не понимают, что революцию армия делать не может, иначе она разрушится как боевая сила и немцы задавят нас. Мы сами себя за волосы вытянуть не можем, нам должна помочь Россия изнутри.

1 марта 1917 года. Севастополь

Сегодня за обедом начальнику штаба флота[111] подали радио. Он привскочил на месте, но никому ничего не сказал. Через несколько часов комендант Севастополя[112] собрал всех старших начальников и сообщил весьма секретно, конфиденциально и т. д., что в Петрограде бунт, что войска отказались стрелять, что министры арестованы и власть перешла к временному комитету Государственной думы. Что делать нам? Выжидать, чем это все кончится.

Вот он грянул, гром праведного гнева народного. Сопротивления, конечно, не будет, так как офицерство встречает переворот сочувственно, лишь бы только скорее прошло шатание, оно может повредить армии. Это Сцилла и Харибда[113]. Без революции от внутренних трений, от задавленной инициативы, от невозможного подбора людей наше поражение было неизбежно, теперь другая опасность — революция — может расстроить самую армию.

Но зато сколько надежды, сколько добра может быть. Все, что стесняло, что сковывало свободное творчество, все стало свободно теперь. Все, чему мы учились и что было невозможно вследствие гнета внутренней политики на армию, все это теперь будет сметено, и все это можно будет переделать поновому, так что победа будет скорой и мир, наконец, придет к истерзанному войной народу.

Наконец, будет правда; наконец, мы увидим окончание личного режима.

Мы увидим армию, которая сможет без внутренних тормозов делать свое великое дело защиты родной земли.

2 марта. Севастополь

Сегодня слухи о перевороте распространились по городу и проникли в полки нашей дивизии. Еще никто не понимает, что произошло, а главное, поскольку это коснется нас. В штабе дивизии разницы не вижу никакой, но в полках солдаты стали говорить с офицерами просто вызывающим тоном. Многие прекратили отдавать честь. Сегодня вечером мне доложили, что ко мне хочет явиться делегат, избранный от команд штаба на общее собрание делегатов Севастополя в полуэкипаж. Я приказал его позвать; явился один из моих лучших солдат, Карга по фамилии, и изложил, в строго корректной форме, просьбу разрешить ему идти на собрание. Это меня озадачило. Просьба идти на собрание, которое по нашим законам считается преступным. Я ему это сказал. Но ответ меня покорил. «Мы знаем, что это незаконно по-старому, но в переживаемые дни многое изменяется, и, прося у вас разрешения, мы хотим в новых условиях сохранить законность и порядок». Конечно, разрешение было дано... тем более что не пустить уже было нельзя. Чувствовалось, что в этой области масса сразу ушла из рук. Это первое выступление наших раньше безмолвных подчиненных.

На улицах собираются митинги. Один из митингов, в несколько тысяч человек, потребовал коменданта, свиты Его Величества адмирала Веселкина для переговоров. Адмирал поехал, не сняв, вероятно, по недосмотру вензелей государя с погон, и должен был снять их по резкому требованию толпы.

Новая жизнь начинается, но и опасность велика; вызвана к жизни стихия, слишком много горючего материала в нашей армии. Дисциплина вещь жесто-

кая, особенно при нашей природной лени и темноте. Старые обиды вспомнятся. Все, что пережито, вся кровь, пролитая даром, все ошибки командования,— все это теперь зачтется.

Недоверие солдатских масс к нам, офицерам, очень велико. Они видят в нас теперь своих политических врагов, от которых нужно ждать величайших опасностей для народа.

3 марта. Севастополь

Некоторые роты отказались идти в караул и на занятия. В солдатской массе идет брожение. Бродит, кипит темная масса. Если мы, офицеры, останемся пассивными, то разрыв отношений офицера и солдата неизбежен. Они глядят на нас волками и в глазах вопрос: ну, что же вы, офицеры, с нами вы или против нас?

Наш командующий флотом адмирал Колчак[114] поступил превосходно. Чувствуя нарастающее на кораблях и в полках волнение, он приказал прибыть к нему по два выборных от корабля и полка. Долго и обстоятельно говорил с ними, просто и откровенно рассказал все, что произошло в Петрограде, и в заключение наметил свою главную цель: «перед лицом врага сохранить боевую силу Черноморского флота». Делегаты встретили его речь очень сочувственно. Они сами еще не знают толком, что они должны делать и к чему стремиться. Речь адмирала сразу дала направление умам. Прощаясь, он разрешил делегатам собираться в здании полуэкипажа для обсуждения своих нужд и о результатах ставить его в известность. Мы все здесь очень любим нашего адмирала. Это настоящий солдат, смелый и решительный, горячий, неутомимый боец, любимый своими командами. Этот шаг его сразу определил основную линию поведения масс. Вместо борьбы они встретили доверие, доброжелательство, встретили и разумное руководство. Вместо

того, чтобы нарастающая революционная энергия направлялась на борьбу с властью, она направится на подавление анархических сил, вырастающих из глубин темной недоверчивой массы.

5 марта. Севастополь

Сейчас это уже стало ясно: масса поняла революцию как освобождение от труда, от исполнения долга, как *немедленное прекращение войны*. Отдыха, хлеба и зрелищ. Это психология разбитого народа.

Между тем сила армии — дисциплина, это труд, точное исполнение своих обязанностей, беспрекословное движение навстречу смерти. Если позволить громко высказать такое понимание революции и найти ему идейное оправдание, то армия рассыплется сама и мы останемся беззащитными перед Германией. Между тем уже по первой вспышке видно, куда направляется главная волна революции. Освободиться от труда. Система дисциплины, дисциплинарные наказания, отдание чести — все это метод, чтобы приучить массу автоматически исполнять приказания. Без этого армия не существует. И вот именно сюда-то и направился удар. Все, кто были строги и требовательны, у кого служба шла отчетливо, все они — «старый режим».

Как ясно чувствуется сейчас то, что в массах не было и нет любви к родине, нет понимания опасности, грозящей стране. Поэтому-то все требования, направленные к поддержанию силы армии, лишения, налагаемые дисциплиной, кажутся тяжелыми. Ведь только «своя ноша не тянет». Но нет горячего, больного чувства к родине в опасности и все не клеится. У дисциплины не стало оправдания, не стало души. Темному, не любящему родину народу не видна необходимость жертвы и самоограничения, и основы армии начинают колебаться.

Как быстро начинается разочарование революцией. Всего прекрасного, что она несет, этого толпа не видит, а вот за то, что должно погубить армию, а за ней всю страну, она хватается ребячески.

Нужно делать что-нибудь, чтобы остановить это движение, взять его в руки, сохранить хоть то, что можно, от армии.

5 марта. Севастополь, вечер

День кажется таким длинным, как будто живешь два дня, а не один. Солдаты, как и в 1905 г., не верят нам, офицерам.

Они верят гораздо больше летучим листкам, вышедшим бог знает откуда.

Не верят даже в то, что совершившийся переворот так же радостен нам, как и им.

Попробуем завтра устроить общий парад и молебствие. Молебствие об успехе в новой начинающейся государственной жизни. Парад, чтобы перед всеми войсками провозгласить многие лета отныне свободному русскому народу. Быть может, это разорвет ту атмосферу недоверия, которая так неосновательно сгущается вокруг нас.

6 марта

Парад и молебствие вышли чрезвычайно кстати, прошли очень торжественно, при ярком свете уже горячего теперь весеннего солнца. Многолетие, клики «ура», толпы народа. Этот праздник действительно ответил настроению масс, так как чувствовался действительный подъем, настоящая радость.

Однако вечером мои друзья сообщили мне, что главная цель — разрушить недоверие к офицерству — достигнута не была. Характерно, что наши полки взяли на парад боевые патроны, на тот случай, если парад окажется ловушкой и их начнут расстре-

ливать из пулеметов. Вот оно — истинное настроение масс.

7 марта. Севастополь

Здесь уже совсем весна. Тепло и море голубое блещет, искрится на солнце. Массы народа собираются на улицах и говорят, говорят...

Как бомба с ядовитыми газами, упал к нам приказ номер первый[115]. Будь проклят человек, придумавший эту гадость.

Что сделал он армии, что сделал он России? Ведь теперь чернь получила язык, которым она может говорить.

Ведь что бы ни делала масса, она непременно хочет иметь идею или идейку, которая давала бы красивое обоснование ее поступкам. Теперь желания отделаться от суровых требований дисциплины, от исполнения тяжелого военного долга облечены для солдат в форму борьбы за «свободу» со своими собственными офицерами.

За такую помощь господа в Берлине принесут свою искреннюю благодарность. Едва ли только за это поблагодарит Россия.

8 марта. Севастополь

Несмотря на все, что до сих пор сделано командующим флотом и офицерством, чтобы выявить наше сочувствие к совершившемуся перевороту, возбуждение в массах растет.

Матросы и солдаты говорят, что все это официальная сторона, а на самом деле в тайниках души офицеры против свободы и ждут только случая, чтобы снова подавить движение, как это было сделано в 1905 г. Люди не хотят понять, да при своем уровне развития и не могут понять, что позор и унижения поражений этой войны заставили все русское обще-

ство, офицерство в том числе, пережить столетие и перевоспитаться, и то, что было в 1905 г., психологически повториться не может. Тогда еще не была утрачена вера в ценность и смысл старого строя, теперь же все, хотя и поздно, прозрели и необходимость нового всем очевидна. Тем не менее связь офицера и солдата с первого дня революции разорвалась. Мы сразу оказались бессильными, безвластными, лишь с огромной ответственностью перед этим же народом за сохранение вооруженной силы, стоящей перед лицом грозного врага.

Что же делать, когда нельзя остановить движение, нужно стать во главе и направить его так, чтобы ребенок-народ причинил себе возможно меньше зла. Нужно нам, офицерам, войти в союз с лучшей частью солдатской массы и направить движение так, чтобы победить нарастающее анархическое начало и сохранить силу наших войск и кораблей.

Мы можем, конечно, стать в стороне. О, тогда революционное движение пойдет своим анархическим ходом. Но мы можем пойти и бороться, и, мне кажется, именно это мы и должны сделать. У солдат создается сейчас организация, мы должны войти в нее и, внеся свое культурное влияние, добиться того, чтобы революция не погубила армию.

Командующий флотом собрал общее собрание офицеров флота и гарнизона. И вот в нарядном зале морского собрания, где так еще недавно моряки, придя с похода на Босфор, забывали мглу и седые волны неприветного моря в зимнюю пору, собрались офицеры подумать, что делать? Настроение было тревожное. Но не за себя, не за свою жизнь была у нас тревога. Тревога была за боевую силу, вверенную нам Россией, которой грозила опасность, бо́льшая, чем от снарядов врага.

За стенами зала поднимался первый грозный вал революции. Масса глухо волновалась, и никто не мог

поручиться за то, что случится через час. Только что было получено известие о бунте на Балтийском флоте, о трагической гибели командующего флотом адмирала Непенина[116] и 23 офицеров, убитых своими собственными матросами.

Собрание открылось речью адмирала Колчака, кратко изложившего обстановку и предложившего обдумать, что офицерам делать дальше. Впервые в зале офицерского собрания свободно звучала речь о политических вопросах. Горячий отклик, бурю аплодисментов вызывали заявления о том, что и мы, офицеры, радостно приветствуем победу идеалов свободы и правды над насилием и угнетением самодержавного строя, обрекшего нас на позор поражения. Радостно было поддержано заявление, что, несмотря на весь гнет бюрократического пресса, огонь, зажженный офицерами-декабристами, никогда не умирал в офицерском корпусе. Особенно горячо был встречен призыв не оставаться в такую минуту пассивными и, ради спасения боеспособности кораблей и полков, присоединиться к движению, нараставшему в Севастополе. Для этого был срочно избран исполнительный комитет, которому поставлена задача войти в связь с возникавшей матросско-солдатской организацией, вместе с ней приветствовать приезжавшего в тот же вечер в Севастополь члена Государственной думы Тулякова[117] и затем ехать в Петроград заявить Временному правительству, что Севастополь присоединяется к перевороту.

Пока шли выборы, в зал собрания донесся шум приближающейся толпы. Солдаты, матросы, рабочие шли, возбужденные слухами о «контрреволюционном» собрании офицеров, шли спросить офицеров: с нами вы или против нас? Но у нас ответ был уже готов. Наша делегация вышла на балкон и сказала, для чего она выбрана. Настроение толпы было сразу

сломлено. Злоба утихла, лучшие силы взяли верх, и толпа приветствовала своих офицеров.

В тот же вечер мы встретились на вокзале с представителями солдат и матросов, вышедших, как и мы, встретить петроградского гостя, посланного к нам, чтобы помочь устроиться в новых условиях жизни, а главное, я думаю, чтобы предотвратить историю Балтийского флота.

Встреча с солдатскими делегатами меня очень поразила. Кто мог знать, кого они выберут, как выявится в этом первом самостоятельном шаге свободная воля народа? Я боялся встретить узких, озлобленных непримиримых людей, с которыми никакое соглашение не будет возможно. И что же? Мы увидели людей, быть может, простых, но шедших навстречу к нам с открытым сердцем. Мы также просто протянули им руки и сели рядом за один стол, обсудить, что делать.

После короткого обмена мнениями мы убедились в том, что цели наши не расходятся. Теперь война, враг грозит нам, значит, нужно бороться за сохранение силы нашей на суше и море, нужно все трения сгладить и пережить переворот, не проливая крови.

Мы вместе приветствовали нашего гостя, депутата Государственной думы, принесшего из центра те же заветы. Солнце взошло, когда мы разошлись, условившись о новой встрече. А наутро Севастополь, проснувшись, мог прочитать составленное нами, совместно с депутатом Думы, воззвание к флоту, гарнизону и рабочим. Оно знаменовало достигнутый союз и рядом под ним стояли подписи офицеров, солдат и матросов. Воззвание говорило: «Братья, дело святой борьбы за свободу народа повелительно требует довести войну до победного конца. Благоприятный исход войны — залог светлого будущего свободных граждан свободной России. Граждане, немедленно возвращайтесь к своим занятиям. Полки, приступите к усиленной работе по боевой подготовке, корабли, идите в море, и

пусть враг знает, что новая жизнь влила в нас и новую боевую силу».

С этой минуты инициатива действий была захвачена культурными элементами. Исполнительный комитет солдат и матросов слился с нами под общим лозунгом: работать над сохранением боевой мощи армии и флота, над устройством жизни на новых началах свободы и справедливости.

Анархия с ее низменными инстинктами отошла назад. Надолго ли?

Особенно меня поразило и порадовало то, что каждый раз, когда мы, офицеры, выступали в собраниях или перед толпой с наболевшим у нас призывом забыть все ради спасения исстрадавшейся родины, ради победы над врагом, масса всегда восторженно приветствовала нас. Все это страшно подняло у меня веру в будущее. Если масса, как выбором людей, так и приветствием тех, а не других лозунгов, откликается на хорошее, на здоровые начала, то есть надежда на спасение, то жив еще русский народ!

Перед нами открывается новая тернистая дорога. Далеко-далеко впереди светится мечта, видится родина наша действительно свободной и счастливой. Далеко только до этой свободы, обеспеченной законами. Столько черной ненависти, скопленной веками, столько грязи и лени, раньше скованных дисциплиной, вырвалось теперь на свободу. И этот новый враг страшен особенно потому, что он облекается в красную мантию революции.

16 марта. Севастополь

Колчак дал мне прочитать письмо одного офицера Балтийского флота, очевидца всей драмы и гибели адмирала Непенина. Мир праху этого честного солдата, беззаветно любившего свою родину.

Описание это особенно характерно, если сравнить с тем, что произошло у нас. Как только Непенин по-

лучил известие о перевороте в Петрограде, он немедленно послал телеграмму Родзянко[118] о своем присоединении и поддержке нового правительства. Это было сделано так же, как у нас, с той только разницей, что он скрыл и одну, и другую телеграммы от команд. Он, так же, как Колчак, вызвал к себе выборных от всех кораблей и говорил с ними. Но, резкий и грубый по природе, он подошел к ним не со словом привета, не с открытым сердцем. Когда же один из делегатов, рядом с разговором о республике, заявил требование о выдаче 2-й смены рабочего платья, он отвечал ему с явной иронией, не найдя в своем сердце снисхождения простить темным людям их темноту. Делегаты уехали неудовлетворенные. Если прибавить к этому, что на радиостанциях матросы-телеграфисты были сняты и заменены офицерами, не сообщавшими матросам о происходивших переговорах, тогда станет ясной вся нервность команд. В их примитивном уме сейчас же сложилось убеждение, что офицеры что-то скрывают, значит, власть против народа. В такие минуты отсутствие веры массы в своих вождей решает дело. Через час после беседы делегатов с командующим флотом на линейных кораблях, «Андрее» и «Павле»[119], вспыхнуло восстание, и в темноте ночи вместо уставных огней загорелись красные огни революции. Когда об этом доложили Непенину, он резко спросил: какой из дредноутов готов открыть огонь? Ему доложили, но после короткого раздумья он махнул рукой и ничего не сказал.

На следующий день доблестный солдат, гордость и надежда флота, гроза Германии, погиб, расстрелянный безымянной кучкой матросов.

21 апреля. Севастополь

Центральный исполнительный комитет офицеров, солдат, матросов и рабочих, созданный нами в Севастополе в качестве буфера между массой и офицер-

ством, работает необычайно напряженно. Масса кипит и волнуется, стремясь сбросить с себя всякую узду, но система организаций, в которых выборные из этой самой массы играют видную роль, сдерживает ее, и это единственное, что ее сдерживает. Если вынуть сейчас из жизни комитеты, мы сразу перейдем к убийству офицеров, к полной анархии и, следовательно, к полному разрушению нашей же вооруженной силы.

В комитетах как бы происходит перевоспитание масс. Когда озлобленные, недоверчивые люди приходят к нам из рядов, то здесь, на разрешении практических вопросов вместе с представителями от офицеров, они быстро становятся нашими друзьями и защитниками верных государственных идей перед массой. Тогда масса признает их недостаточно революционными, отзывает назад, упрекая, что они продались офицерам. К нам приходят новые, еще более озлобленные, проходят ту же школу и... возвращаются к массе с тем же призывом к порядку и самоограничению.

Но призывы к самоограничению — вздор, оно осуществляется не призывами, но установлением границ его вооруженной рукой.

Во всяком случае благодаря этой работе вся севастопольская жизнь идет под знаменем любви к родине, под знаменем борьбы за нее. Лучшие, чистые идеи самопожертвования теперь здесь, несомненно, популярны, несомненно, господствуют.

Вести, приходящие с севера, говорят о другом.

Там о родине говорят мало. Там громко проповедуется всемирное братство трудящихся (интернационал?) и классовая борьба внутри. Но какое же может быть братство с немцами, которые на наших пленных пашут землю и откровенно мечтают о полном порабощении России? Ведь об *интернационале* можно говорить лишь тогда, когда есть *нация*, а у нас этой-то основы — любви к родине нет. Поэтому проповедь

интернационала грозит армии катастрофой. С другой стороны, разве время говорить о классовой борьбе теперь перед лицом врага?

Вот когда сказываются результаты того, что не было патриотизма не только в народе, но и в интеллигенции. Вместо того, чтобы бросить сейчас на девственную почву сознания народа благородные семена любви к родине, высокие идеалы, высокую любовь, за которую человек не жалеет жизнь свою отдать, массе бросают лозунги земного благополучия, гораздо более легкого.

Как же не понимают люди, что, увлекшись маленьким благополучием сегодняшнего дня, без высоких, душу возвышающих идеалов жертвы собой за близких своих, личное благополучие все равно будет отнято попутно. Будем бороться с этим сколько сил хватит. У нас в Севастополе пропаганда эта не имеет успеха, ибо мы захватили почин в свои руки.

29 апреля. Севастополь

Сегодня был радостный день. Двухмесячная работа дала еще один серьезный результат. Севастополь и Черноморский флот выделяют делегацию в составе 26 офицеров и 171 матросов и солдат с целью проверки на местах состояния армии и проповеди необходимости перехода в наступление, для приближения окончания войны. Люди, которые едут, полны горячей любви к родине, полны желания смыть тот позор измены, который теперь навис над нами. Они полны решимости идти в атаку с первыми штурмующими линиями, чтобы своим примером зажечь энтузиазм и увлечь малодушных.

Из целого ряда речей, листовок*, брошенных нами в матросскую и солдатскую среду, верные государственные идеи стали-таки достоянием масс.

---

* Вот образчик мыслей и стиля выпущенных листовок: Какой нам нужен мир? 12 апреля. В последние дни в Севастополе горячо обсуждается

Особенно сильное впечатление произвела речь командующего флотом адмирала Колчака по возвращении его из поездки в Петроград. Он рассказал нам, что на фронте полный развал, что наступать не хотят, хотят ждать, пока нашу протянутую руку немцы пожмут и наступит мир. Между тем немцы что-то не собираются пожимать протянутой руки. Мало того, оставив у нас на фронте братание вместо тяжелой артиллерии, увезли лучшие дивизии драться с французами и англичанами. На фронте идет политическая борьба. Лозунги мира без аннексий и контрибуций поняты как право кончить войну, и массы людей, бросив окопы, разъезжаются по домам. Словом, те же свойства масс, что и у нас в Севастополе, производят те же результаты, но в несравненно более сильной степени, так как, видимо, борьба с ними ведется неверно. Нельзя сейчас, надев белые перчатки, стать в стороне, говоря, что в настоящей армии политической борьбе не место. У нас она есть. Нужно либо идти бороться, либо согласиться на то, что армия развалится

вопрос о том, на каких условиях мы можем заключить мир и, главное, нужны ли нам Босфор и Дарданеллы... Вспомним, как началась война. Разве мы хотели аннексии и контрибуции? Нет, после тяжелой японской войны мы хотели мира, но хотели быть хозяевами в своей стране. Что же было? Во время нашей войны с Японией Германия заставила нас под угрозой войны заключить торговый договор, по которому мы уплачивали немцам миллиардную контрибуцию. За тот счет... они всю Восточную Пруссию перестроили каменными домами, провели шоссе, железные дороги, телеграфы и телефоны... Чьим трудом, чьим потом и кровью?— Русским. Немцы без войны покоряли нас. Они, не стесняясь, писали, что русские и славяне — это навоз на германскую ниву... А на Босфоре и Дарданеллах немцы поставили своих офицеров, генерала Сандерса, свои пушки, свой флот: Гебена и Бреслау. Без шуму и крику немцы заняли выход из русского Черного моря и надели удавку на шею России... Война началась от того, что: 1) немцы хотели нас поработить постепенным захватом земель, торговым договором, влиянием на всю нашу жизнь, внося всюду деспотизм и рабство; 2) немцы заставляли нас тратить одну треть всех народных денег на военные нужды; 3) немцы, захватив Босфор, надели нам удавку на шею... А потом какие же наши цели войны?.. Придет пора, вся Россия посмотрит на свой Черноморский флот и Черноморскую дивизию и спросит: есть ли еще порох в пороховницах. *А. В.*

в течение месяца. Мы должны задержать разрушение армии до заключения общего мира.

Тот факт, что у нас офицеры стали во главе движения, позволил нам добиться гораздо лучшего порядка, чем во всей остальной России. Это говорят нам все приезжие, и это заставляет нас думать о себе больше, чем, быть может, мы стоим. Главное же, что здесь весь этот период времени основной целью была оборона родины, необходимость жертвовать собой за нее, и все старались все делать во имя этого. Но именно старались: часто масса вырывалась из рук. Ведь и у нас формировавшаяся Черноморская дивизия развалилась совершенно и ничего нельзя было сделать, чтобы ее сохранить, и у нас команда миноносца «Жаркий» выбросила своего блестящего, доблестного командира за то, что он слишком храбр[120]. Так же, как и во всей России, мечта столетий, Босфор, не встретила сочувствия, несмотря на все усилия, в том числе и мои также, сделать эту идею популярной.

Все же со всем этим общее настроение здесь хорошее, с общего одобрения едет черноморская делегация проповедовать правду, любовь к родине, встряхнуть тех, что воспользовались революцией для того, чтобы сбросить с себя всякое исполнение долга и обязанности. Бог помощь им.

1 мая. Севастополь

Чудная южная весна, несомненно, накладывает здесь свой отпечаток на весь ход революции. Не может быть человек злым в этой окраске неба и моря. Вероятно, все дурное в Севастополе делается зимой.

Не все замечают, что, родившись из разрушения, наша революция говорит миру новое слово, слово весенней любви. Революция произошла во имя мира, во имя прекращения кровопролития и дала людям новую формулу, сильную, как заклинание: «Мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения

народов». Эта формула, действительно, решает все больные вопросы, разрешает все споры, и если принять ее за основу мирного договора, то война на свете прекратится надолго. Могу себе однако представить, сколько крови прольет человечество, пока оно додумается до этой простой вещи, что продолжать войну будет во много раз дороже, чем договориться на нашей бесхитростной формуле. Как за идею христианства, так и за нашу идею мира прольются еще потоки крови и горы трупов лягут на землю с призывом кончить бойню, открыть войну войне.

А все-таки сила этой идеи громадна, и бог знает, не ей ли суждено нанести последний удар торжествующему милитаризму германцев.

5 мая. Севастополь

То, что я говорил о революции во время войны, конечно, сбывается. Мы определенно стоим на грани анархии. Все прежние устои жизни сорваны, а новые создаются годами, если не десятилетиями. В народе нет сознательности. Один матрос, служивший раньше в Добровольном флоте и объездивший полсвета, определяет положение так: «Да ведь народ, ровно темная бутылка, ничего не понимает, что с ним сделаешь». И действительно в народе нет сознательности. Раньше приказы исполнялись, за ними была сила. Теперь все рассуждают. Каждого нужно убедить. Вместо «командармов» (командарм — телеграфное сокращение — командующий армией) у нас теперь «убеждармы». Все разваливается, особенно тыловые гарнизоны, где агитация направилась на разрушение дисциплины и на проповедь мира, а командный состав, конечно, много слабее, чем на фронте. Стали вспыхивать бунты и погромы. Многие и в Севастополе считают, что революция здесь прошла «неправильно», не то что у балтийцев. Без убийств офицеров какая же революция?

Много говорил с нашим любимым командующим. Он приходит в отчаяние. Мы пошли на большие компромиссы ради сохранения главных основ боевой силы, но не везде компромисс оправдывается. Требования растут с каждым днем, и Центральный комитет едва может их обуздать. Особенно тяжелы отношения к командному составу. Все, кто был строг и требователен, выбрасываются командами и полками. Не политическая революция нам страшна, а страшно расстройство дисциплины, службы, труда. А в эту сторону именно и направлена борьба массы с офицерами.

Колчак считает, что все мы, борющиеся теперь за спасение армии, должны будем в один прекрасный день сдать свои позиции и уйти в сторону, а дальнейшие компромиссы поведут уже к полной гибели армии.

10 мая. Севастополь

Невиданное в истории явление: армия и флот с комитетами, работающими и управляющими параллельно командному составу. Комитеты часто, очень часто стали даже захватывать права командиров. Фактически нельзя ни одной серьезной меры провести, не столковавшись предварительно с комитетами. Вот в какую форму вылилась революция в армии.

Тяжелая драма разыгрывается сейчас у нас в армии. Произошел почти совершенный разрыв между офицерами и солдатами на почве политического недоверия к офицерам.

Но ведь политическое недоверие — чистый вздор. Офицерство, тяжело переживая позор поражения, также сочувственно встретило переворот, свергнувший причину неудачи. Царь в последние дни не имел сторонников даже среди семьи великих князей. Но все же недоверие это есть, и оно разрывает офицерство и сознательную часть солдатской массы, и обе порознь

они оказываются бессильными бороться с анархической темной массой.

Это нелепое недоверие и вызвало к жизни комитеты, встреченные страшным недоброжелательством командного состава. Боже мой, если бы могли выбирать! Раз такое недоверие есть, правильнее всего просто взять и уйти. Пусть себе управляются сами. Но ведь мы воюем с Германией, идя на все жертвы, мы должны сохранить армию или хотя видимость ее, чтобы дотянуть до мира, добиться возможно лучших условий его.

Так или иначе, не останавливаясь на причинах, ясно, что командный состав вел дело войны так, что за три года три фронта из пяти не знали ничего, кроме поражений и неудач. Только в Галиции и на Кавказе были победы, добытые страшной ценой человеческих гекатомб. Ведь мы, действительно, воевали без снарядов, пушек, ружей, всего самого необходимого. Действительно же в управлении войсками было допущено много-много ошибок. Ведь только на крови мы выдержали три года войны. Где же было создаться доверию? И вот когда «пушечное мясо» заговорило, оно свое недоверие перенесло на весь офицерский состав, не разбирая, в чем виновато офицерство, само кровью своей спасавшее страну, и в чем виноват старый строй, погубивший страну. Масса думает примитивно. Сюда приплелась и злая память о якобы причиненных обидах и притеснениях, бывших на $^3/_4$ лишь требованием порядка, в необычайно трудных условиях войны. Армия заболела. Ясно до очевидности, что мы ничего не можем сделать. Армии такого настроения либо распускаются, либо заливаются кровью. Распустить армию нельзя, так как заменить ее нечем, а залить кровью сил нет. Третьего выхода нет к оздоровлению, нет, мы должны дотянуть с этой армией до мира. Немногие понимают это. Нужно сейчас все сознательное объединить в общей борьбе с расту-

щей анархией. Нужен союз офицеров с комитетами, как бы уродливо это ни звучало. Другим путем мы не удержим массу в руках, армия потеряет всякий облик, и над междоусобной войной офицерства и комитетов Вильгельм с насмешкой протянет свою руку к сердцу России. И этот самый народ, который тянется сейчас к свободе, сбрасывая с себя не только рабство, но и обязанности перед родиной, т. е. перед самим собой, погибнет в когтях торжествующего германизма, с холодной жестокостью обращающего славянство в навоз на германскую ниву. Как эту главную основную мысль не понимают не только масса, но даже некоторые лучшие люди? Народ, как ребенок, не чувствует, что он, ломая все ради свободы, кует сам себе новое рабство. А вожди его, вожди революции, вместо лозунгов любви к родине и самопожертвованию, бросили в массу лозунги интернационала и классовой борьбы. В темной голове простолюдина интернационал обратился в братание с немцами, а классовая борьба в борьбу с единственным «буржуем» под рукой — своим нищим, израненным, бесконечно любящим родину офицером.

Просто кошмар какой-то! Это ли тот народ, который мы так любили, за счастье которого шли на смерть на войне?

Что делать? Что делать, чтобы выйти из этого положения? Но делать нужно, нужно найти в себе силы, нужно найти способы борьбы с анархией и сохранить армию.

С одной стороны, перед нами мечта, близкая к осуществлению. Мы стали свободны и, действительно, можем перестроить жизнь на началах любви и правды. Можем, наконец, дать широкую свободу самодеятельности народа, который быстро восстановит все то, что было разрушено самодержавием и войной. Но, с другой стороны, грозная опасность перед нами со стороны нашей темноты, анархии в жизни. Рушится

дисциплина жизни во всех ее областях, и низменные, черные элементы постепенно захватывают власть, прикрываясь красным знаменем революции.

А над всем этим нависла опасность, глыба, грозящая нас совершенно задавить. Это Германия, глядящая на нас теперь как на свою добычу, добычу сильного, отбитую в жестокой борьбе.

ГЛАВА V

Борьба с анархией в Московском военном округе

Обстановка внутри страны к началу лета.— Объединение офицеров и солдат для борьбы с анархией.— Взгляды одной из групп офицеров.— Подавление первой анархической волны. Рязань, Нижний, Владимир.— Сдвиг во взглядах революционной демократии. Искание порядка.— Нарастание новой анархической волны. Харьков.— Причины, почему анархия, несмотря на борьбу с ней, не утихала.— Попытка к подавлению анархии путем государственного переворота. — Генерал Корнилов

6 июня. Москва, Кремль

Наконец-то жизнь поставила меня к большому делу. Командовать войсками округа — это венец жизненной дороги офицера в мирное время. А теперь, когда фронт разрушается главным образом приходящими из тыла пополнениями, за тыловой округ нужно взяться с особенным вниманием. О работе такого масштаба я все время мечтал. И дело стоит сейчас передо мной, когда есть и желание, и силы работать.

Обстановка в стране определенно угрожающая, анархия растет, ширится, и великорусский центр в анархическом движении идет также во главе страны, как он шел во главе строительства России и как он шел во главе всей культурной работы России. Ряд погромов, отказов идти на фронт, ряд смещений и насилий над командным составом, занятия почти не производятся, словом, от тылового округа, бывшего

еще так недавно в блестящем порядке, остались одни только развалины. Жизнь трещит и рушится по всем направлениям.

Там, где нет в основе любви к родине, где не было даже проповеди национальной идеи, где, наоборот, погоня за личными выгодами оправдана красиво звучащими лозунгами, что может быть там доброго. К началу революции мы уже имели 2 миллиона дезертиров и около 2 млн пленными. Эти факты вполне определили отношение народа к войне. А революция дала лозунги большой красоты, всемирной любви к человечеству, но практически грозящие разрушить армию.

Без единой национальной идеи страна не возродится, порядка не будет и анархия будет развиваться.

Но зато одновременно с ростом анархии в массах лучшая сознательная часть людей уже упилась свободой и хочет строительства жизни так, чтобы свобода действительно была обеспечена, чтобы насилие не вторгалось в нашу жизнь, чтобы масса стала выполнять свой долг перед страной, а не предавать нас бессознательно Германии. Эти люди уже поняли, что у нас есть родина, и вообще дороже всего именно защита родной земли от грозящего ей унижения и рабства.

У меня позади три месяца напряженной работы в Севастополе, где общими усилиями офицеров и лучшей, наиболее сознательной части солдат и матросов в комитетах удалось в значительной мере сдерживать растущую анархию, сохранить руководство военным делом в руках людей культурных и знакомых с военным делом. Это заставляет меня верить прежде всего, что масса действительно выделяет лучших людей*, а с другой стороны, что, идя этим путем, можно задержать разрушение нашей армии и далее. Поэтому

* В первые дни после революции оно именно так и было. Но чем дальше, тем смешаннее становился состав, а после переворота 25 октября там оказались просто худшие люди.

мне кажется, что путь сейчас возможен только один. Нужно объединить всю лучшую, сознательную часть армии, на дорогих всем лозунгах защиты родной земли и идеалах, во имя которых русская интеллигенция делала революцию. Объединить, опереться на нее и заставить силой анархическую массу исполнять те требования, которые ставит неумолимо война с Германией. Именно силой, и вся задача в том, чтобы эту силу сорганизовать и пустить вовремя в ход.

Время к тому пришло. И снова выбора нет. Не будь войны с Германией, можно было бы идти путем наглядного обучения народа. Мы уйдем в сторону; пусть, пройдя через анархию, народ сам убедится в том, что ему говорили правду. Но если мы пойдем этим путем сейчас, перед лицом германского фронта,— о, тогда конец России. Мы должны поэтому идти путем компромисса, внутри мы потом сочтемся, но немцы нам нашей слабости не простят.

Мы в нашей работе также ясно учитываем, что революция, которую мы переживаем, это не только революция политическая, не о свободе только идет здесь речь. Ведь вся же жизнь наша была крайне несправедлива. В то время, как одна группа людей жила в роскоши, большом достатке, сотни и тысячи других должны были оставаться в сырых подвалах, дети их гибли на задних дворах от хронического недоедания и от грязи. В то время как небольшая группа людей имела все красивое, светлое, что может дать современная культура, миллионы других, в глухих, далеких деревнях, жили в беспросветной темноте, тупости, жили впроголодь, без понятия о правде и Боге. Водка заменяла этим людям все. Каждый человек ищет в жизни красоты и счастья, но в то время как одна часть — получала возможность брать от жизни все, другой, но большей части все радости жизни заменяла водка. Теперь с этим будет покончено. Горе тем, кто брезгливо отшатнется и не захочет протя-

нуть руку грязному мужику и рабочему, которых мы же в своем эгоизме сделали или по крайней мере допускали делать такими. Мы оставляли их в темноте и дикости, в грязи и нищете; не будем же пугаться, когда из нами созданных нор вышли «дикие люди», всю жизнь работавшие на нас. Братски протянем им руку, зная заранее, что они хорошим манерам не обучены. Вспомним, что все большие русские люди знали и любили чистую душу нашего народа, и вот к этой душе, народной душе, подойдем же и мы просто, уверенные, что хорошим манерам народ скоро обучится...

8 июня. Москва

Все кругом в воспоминаниях родной старины. Кремль, Василий Блаженный, Спасские ворота, под которыми каждый прохожий снимает шапку, и Успенский собор, полный молящихся каждую службу.

Здесь жили и боролись предки наши за создание России. России, которая теперь погибает. Были и у них черные дни, да какие! Но они боролись настойчиво, с верой в конечный успех. Теперь тяжело нам; будем же бороться, не будем малодушны. Главное не будем колоться на мелкие партии и группы. Ведь этот раздор губит нас.

Настроение здесь совсем другое, чем в Севастополе. Там удалось сделать популярной формулу — «мир через победу». Здесь рабочие с мечтами об интернационале, ничего слышать не хотят о победе над бедными братьями-немцами. Здесь говорят: «Мир через интернационал».

Как велико заблуждение рабочей массы с их красивой мечтой о всемирном братстве трудящихся. Ведь именно на них в первую голову обрушится германская победа — германский дешевый товар убьет нашу промышленность и выбросит наших мечтательных интернационалистов на улицу.

Здесь впервые сталкиваюсь с большевиками. У нас в Севастополе такие не появлялись, но здесь они серьезная сила. В местном Совете рабочих депутатов у них 162 голоса, против 140 меньшевиков и 92 социалистов-революционеров. Большевизм, пожалуй, не столько идея, сколько темперамент. То, что составляет мечту каждого социалиста, то они хотят видеть сейчас, не медля ни минуты и все ломая на своем пути. Интернационал сейчас, передел капиталов сейчас, власть пролетариату сейчас. Трудно говорить с этими людьми, которые не признают существования германской опасности.

Оставляя в стороне их идеологию, для нас, военных, важно одно — их работа губит вооруженную силу, их проповедь тяжелее для полков, чем снаряды германцев с ядовитыми газами.

Один из видных с.-р., глубоко русский человек, сказал мне, что теперь невозможно выдвинуть лозунги, во имя которых народ пошел бы воевать. Моя задача ему кажется поэтому безнадежной. Может быть, она и безнадежна, но мы на поле сражения приучены вести борьбу до тех пор, пока действительно останется хоть крупица сил. Никто не знает, как силен ваш враг, и в то время, как вам все кажется потерянным, неприятель не выдерживает на минуту раньше вас — и вы победили. У нас силы еще есть, а потому с Богом вперед!

Если Германия и окажется в конце концов хозяйкой положения, то мы, боровшиеся за спасение своей страны, вправе будем сказать, что все возможное сделано было и не от недостатка мужества мы побеждены.

10 июня. Москва

Был вчера в Совете офицерских депутатов Москвы. Впечатление мною оттуда вынесено прекрасное. Мне показалось, что мысли, с которыми я выхожу на рабо-

ту, здесь, как и в Севастополе, встретили сочувствие в офицерской среде. Офицеры Москвы своим тактичным поведением в дни переворота, вместе с полковником Грузиновым[121], сделали много для сохранения спокойствия в столице. Офицерские депутаты тоже стоят на точке зрения необходимости найти компромисс, соглашение с солдатской организацией и работать вместе с ней. К сожалению, как я узнал, рабочие Москвы сильно мешают этому. Их пугает сближение офицера и солдата. Да, конечно, интернационалистов между офицерами немного найдется.

Сегодня же выступал в Совете солдатских депутатов*, все с теми же словами, теми же мыслями о любви к своей родине, о необходимости борьбы, необходимости победы над Германией. Я стремился доказать, что свобода наша внутри страны возможна лишь, если мы отстоим свою независимость извне,

---

* Речь в Московском совете солд. и раб. депутатов. 11 июня. «Весь русский народ вышел строить теперь свою судьбу, а мне приходится принять участие в строительстве армии. Какова теперь обстановка мировой войны? Мы ведем эту войну со страшным напряжением всех сил, и первое святое слово, которое сказал, освободившись, русский народ, было слово мира. Как же откликнулись на этот призыв империалисты в союзных нам странах? Они согласились пересмотреть наши старые договоры, тем более что русский народ, заявив, что он не воюет ради захватов, в то же время решительно осудил возможность сепаратного мира. Как же откликнулись на наш призыв наши враги? В Германии Либкнехта посадили в тюрьму, а в Австрии Адлера присудили к смертной казни. Германия сказала, что царскую Россию она могла бояться, но что свободная Россия ей не страшна, что Россия будет разорвана в клочья, а германцы станут хозяевами мира... Во внутреннем положении из рассыпавшегося народ собирается в партии, в том числе и наша либеральная буржуазия, и мы можем составить монолит, о который разобьются все усилия врагов.

Мы никогда не были так близки к миру, как этой весной, так как мы почти втрое сильнее наших врагов на нашем фронте. И вот вместо того, чтобы одним усилием окончить войну, мы занялись внутренними ссорами, и немцы увели 500000 чел. на Западный фронт бить наших союзников.

В устройстве нашей армии до революции было много ошибок, была задавлена самодеятельность, теперь все это можно будет исправить... Мы должны создать мощную, твердую армию, опираясь на которую Временное правительство заставит признать Германию тот мир, который мы хотим.

В работе моей по устройству армии совместная работа и поддержка советов мне совершенно необходима». *А. В.*

что экономическая жизнь страны, и прежде всего интересы крестьянина и рабочего, тесно связаны с результатами внешней борьбы. Как невыносимо грустно, как тяжело, что все это неясно для масс, что об этом приходится говорить, что такие простые вещи для них новость. Наоборот, проповедь всего, что идет во вред армии и на ее разрушение, все, что подрывает в массах великую идею родины, это все им стали твердить с первого дня свободы, и это они знают хорошо. Велика трудность работы сейчас.

У народа и большей части его интеллигенции нет общего языка. Народ-ребенок сейчас переживает горячку революции. В первые дни освобождения от вековых пут у русской интеллигенции не нашлось общего единого всем лозунга «Родина», который она могла бы бросить народу и с которым она самоотверженно пошла на проповедь. Тогда на свободное, чистое поле народного сознания можно было бросить любые семена. И, например, проповедь любви к родине, несмотря на все растлевающее влияние севера, дала в Севастополе весной богатые всходы. Но тогда во всероссийском масштабе проповеди этой любви к своей стране не было. Отдельные люди лишь любили родину. Готовыми же идеями, взращенными боевой интеллигенцией, революционерами, были классовая борьба и любовь к человечеству, вообще — интернационал. Эти идеи и были брошены в массу, они-то и дали богатые всходы; теперь при борьбе за спасение армии с этим приходится считаться как с фактом.

Между тем главная масса интеллигенции почувствовала все великое значение «национальной идеи» во время борьбы за существование народа и не хочет видеть, что народ в один день уже не переубедишь.

Снова народ и интеллигенция не понимают друг друга, и поэтому, говоря о родине, о дисциплине, так чтобы быть понятным народу, чтобы эти идеи не столкнулись с привитыми уже идеями «революции»,

можно быть почти уверенным, что не встретить понимания у интеллигенции.

Как не хотят понять люди, что ради спасения родины мы должны искренне и с открытым сердцем идти на большие жертвы, на большие уступки, иначе все рухнет от недостатка взаимного понимания и доверия и мы останемся на развалинах страны со своими партийными лозунгами и партийными распрями.

Действительно, народные массы откликаются на мои слова, верят и идут по пути, который я указываю, пути к спасению своему, к спасению родины, а общество недоуменно смотрит и отказывает в помощи.

Так случилось и в этот раз. Моя речь в совете была сочувственно встречена и прерывалась много раз аплодисментами. Мне сообщили, что совет решил всемерно поддерживать мою работу.

Я верю в русский народ, нужно только идти к нему с открытым сердцем. Когда подходишь к русскому человеку со словами о родине, всегда найдешь отклик*.

Итак, руководящая группа офицерства и руководящая группа солдат идет на совместную работу по той средней линии, которая наметилась в Севастополе и с которой я приехал сюда. Именно работа над поднятием боеспособности армии, понимаемой так, как это понимает весь мир, и борьба с анархией вооруженной рукой — должны быть целью моей работы. Анархические требования — гибель армии, а затем подпадание под германское иго, гибель народа — гибель надежды на устройство жизни на новых началах.

15 июня. Москва

Вчера после бесед в N-м военном училище мной овладела тревога за возможность вполне осуществить ту программу работы, которая мною намече-

* Потом осенью и зимой — пришлось сильно в этом разочароваться, но в ту пору, когда я работал в Москве, это было так, и я очень дорожу этими светлыми воспоминаниями.

на. Для этого необходимо активное сотрудничество офицеров, между тем офицерство этого училища, прекрасное, боевое, не понимает тех политических событий, что происходят у него на глазах, и соответственно этому они сами могут пойти ложным путем и свою молодежь за собой увести. Они говорят, что революция произошла и кончена(!?). Что политикой можно больше уже не заниматься, а только военным делом, что политика — это гибель и что нужна дисциплина... В их речах слышна страдная мука, тоска за гибнущую армию, за Россию! Для них нет и не было партии, программы. Для нас, офицеров, всегда ведь была только одна родина, за которую мы шли на смерть. Но понимать события мы должны. Революция кончена (!?). Бог мой, ведь она только начинается. Все, что они говорят, это ведь так верно теоретически; конечно, армия должна быть вне политики, но ведь задача-то наша — сохранить ныне существующую армию до конца войны, не дать ей рассыпаться. А как это сделать, они не говорят и не знают и только повторяют прописи военного катехизиса. Они как будто проглядели, что старая дисциплина рухнула вместе со старыми государственными идеями и нет способов ее восстановить. А новую дисциплину может дать только новая политическая идея, во имя которой массы пойдут на самоограничение. А они хотят уйти от политики, которая пропитывает всю нашу жизнь. Ведь дисциплина разрушается от того именно, что *солдаты глядят на своих офицеров как на политических врагов* и в каждом шаге нашем видят попытку к контрреволюции. Вот в чем наша трудность.

К счастью, далеко не все офицерство смотрит так на дело. Но много, очень много и таких и, к сожалению, именно из среды лучшего, наиболее энергичного и подготовленного к боевой работе. Такое офицерство никогда не интересовалось политикой, знать ее не хочет, справедливо считая, что политика не дело армии. Но теперь-то как быть? Как решить страшную задачу

сегодняшнего дня? Чтобы армия, не теоретическая, а та, которая в действительности стоит перед Германией, сохранила остатки дисциплины, сохранила себя от полного разложения, к которому ее толкают. Народ темен и ищет путей, а офицерство, не подготовленное в политическом отношении для этого, не может указать народу верный путь. Между тем, только направив массу верно политически, убедив ее, что мы ей не враги, а друзья, можно заставить ее исполнять и требования военного дела.

Вот в чем заключается великая драма нашей армии. Наше офицерство хочет сейчас, сразу увидеть новую армию, дисциплинированную и в порядке, и совсем не может найти путей, которые от хаоса, в котором мы теперь живем, выведут нас на чистую дорогу.

Путь же один — союз всех сознательных элементов, любящих родину, и работа над просвещением масс. А раз это так, нужны уступки с той и с другой стороны.

Если же отказаться от идеи соглашения сейчас, то армия сразу распадется на две группы, сотрудничество которых невозможно, а именно: большевики с их непримиримыми требованиями и чисто военная группа, также не идущая на уступки. Сила же за большевиками. Они выбросят офицеров из армии, и армия перестанет существовать. Это ли нам нужно перед лицом германского фронта?

16 июня. Москва

Получаю поздравления от своих друзей, разбросанных войной по всем частям России. Пришел привет и от Севастополя. Если бы я не верил искренности этих поздравлений, их можно было бы счесть за насмешку. Люди, которые соглашаются работать в такое время разрушения, идут на Голгофу. Они несут на алтарь родины самое дорогое — свое доброе имя,

отдавая его вихрю политической борьбы. Бесконечно тяжелый. неблагодарный труд — тормозить катящееся в пропасть безумное стадо.

Только когда начнется воссоздание страны, соединение ныне распадающихся элементов, тогда работа будет радостной, будет счастьем и для тех, кто в нее будет вовлечен.

25 июня. Москва

Как сквозь внезапно рассеявшийся туман, глянуло на нас радостное солнышко — победа 18 июня[122]. Блестящая артиллерийская подготовка, атака пехоты, все как нужно. И после первой линии, прорванной у противника, полная пустота, полное отсутствие у него резервов, возможности остановить наступление наше, если бы оно продолжалось... Сразу просветлело кругом, снова можно было смотреть в глаза союзникам. Раненые, прибывающие с полей сражения, смотрят и говорят так хорошо, говорят так же просто, с верой в святость принесенной ими жертвы, как в начале войны, как мы привыкли видеть и слышать нашего солдата и в Севастопольской обороне, и на Шипке, и под Варшавой, и в блестящих боях прошлого лета.

Какое счастье победа! Она сразу дала смысл всей нашей работе в тылу, подняла веру в счастливое окончание войны. Но, Боже, как кратко было счастье. Уже сегодня стыд и боль, как после удара хлыстом. Лучшие, доблестные погибли в священной атаке 18—19 июня, а вся сволочь, потеряв образ человеческий, грабя и насильничая, побежала назад. Как-то не хочется жить и думать. Руки опускаются.

Но на массы впечатление ничтожно и ни о каком подъеме говорить не приходится. Зато лучшая часть солдатской массы, к сожалению, ничтожная численно, вместе с нами болеет душой. Вот когда несем мы страшную кару за то, что держали народ наш в темноте.

4 июля. Рязань

Сегодня, приехав в Рязань на инспекторский смотр, я узнал, что один из стоявших на смотру полков накануне вечером арестовал своего командира за то лишь, что он съездил в Москву, не спросив разрешения солдат. Впервые пришлось мне лицом к лицу столкнуться с ярким случаем нарушения дисциплины, и нужно было сразу решать и делать что-нибудь, дабы этот случай не остался без воздействия свыше. Мне было противно смотреть на этот полк. Между тем он стоял в ряду других как ни в чем не бывало, с музыкой на правом фланге, с фанфарами, красными флагами, держа на караул. Не поздоровавшись и не глядя на него, я прошел мимо к следующему полку, где долго пробыл, здороваясь с каждой ротой и командой. Тот же полк, видимо, не поняв, в чем дело, продолжал недоуменно держать на караул и играть встречный марш. Тогда я вернулся к нему и объявил: «Революцию делали для того, чтобы была справедливость и правда, чтобы никто не мог без вины и вне законной власти лишить человека свободы. А вы ни за что ни про что арестовали своего командира, нарушив тем самым главное в военной службе, военный порядок, уважение к начальнику. А потому я такой полк видеть не хочу, убрать его с поля вон».

Сначала полк снова не понял, в чем дело; такие случаи не бывали. Такой «афронт» случался полкам редко даже при старом режиме, но временно командовавший полком подал команду, чтобы увести полк прочь. В задних рядах раздались протесты, послышалась угроза арестовать меня, отдельные люди стали бегать от роты к роте, подбивая людей к возмущению. «Как!? Прогнать полк со смотра. Мы сюда пришли, ему честь держим, а нас вон гонят! Нас оскорбляют!!» Другие полки в это время строились к церемониальному маршу.

Полк же, прогнанный мной со смотра, поволновался, но все же свернулся и ушел в свои казармы.

Через час мне доложили, что полк сам освободил своего командира, с почетом и музыкой привел с гауптвахты в полк и командир вновь вступил в командование.

Тогда я поехал в казарму этого полка, где долго пробыл, разговаривая с ним. Как своеобразна иногда психология людей!

5 июля. Москва

В Нижнем Новгороде ясно выраженное восстание[123]. Эвакуированные требуют, чтобы их не отправляли на фронт. Они заявляют, что, побывав уже по 2—3 раза на фронте, раненные по несколько раз, они имеют право остаться в тылу, а на фронт должны идти те, кто еще ни разу там не был, «буржуазия» в первую голову, ибо она при старом режиме откупалась деньгами от личного участия в войне. А таких, к стыду нашему, много, по улицам видишь толпы здоровых, краснощеких молодых людей, которых никакими способами не вытянешь на войну. В требованиях эвакуированных есть, к сожалению, много справедливого с личной точки зрения каждого. Но ведь, кроме личной точки зрения, есть точка зрения государственная, до которой наша масса еще далеко не доросла. Наш государственный аппарат страшно расшатан революцией и, несмотря на принятые мною экстраординарные меры, «окопавшихся тыловиков» скоро в строй не получить, тем более что они военному делу совершенно не обучены, пополнения же нужно давать на фронт сейчас. Этого масса понять не может. Власть вырвана из рук командного состава, и как всегда в русском бунте, так и теперь в Нижнем, зверь разошелся. Есть убитые и раненые. Пленным выкалывали глаза, раненых вытягивали из лазаретов и добивали, сбрасывали с 3-го этажа.

Как только власть уходит из рук культурных людей и переходит в руки толпы, так и начинается это безумие. Оно всего опаснее теперь, когда идут бои на фронте. Если дать анархии охватить сколько-нибудь большой район, она сейчас же перекинется дальше и дальше, а фронт в самую трудную минуту останется без пополнения.

В Московском округе почва для этого сейчас крайне благодатная. Анархические выступления разливаются волной. Гарнизон Владимира прислал мне резолюцию, что если я прикажу им идти на фронт, то они не только никуда не выйдут, но что у них есть оружие, дабы силой отстоять свое право. Такие же требования предъявлены в целом ряде других гарнизонов, хотя в менее решительных тонах. Таковы Рязань, Тула, Тверь, Козлов и т. д. В Ельце и Липецке гарнизоны громят винные склады и местное начальство ничего не может сделать. Вот обстановка сегодняшнего дня.

Как люди не понимают, что у революции два лица. Одно — это стремление осуществить в жизни те или другие идеи, перестроить жизнь страны на новых началах справедливости и любви. Другое — это просто бунт черни, стихийный, анархический бунт против всякой власти, всякого порядка. Тут нет речи ни о родине, ни о любви, ни о правде. Сейчас наша задача заключается в том, чтобы всем людям, которым дорого государство, правда, воплощенная в жизни, сплотиться для борьбы с анархией, которая неизбежно приведет нас к гибели. А мы разбиваемся на партии, группы, подгруппы, и силы русской интеллигенции, сами по себе небольшие, гибнут в междоусобной борьбе.

Торжествовать-то будет кто-то третий, которому совершенно не дороги наши мечты о правде на земле.

Я страшно счастлив, что за месяц моей работы здесь мне удалось наладить соглашение различных групп настолько, что в нужную минуту — а она теперь пришла — мы переходим в наступление против

анархии единым фронтом. Офицеры, лучшие солдаты, комитеты, юнкера, казаки, кавалерия — все сейчас пойдут бороться рядом с одним врагом, анархической толпой. Враг у нас сейчас один — это Германия. И мы ясно чувствуем, кому мы наносим удары здесь, в Нижнем, Владимире, Ельце.

9 июля. Москва

Восставшие пытались организовать оборону, вырыли окопы, поставили пулеметы, даже, кажется, разобрали железнодорожный путь, чтобы оказать сопротивление войскам, которые я вел с собой для их усмирения.

Но борьба с ними была легка. На нашей стороне огромное превосходство в технике управления и в наличии средств борьбы — артиллерия, броневики, гранаты и т. д. Кроме всего мы, конечно, сумели приехать не с той стороны, откуда нас ждали. Нас ждали, сидя в окопах у Московского вокзала, а мы под гром артиллерийских выстрелов въехали в город со стороны Казани. Нас встретило только небольшое сторожевое охранение, и чтобы долго не шутить, оно было разогнано пушечными выстрелами. Один из снарядов, дав рикошет, чрезвычайно удачно упал на дворе казарм и разорвался недалеко от солдатского митинга, решавшего вопрос, как отнестись к нашему появлению. Неожиданное падение снаряда, никого, кстати сказать, не ранившего, было аргументом, быстро решившим все споры, и митинг разбежался по казармам.

Сопротивление было коротко и сломлено в ту же ночь. Взбунтовавшиеся полки были обезоружены, пулеметы отобраны, зачинщики арестованы.

Ночная перестрелка напугала обывателя, но к полудню, увидев, что все успокоилось, город принял обычный вид, веселый, суетливый, полный жизни.

Я поехал посмотреть на усмиренные полки. Люди встретили меня мрачно, глядели исподлобья. Жал-

кий, темный народ, сбитый с толку, не отличающий правую руку от левой. Но в толпе этой я ясно различил и толстовского Каратаева[124] из «Войны и мира», и героев из Августовского леса и Карпат, подлинный русский народ, сбитый с толку шумихой трескучих фраз и лозунгов, выброшенных на свет революцией. К этим людям я и обращался, к их сердцу искал дорогу. Я знал, что подлинный русский солдат не может остаться глух, когда ему говорят о гибнущей родине, о долге перед ней, о тех идеалах любви и правды, которые должны лежать в основе революции*.

По мере того как я с ними говорил, светлели лица, загорались глаза. Если бы мы знали правду, разве мы стали бы делать такое? С нами никто никогда не говорит. Несчастный народ. Когда железной рукой кучка мерзавцев, позорящих русское имя, задавлена, вся масса, верно направленная, инстинктом своим потянется к правде, пойдет за ней. Ужас берет, когда думаешь, до чего забиты мозги у наших несчастных людей, раньше не приученных ни думать, ни понимать сколько-нибудь серьезные вещи.

В тот же вечер вчерашние насильники,— вернее попустители, так как убийцы уже сидели под замком,— с песнями и красными знаменами, с кликами, бросая фуражки вверх, сели в поезда и пошли на фронт.

Облава, произведенная в тот же вечер, захватила до 300 солдат, большей частью бывших уголовных преступников, выпущенных из тюрем в начале революции. В них были опознаны многие воротилы только что пережитых зверств.

На следующее утро злодейской рукой был подожжен склад хлеба.

---

* В этот период так именно и было, и будь наши интеллигентные силы более многочисленны, проповедь этих идей более распространена, вся революция могла пойти иначе.

Видимо, есть чья-то руководящая рука в том, что здесь происходит. И несомненно, тот, кому это нужно, не пожалел средств и использовал талантливо темноту масс. Немцы искренно радуются нашей анархии в тылу.

А Волга так хороша, так величаво прекрасна. Смотришь на ее необъятную ширь, на дымку тумана, поднимающуюся перед закатом,— все забывается и кажется, что вся эта уродливая действительность есть лишь тяжкий сон, который скоро прервется ярким рассветом красоты и счастья. И это Нижний, город Минина[125]. И стоят еще кремлевские стены, видевшие его. А теперь? Все, кажется, душу отдал бы, чтобы увидеть поскорее это светлое утро обновленной России.

12 июля. Москва

Совершенно так же дело прошло и во всех остальных местах. Все попытки к мятежу были подавлены, маршевые роты отправлены на фронт, порядок восстановлен*.

---

* Приказ по Московскому округу 11 июля 1917 г. Гарнизоны Нижнего Новгорода, Ельца, Липецка и отчасти Владимира поддались агитации темных сил. Свергнуты были Советы, грабили, насильничали, полки отказывались идти на фронт. Позор предателям... В полном согласии с Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов я пушками и пулеметами беспощадно подавил восстания и так же поступлю со всеми, кто пойдет против свободы, против решений всего народа... Мы хотим видеть свою землю свободной и счастливой, мы хотим, чтобы у крестьян была земля, чтобы рабочий был обеспечен при 8-часовом рабочем дне и чтобы у всех была воля, *поэтому мы должны исполнить свой долг перед страной до конца*. Знайте, товарищи, что демократия России братски протягивает руку всем, кто любит родину больше жизни, кто хочет общей нашей работой спасти ее от гибели, к которой ее тянет германский милитаризм и контрреволюция. Но для изменников делу свободы революционная власть имеет лишь штык и пулемет... Требую немедленно начать занятия, отдавая всех не являющихся на занятия под суд. За каждым законным требованием начальников я буду стоять со всей силой, находящейся у меня в руках. Или мы спасем *родину*, или позором покроется родная земля и дети наши проклянут нас. *А. В.*

Это сразу создало перелом. Почувствовалась возможность командовать войсками, а не только заниматься бесконечной болтовней. Такова была тяжелая действительность. Из всех мест округа получаю донесения о достигнутых результатах, о том, что занятия в запасных полках возобновились. Хотя и небольшой, но сдвиг есть.

Не могу не отметить большой шаг вперед, который сделали руководящие круги нашей молодой демократии, конечно, не большевистской, еще только 4 месяца как вышедшей из подполья, делать большое государственное дело. Они отказались от многих заблуждений своих, от мечтаний первых дней революции. Мечты о благодушном народе, которым можно управлять одним лишь словом ласкового убеждения, о милых немцах, которые братски пожмут руку, протянутую нами, и свергнут свое правительство — эти мечты распались. Люди выросли, почувствовали себя русскими и теперь всеми силами поддерживают необходимость порядка внутри, для сосредоточения сил в борьбе с внешним врагом. Лучшие, наиболее разумные поняли необходимость поддерживать и командный состав. Зато рядом с этим процессом развивается другой, от которого веет гниением трупа. Анархические инстинкты темной толпы, уставшей от лишений войны, без всего святого, без идеалов, сливаются в нем. Тут и братание с немцами, и расправа со своими офицерами, героически требующими исполнения тяжелого долга, тут и мир во что бы то ни стало. Все это уложилось в лозунги большевизма, который именно на раздувании этих низменных сторон сосредоточил свою работу, покрывая их высокими красивыми идеалами добра и правды.

Но нельзя к этому явлению подойти так просто. Нельзя, например, сказать, что это шкурные интересы, что оно создано только на германские деньги, которые, несомненно, поддерживают это движение.

Нет. Оно несет для темной массы идеи страшной силы. Сейчас страшнее, разрушительнее всего идея немедленного мира. Она сильна не потому только, что играет на шкурных интересах, что она освобождает от лишений и смерти, а потому, что в ней таится глубокая вековечная правда. Довольно крови. Довольно истерзанных тел, довольно Ивановых, Петровых, Иогансонов и Петерсонов, ложащихся жертвой Молоху войны. Правду этой идеи чувствует каждый, и сила большевиков в том, что такой прекрасной идеей они оправдывают эгоизм человека, не желающего жертвовать собой за родину в глазах толпы. На самом деле эта идея является не более как красивой химерой, так как немцы определенно ставят себе целью грабеж России, обращение в экономическое рабство русского мужика и рабочего, которых немцы глубоко, оскорбительно презирают.

Еще говорят большевики народу: не демократия Германии и Австрии, так же, как и мы, страдающие в нищете,— наши враги, а те, кто эксплуатирует труд и германца, и нас, заставляя нас нести только страдания и наслаждаясь жизнью за наш счет. И так как в этом есть много горькой правды, так как распределение жизненных благ часто весьма несправедливо в укладе европейской жизни, то эти идеи находят массу слушателей и приверженцев. Но снова большевики замалчивают, или те из них, которые по необразованности не знают, что в Германии, Франции и Англии в минуту внешней опасности все идут рядом бороться с внешним врагом, зная, что в случае победы всем будет хорошо, а в случае поражения все понесут тяжелый крест расплаты. Наши, в темноте своей, понять этого еще не могут. Они верят (!?), что немецкий трудящийся — это наш брат, что он не бросится на беззащитную Россию. Поэтому разрушение армии нашей их не пугает, и шкурные интересы, полное отсутствие патриотизма прикрываются другими лозун-

гами, также претендующими на степень гражданской добродетели. Люди, готовые идти на смерть за свою родину, вызывают не восхищение, а насмешки, толпа считает — что они этим затягивают войну. Я знаю случай на Юго-Западном фронте, где от посланной в атаку части вперед пошли только офицеры и их денщики. Все остальные, улюлюкая, остались в окопах.

Вышли люди из своих далеких, диких деревень, без понятия о правде, о Боге, привыкшие действовать только из-под палки. Палку сняли, и вот большевистская дешевка оказалась самым ходким товаром.

Нам говорят, что это разложение есть признак полного ничтожества русского народа. Говорят, что Французская революция была пламенно патриотическая. Да разве можно сравнивать нашу революцию и французскую. Ведь все же условия другие. Там революция вызвала войну, а у нас наоборот: истощение войной вызвало революцию. Революция — это наглядная школа жизни для народных масс. За 4 революционных месяца борьбы наиболее сознательная часть народа и у нас патриотически воспиталась, а за три года, как это было у французов от начала движения до возникновения войны, все проникались идеями государственными, ранее скрытыми от них.

Любят много говорить о патриотическом воодушевлении волонтеров Французской революции. Но ведь это не более как красивая легенда. Они храбро шли с развевающимися знаменами по улицам Парижа, но с поля сражения бегали преисправно два года, пока длительная кампания не выработала у них подобие дисциплины, которой не могли еще похвастаться даже и войска императорского периода Наполеона.

Во Франции война началась с того, что внешний враг, соединившись с врагом внутренним — французским дворянством, шел подавлять революцию; следовательно, вся энергия народа, не утомленного никакими предшествовавшими усилиями, революци-

онный энтузиазм и любовь к родине — все слилось в один боевой порыв. Наконец, там были волонтеры, т.е. наиболее ярко, активно настроенные люди, шедшие на самопожертвование добровольно, а у нас ведь всеобщая воинская повинность. Нашими добровольцами-ударниками и мы справедливо можем гордиться.

Нельзя сравнивать нашу и французскую революции. Другие причины, другие и следствия.

Мне также болезненно тяжело слушать, когда сравнивают состояние армии нашей и армии союзников. Да ведь мы же воюем как на разных планетах. Дивизия на французском фронте занимает 3—5 верст, а на нашем от 8 до 16-ти. Наши люди имеют вдвое и вчетверо меньше отдыха, чем там. Мы едва ли каждый год попадаем в отпуск по разу. Француз же и англичанин бывают дома каждые 3—4 месяца.

Они живут в окопах, в прекрасных бетонированных казематах или бараках, с печами и электрическим освещением, у них устроены кинематографы, читальни, чайные домики, игры и т. д. Мы ничего подобного не можем предоставить нашим войскам, вследствие отсутствия нужных средств и слабого развития техники. Французский солдат получает даже каждый день белый хлеб и красное вино, немец свое кофе и пиво, а наши войска часто просто голодают, особенно последний год. Когда мы брали германские позиции, мы заставали следы настоящей роскоши, во всех отношениях, включая до стен, оклеенных обоями, и складов дорогих ликеров. Лишения же, которые переносит наша армия, ни с чем несравнимы, и моральное состояние армии, вдобавок темной и плохо понимающей обстановку, конечно, не может сравниваться с состоянием духа у союзников.

20 июля. Тверь

Во всем округе до последнего времени оставалось еще одно только анархическое гнездо — это Тверь. Но теперь дело налаживается и там.

До подавления в каком-нибудь месте округа анархии силой оружия в Тверь с одними разговорами ездить было бесполезно, так как Тверской гарнизон в своей дезорганизующей деятельности дошел до крайних пределов. Так, например, гарнизон постановил исполнять только те приказы военного министра и мои, которые по «здравому обсуждению» местный Совет солдатских депутатов признает соответствующими тверским условиям и снабдит своей скрепой. Поэтому приказы о переводе из Твери в Кострому артиллерийского дивизиона, посылка 8 маршевых рот, отправка наряда рабочих в Архангельск и многие другие исполнены не были по самым разным предлогам. Занятия прекратились совершенно, офицеров обложили данью в пользу совета. Солдаты потребовали, чтобы офицеры переехали на житье в казармы, предупредив кстати, что немедленно по переезде над ними будет совершен самосуд, как это имело место в той же Твери с достойнейшим полковником Чеховским[126]. На запрос офицеров в комитет, как им быть, они получили ответ: комитет за безопасность офицеров поручиться не может, но переехать в казармы они должны под угрозой объявления их контрреволюционерами. Тогда офицеры приехали за помощью ко мне. Я командировал в Тверь следственную комиссию. Следственной комиссии указали на дверь и отказались дать какие бы то ни было разъяснения. Мало того, мне стали известны случаи воровства казенных денег, всевозможные злоупотребления, остававшиеся совершенно безнаказанными. Артиллерийский дивизион, сформированный в Твери, прибыл на фронт с таким настроением, что во время тарнопольского по-

ражения перерезал своих офицеров и весь целиком сдался в плен. Вот что собой представляет Тверь.

После того как следственную комиссию изгнали из Твери, мне нужно было ехать туда самому. Ехать с вооруженной силой не хотелось, это последнее средство нужно очень и очень беречь, чтобы оно не утратило свое значение. Я решил отправиться туда на аэроплане, рассчитывая, что невиданная в Твери машина произведет на толпу свое впечатление.

Подлетая на стосильной машине к Твери, я увидел непокорный гарнизон Тверской вольной республики построенным на обширном плацу за городом. В назначенный для начала смотра час мой блестящий кормчий, капитан Руднев[127], один из лучших летчиков, подлетел к плацу, покрыв 150 верст в полтора часа. Треща пропеллером над буйной головой тверских головорезов, Руднев сделал несколько кругов и опустился на землю неподалеку от войск. К самолету подали коня, и смотр начался. Продолжительный и подробный экзамен по катехизису солдатской науки дал самый печальный результат. Постановка прицела, глазомерное определение расстояний, обязанности в цепи и сторожевом охранении — все оказалось из рук вон плохо.

Я объявил им, что часть, ничего в своем деле не понимающая, не желающая слушать своих офицеров, издевающаяся над ними, не должна больше позорить русскую армию. Часть будет раскассирована. Я разрешаю оставить в ней только тех солдат, о которых поступит особое ходатайство от командиров. Всех остальных по одному я направлю во все части округа. Главные виновники, известные поименно, были арестованы немедля, переданы в руки следственных властей и отправлены в Московскую тюрьму.

Впечатление было велико. Вся эта орда, еще недавно издевавшаяся над своими офицерами, покорно исполняла все приказания.

Только перед моим отъездом они несколько оправились и Совдеп обиженно заявил, что он действует в революционном порядке и поэтому считает, что никто не может входить в оценку его действий. Мой ответ разочаровал их. Не вступая совершенно в полемику о степени революционности их действий, я заявил им, что как представитель государственной власти я интересуюсь преступлениями, совершенными против действующих законов, и что я имею достаточно силы, чтобы заставить каждого эти законы исполнять. На этом разговоры были закончены. Теперь в Твери занятия налаживаются, следствие подходит к концу, главные виновники тверской анархии арестованы и ждут суда, а о терроре над офицерами больше жалоб не поступало.

30 июля. Москва

Впечатление от позорного поражения в Галиции, вскрывшего все язвы нашей действительности, страшно, невыносимо больно отозвалось на всей лучшей части страны. Интернационалисты марта месяца, теперь в значительной мере прозревшие, вместе с нами скорбят. И только большевики поют свою старую песню о братском германском пролетариате. Позор поражения всколыхнул все сознательное в стране, толкнул всех на созидательную работу, и положение стало заметно улучшаться. Везде стали лучше заниматься, отношение к командному составу начало выливаться в иные, приемлемые формы, комитеты определенно вступили в борьбу за восстановление порядка во многих, почти во всех местах. Московский совет рабочих и солдатских депутатов вынес, по моему настоянию, целый ряд резолюций о поднятии дисциплины, о возобновлении занятий, об уважении к офицерам.

В этом я вижу огромный шаг вперед. Закрывается пропасть, бывшая между офицером и солдатом.

Грустно только отметить то явление, что по мере того, как солдатские организации с революционного, все ломающего способа действий переходят к созидательной работе, они отрываются от масс, теряя свое влияние на них.

Сведения, подобные вышеизложенным, о положении дел в войсках идут и с фронта. По-видимому, жизнь спускает наших мечтателей на землю, и мы начинаем работать над воссозданием армии и страны.

1 августа. Харьков

Недолго длилось относительное спокойствие. Снова выползает на поверхность анархия со всеми ее ужасами.

Сегодня приехал инспектировать Харьковский гарнизон. Боже мой, какой это ужас! Тьма египетская нашла на этих людей. Социал-демократы—интернационалисты[128] и социал-революционеры—максималисты[129] здесь находятся на правом политическом фланге. Страшно смотреть, до чего забита голова у наших несчастных, темных людей разными лозунгами (солдаты выговаривают это слово с ударением на втором слоге). Здесь, например, вопрос о поражении под Тарнополем не обсуждался совсем. Как будто чувство любви к родине здесь атрофировано совершенно. Введение закона о смертной казни вызвало бурю протестов, а беззаконные убийства и грабежи озверелых людей и гибель, грозящая стране от одичания,— это никого не интересует. Зато вопрос, почему Италия аннексировала Албанию, волнует всех здесь чрезвычайно. Харьков гордится своей «революционностью», но между тем я узнал сегодня, что они еще с первого дня революции держат под арестом бывшего начальника гарнизона полковника Г.[130], не предъявив ему буквально никаких обвинений. И это называется свободой! Руководители оправдываются тем, что если его выпустить, то это вызовет возмущение в массах.

Сегодня же его выпустили по моему приказанию, и никакого возмущения нет и не будет. Вот как темная масса понимает свободу! Она понимает ее просто как смену самодержавия царя диктатурой пролетариата. «Попили нашей кровушки, довольно, теперь мы вашей попьем».

Между тем здесь стоит 30-й запасный полк, комплектующий одну из лучших наших дивизий, 2-ю Финляндскую. Я поехал к ним и долго говорил с ними. И снова в этих распропагандированных людях я увидел боевых товарищей с Карпат, Восточной Пруссии и Стрыпы. Я увидел у них отклик на все, что дорого каждому русскому человеку. Они вспоминали славные страницы своей боевой жизни, горячо протестовали против упреков, что они развратили когда-то славную дивизию, и предложили немедленно их пополнить молодыми и отправить в полном составе на фронт. Снова, как и везде, где мне приходилось близко подойти к солдатской массе, я увидел живых, хороших людей, но в их среде и кучку негодяев, прикрывающихся самыми возвышенными лозунгами всеобщего братства народов и борьбы за улучшение быта меньшего брата.

Перед самым моим отъездом из Харькова, в 12 часов ночи, ко мне прибыла делегация от советов и думы Харькова за помощью. Дело в том, что караульная команда в тюрьме «самоопределилась», вошла в контакт с «товарищами пролетариями» и выпустила на свободу 300 человек уголовных преступников грабить «буржуев».

Что же, други мои, ответил я им. «Бачили очи, что купували, ешьте себе на здоровье», как говорят здесь хохлы. Ведь вы же распропагандировали темную массу, теперь и несите кару за то, что вместо родины вы им говорили об интернационале, вместо единения перед лицом врага звали к классовой борьбе. Результаты налицо. Здесь нельзя помочь разговорам даже

какой-нибудь случайной мерой. Надо сюда прислать энергичного и разумного человека, который длительным лечением поправит дело.

4 августа. Москва

Какой тяжелый день. В Харькове преступники, выпущенные из тюрем, грабят. В Москве занятия хотя и начинаются, но в связи с усиливающейся большевистской пропагандой атмосфера снова стала сгущаться. В Егорьевске солдаты, по ошибке не внесенные в списки избирателей, убили городского голову[131]. В полку, квартирующем в Бахмаче, полное разложение. В Борисоглебске чуть не открытый взрыв в связи с моими приказами о дисциплине. Гарнизоны Воронежа и Острогожска глухо ворчат. Вот обстановка, в которой приходится работать. Волна анархии, подавленная в Московском округе в начале июля, снова властно подымает голову. Видно, нельзя внешним принуждением бороться с глубокими причинами, вызывающими анархию и дающими перевес черни над лучшей, честной и мыслящей частью России.

5 августа. Москва

По мере того, как я знакомлюсь за время двухмесячной работы в Московском округе с новыми условиями жизни России и с тем влиянием, которое они имеют, неизбежно приходишь к тем же тяжелым выводам, к которым я приходил еще в декабре 1916 г. Многие надеялись, что революционный подъем позволит извлечь те средства, которые народ не давал царю, но это не оправдалось. Голодный, истомленный народ не может поддерживать прежнее военное напряжение даже и при новых условиях. Он сбросил царское правительство, которое заставило его нести жертвы, ему непосильные, и дало взамен только позор поражения.

Теперешнее правительство также заставляет Россию продолжать войну, и с тем же напряжением и теми же жертвами. Очевидно, что если дело пойдет и дальше так, то народ сбросит и это правительство, вместе с теми группами, которые его поддерживают. Нужно пойти сейчас на героические меры, чтобы облегчить народу тяжесть войны. Нужно произвести частичную демобилизацию и вернуть стране работников, лошадей, повозки, металл, сократить непроизводительные перевозки на фронт.

Мысли эти и способы их практического осуществления были мной сообщены в Петроград и как будто встретили горячее сочувствие в среде Временного правительства. Не вижу только человека, который мог бы осуществить эту огромную работу. Ведь тут нужны смелые решения, нужно идти на большой риск, быть готовым на большие жертвы. Кто в России сейчас это может сделать?

13 августа. Москва

Во время московского Государственного совещания[132] передо мной стало во весь рост еще одно нарастающее грозное явление в армии.

Часть нашего офицерства, с Корниловым[133] во главе, изверилась в возможность сделать что-либо по воссозданию силы армии тем путем, которым мы шли с первого дня революции, именно путем постепенного перевоспитания масс, достигаемого совместной работой офицерства и наиболее сознательной части солдатской массы в комитетах, применяя, когда нужно водворить порядок, и вооруженную силу. Действительность так далека от минимума, предъявляемого вообще к вооруженной силе фронта и тыла, что тоска и отчаяние офицерства, оскорбляемого и унижаемого ни за что, понятна. Перед нами стоят германцы, ничего не потерявшие в своей боеспособности, а мы так мало подтягиваемся. Скажу больше, в последние дни

даже снова замечается поворот к худшему, объясняемый непосильным бременем войны, все сильнее давящим плечи народные.

И вот в то время, как большевистски настроенные массы в Москве едва дали себя уговорить не препятствовать Государственному совещанию, есть группы, которые хотят сделать во время совещания государственный переворот. К Москве направлен, без моей просьбы и без всякой нужды, казачий полк[134]. Соответствующие случаю речи о необходимости переворота были произнесены начальником и офицерами N-ского военного училища[135], в котором, не стесняясь, были поставлены все точки над i. Вслед за этим это училище, поставленное для охраны совещания, по распоряжению своего начальства, взяло с собой пулеметы, которых ему брать совершенно было ни к чему, шли приготовления по сбору георгиевских кавалеров и по вооружению их, словом, намерения не оставляли никаких сомнений. Все это выглядело очень наивно, ибо совершенно не учитывало реального соотношения сил. Всякая такая попытка будет понята массами как контрреволюция и будет сметена, как пушинка. Между тем я знаю, что никакой пока мысли о контрреволюции даже у людей, готовящих переворот, нет. Есть одно лишь желание решительным шагом создать сильную революционную власть, которая могла бы поднять боеспособность армии, и не больше.

Но ведь это явное безумие. Вместо помощи делу такая попытка окончательно погубит армию, ибо она не может быть удачна и бесповоротно разорвет связь офицера с солдатом.

До сих пор удавалось все усилия соединить в общей борьбе с нашим внешним врагом и анархией. Теперь общая работа станет невозможна. Офицерство, идя на переворот, останется совершенно изолированным. Напрасны мечты, что георгиевские кавалеры и казачество далеко пойдут с ними по этой дороге. Напрас-

но они будут говорить, что они стоят вне политики и думают только об армии. Вся масса будет кричать о контрреволюции, и все бросят инициаторов переворота. А расхлебывать эту кашу будет опять армия, в которой такая авантюра толкнет разложение гигантскими шагами вперед. Необычайно тяжело и то, что уже теперь, когда переворот только намечается, мы чувствуем раскол и непонимание в своей среде. Одна часть офицеров думает одно, другая решилась на другое, и эти части идут врозь. Общих усилий для борьбы с нашим главным внутренним врагом — анархией — мы не получим. Может быть, еще не поздно пойти другим путем. Путем широких реформ, решительного сокращения армии. Этим путем озлобление, растущее в стране, утихнет, и мы сможем довести войну с Германией до конца.

В центр этого движения в армии ставят генерала Корнилова, желая сделать из него того «генерала на белом коне», о котором сейчас так много говорят. Но Корнилов для этого совершенно не подходит. Это честный солдат, очень смелый, очень твердый, но совсем не политик. Цель Корнилова одна — сплочение, усиление армии. Но вокруг него сплетается сложная политическая интрига, в которой участвуют авантюристы разных видов. Корнилов, видимо, не понимает, как хотят его использовать. В Москве Корнилову приготовлена встреча. Она должна носить характер народного торжества. Говорились прочувственные речи. Организовано молебствие у Иверской, из которого собирались устроить грандиозную политическую манифестацию. На меня эти люди производят впечатление людей, упавших с луны. Настолько они не понимают обстановки, не понимают настроение масс, и именно тех, которые делают хорошую и дурную погоду сегодняшнего дня,— рабочих и солдат. Мыслящая и любящая родину интеллигенция, конечно, будет радостно приветствовать этого сильного человека, без-

заветно преданного России и подающего надежду на установление порядка, но темная масса со дня введения смертной казни видит в нем начало контрреволюции и громко требует его смены. Попытка манифестаций около Корнилова вызовет такую вооруженную демонстрацию, что не только Корнилову, но и Государственному совещанию не устоять.

Как только Корнилов прибыл в Москву на вокзал, я немедленно попросил его уделить мне 10 минут и тут же в вагоне доложил ему всю обстановку, прося его воздержаться от каких бы то ни было выступлений, ибо они, кроме вреда делу обороны страны, ничего принести не могут. Корнилов заверил меня, что никаких демонстраций не будет, а что у Иверской он будет молиться, как всякий другой человек.

Тут же, не ожидая никаких вопросов с моей стороны, он подчеркнул, как будто это мне было неясно и без разговора с ним, цели, которые он себе ставит. Он мне сказал: «Людей, которые приходят ко мне говорить о монархии, я гоню прочь. Новый строй государственной жизни народ определит себе сам через Учредительное собрание». Я совершенно ясно все время понимал, что в корниловском движении о монархии и речи быть не может. Я боюсь другого. Наблюдая работу Ставки еще с начала войны, я боюсь, что она, как это бывало часто во время войны, стоя без тесной связи с реальной действительностью, толкнет Корнилова на шаги, вредные делу. Вот почему я поторопился передать Корнилову все, что знал о настроениях и действующих силах тыла, дабы остановить шаги, грозящие погубить армию.

Корнилова здесь я видел впервые. Он произвел на меня сильное впечатление. Небольшого роста, стройный, со спокойными, уверенными движениями. Смотрит прямо в глаза твердым ясным взглядом. В нем чувствуется простой и сильный человек, человек поля сражения. Но ни в каком случае не человек того

огромного масштаба, и военного и политического, который нужен теперь на месте Верховного главнокомандующего. Львиное сердце у Корнилова есть, чувствуешь, как бьется в его жилах горячая кровь бойца, взятого в плен лишь после тяжкой раны, свалившей его с ног, и бежавшего из плена, как только он поправился. Но когда он начинает говорить о политике, то чувствуется, что это чужое. Такой человек теперь может невольно принести много бед стране. Он не понимает обстановку в стране, не учитывает реальное соотношение сил. Ведь здесь дело идет не о штурме высоты или деревни. Наша задача бесконечно шире. Мы должны довести войну до конца во что бы то ни стало, и потому нужно с этой армией сделать все возможное, дабы она была в силах довершить свой подвиг.

Всякая попытка сломать поведет только к одному, к гибели офицерства, к полному разрушению войска и... торжеству Германии.

14 августа. Москва

Корнилов, видимо, готовил чрезвычайно резкое выступление на Государственном совещании. Конечно, оно было подготовлено не им, но это все равно. Результат был бы таков, что требования смены Корнилова, раздававшиеся в тылу, перекинулись бы и на фронт. Сколько мне известно, его от этого шага отговорил Керенский.

И все-таки с глубокой скорбью нужно отметить, что на речь Корнилова откликнулась лишь правая часть залы Государственного совещания. Все демократические и армейские организации не встали даже, как это ни уродливо, чтобы его приветствовать.

Еще один грозный показатель. Чтобы бороться с анархией, нужна сила. Сила же теперь в руках демократических организаций, а они отказывают Корни-

лову в поддержке. Что же сможет он сделать? Делу обороны родины он принесет только вред.

Государственное совещание ничего не дало. Каждый пришел высказать свое и ушел с тем, с чем пришел. Иначе и быть не могло. Обстоятельства требуют самоотречения массы, а этого от нее никто, даже признанные ею вожди, потребовать не могут. Керенский именно на этом требовании теряет свою популярность. Только жизнь может этому научить наш народ, едва выходящий из своей вековой темноты.

24 августа. По дороге в Ставку

Очень тревожные сведения о готовящихся в Ставке событиях заставляют бросить все и ехать предотвратить, пока не поздно, грозящее нам несчастье. Перед отъездом все-таки успел в Коломне и Серпухове подавить начинавшиеся восстания. Очередная волна анархии, подымавшаяся в округе, снова подавлена. Ко мне с докладом прибыл один из комитетчиков Серпухова. Простой солдат, он до того возмущен бесчинством черни, что приветствует от всего сердца решительность, проявленную там моими офицерами. Он говорит: «Столько теперь люди нахальства набрались, что и не знают, куда его и потребить».

26 августа. Ставка

Корнилов меня принял, и в долгой беседе с ним я снова увидел человека, глубоко, бесконечно страдающего за Россию, за армию, которая разрушается перед лицом торжествующего врага. Корнилов и те, кто с ним, мечтают, что диктатура, объявленная Временным правительством, спасет положение. Как тяжело слушать. Разве дело в словах. Ведь реальное соотношение сил не изменилось ни на йоту. Мысль о диктатуре поддержат те, у кого нет винтовок в руках, а солдаты будут против, значит, все это прине-

сет армии только вред. Иные до сих пор думают, что революцию кто-то делает и что если кого-то назвать диктатором и дать приказ о восстановлении мощи армии, то все исправится. Это детская мечта. Революция — стихия. Нарушенная психология не может восстановиться в один день; это долгий процесс, пока взбаламученное море уляжется в новых берегах. Я рассказал Корнилову все, что думаю по этому поводу. Что вся та масса народная, которая делает государственную жизнь, будет против него. Вся армия в тылу и на фронте, все железные дороги, почта и телеграф и т. д., словом, все, что называется демократией, все будет против него и его попытка будет неизбежно осуждена на неудачу, принеся новый неисчислимый вред армии. Небольшие части, казаки или ударники, которые пойдут на призыв Корнилова, окажутся одиноки и перейдут на сторону народа, а он будет арестован своим собственным конвоем. Я старался доказать ему всю безнадежность попытки переворота. Корнилов же имел другое представление о действительности. Он получал каждый день со всех сторон массу писем с просьбой вернуть армии дисциплину, а стране порядок. Ему казалось, что он может опереться на целые части с артиллерией и пехотой.

В особенности ему казалось важным, что на этот шаг он пойдет вместе с Временным правительством, о чем ему только перед этим заявил обер-прокурор Львов[136], что совершенно должно его обезопасить от упрека в личной заинтересованности, которой, конечно, и нет.

Еще более твердое настроение было у начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Лукомского[137], и мои доводы не заставили его даже прислушаться. Но Корнилов, как мне показалось, обратил внимание на мои слова, и я уехал из Ставки успокоенный, что он не пойдет на безумный шаг.

29 августа. Москва

Пережита ночь страшной душевной борьбы, полной неизвестности, что делать. Жизнь ставит перед готовым, совершившимся фактом, ужасным несчастьем, горшим, чем все, что пережито до сих пор.

Почти одновременно получены телеграммы от Корнилова и от Временного правительства. Корнилов обвиняет Временное правительство в действиях, согласных с намерениями германского Генерального штаба, и приказывает исполнять только его распоряжения. Временное же правительство отрешает его от командования и предает суду за мятеж. Оба эти факта к ночи на 29-е стали перед страной в окончательном виде, свалившись, как гром из ясного неба. Как случилось, что Корнилов выступил против Временного правительства в то время, как он был убежден в совместном выступлении, я понять не могу. Ставка и Петроград держали свои намерения в тайне и поставили не только страну, но даже ответственных руководителей в тупик созданием гибельного для армии столкновения. Вся ночь прошла в поисках выхода, поисках решения, как примирить те две силы, союз которых был необходим для поддержания боеспособности армии. Но выхода этого не было. События зашли слишком далеко. Единственное, о чем можно было мечтать, единственная цель, которую можно было поставить в Москве,— это предотвратить гражданскую войну, предотвратить убийство офицеров, которое сейчас висит в воздухе. Для этого единственно возможный путь — потребовать верности присяге от всех и во имя этого полного порядка, дисциплины, прекращения всякого обсуждения событий. Этот путь и должен быть избран.

31 августа. Москва

Пережиты тяжелые дни восстания Корнилова, нанесшего русской армии последний удар. Как это ясно было заранее, так все и случилось, кончившись полной неудачей. Теперь восстановить доверие солдатской массы к офицерству будет невозможно. Как мы теперь дотянем до мира, не знаю.

Прежняя линия поведения сорвана и едва ли не окончательно. Соединить офицерство, комитеты, казачество и лучшую часть солдат для борьбы рядом едва ли удастся. Офицерство раскололось на две части: «корниловское» и так называемое «демократическое». Комитеты разбились на две группы, резко враждебные. «Соглашатели», соц.-рев. и соц.-демокр. меньшевики, с одной стороны, и непримиримые большевики, с другой, казачество разбилось на «калединцев» и «трудовое» казачество.

Солдатская же масса просто не понимает, кому верить, если свой Верховный главнокомандующий ведет полки с фронта на Временное правительство, которому все присягали. В темных головах все перепуталось. Ведь и комитеты поддерживали Корнилова, значит, и им верить нельзя?

Одни большевики — истинные друзья народа. Вот вывод, который сделали солдаты после выступления Корнилова.

Вся предшествовавшая шестимесячная работа была сорвана в три дня.

Остается попробовать широкими реформами, сокращением армии и жертв, требуемых войной от народа, облегчить народу бремя войны и этим создать необходимый перелом в психологии масс. Если мы этого не сделаем, я очень боюсь, что народ откажется от ведения войны и сдастся на милость победителя.

Мне предложен пост военного министра[138]. Я не буду отказываться, так как никогда не отказывался

от порученных мне задач. Пойду и буду пробовать сделать все, что можно, чтобы сохранить армию и предотвратить этот ужас позорной сдачи перед немцами, после которой увидим ли самостоятельное свободное существование.

В Москве мне удалось собрать все силы, поставившие любовь к родной земле во главе своей работы, соединить их для общих усилий. Каждая часть про себя морщилась, но работала, так как есть же у нас что-то общее, что мы зовем Россией. Каких это усилий стоило, это знает один Бог. Мы настолько в общем мало любим свою родину, что личное мнение, партийные лозунги для нас бесконечно дороже всего. Спасать родину мы согласны, но непременно по-своему. И если по-своему нельзя, то пусть все пропадает, не я в ответе. Монархисты упрямо твердят свое, другой фланг, большевики — совершенно противоположное. Но ведь родина-то у всех одна, и во взаимной ссоре всё, и правое и левое, погибнет. Нужно взять лучшее, идейное во всей стране, соединить в одно общее усилие. В этом выход. Именно этим путем удалось из ничего создать силу, подавить ряд волн анархического движения, нараставших в округе. И когда это было сделано — все, от монархистов до большевиков, были довольны. Вот что нужно сделать теперь в Петрограде. Все силы страны соединить для спасения армии, а с ней и России.

Я одного боюсь, что мне не дадут возможности работать, и тот размах работы, который необходим, осуществлен не будет. Народ еще не созрел для того, чтобы без опасения глядеть на большую индивидуальную работу. Коллективы кажутся ему безопаснее, но как они неработоспособны! А национальная идея только начинает нарождаться.

ГЛАВА VI

Петроград. Последняя попытка спасти армию

Обстановка в армии к началу осени. Программа моей работы.— Временное правительство и его влияние на страну. Керенский.— Заседание в Ставке. Цели, которые можно себе ставить к весне 1918 года.— Значение для солдатских масс вопроса о мире.— Отношение к вопросу о мире политических центров страны.— Положение дел в армии к концу октября и мой выход в отставку.— Переворот 25 октября

4 сентября. Петроград*

В былое, такое еще недавнее время, назначение на пост военного министра было бы призывом к творческой работе. Это была бы возможность осуществить возлелеянные на полях сражений идеалы, перестроить армию так, чтобы не переживать снова позора, который всю войну разрывал сердце. Создать такие условия службы, чтобы корпус офицеров не только своей высокой идеологией, но фактическим умением управлять войсками отвечал бы требованиям войны, создать условия, при которых служба в армии, не попирая живую душу человека, в то же время гарантировала создание твердой дисциплинированной силы, проникнутой ясным сознанием своего святого назначения,— защиты родины, защиты закона в стране.

---

* Невозможность писать полностью о современниках, а также тяжелая политическая обстановка дня принуждает меня сильно сократить последнюю главу дневника.

Какое широкое поле должно было бы быть отведено науке и технике. И какая огромная задача была бы построить армию на верном сочетании принципов дисциплины и самодеятельности, которая вложена в кровь народа, но которая забита невероятно тяжелыми условиями политического режима и почти совершенно задавлена. Но сейчас обо всем этом думать не приходится, сейчас работа в министерстве — это последняя ставка. Создание чего-нибудь теперь почти невозможно. Единственная задача, которую можно себе ставить,— это тормозить разрушение, чтобы дотянуть до мира и заключить его вместе с союзниками. В этом моя надежда на спасение страны от позора, еще невиданного в нашей истории.

Главная трудность положения заключается в том, что страна расколота программами, взглядами, мнениями на десятки частей, примирить которые невозможно. Единой национальной идеи нет, нет желания во имя гибнущей родины идти на соглашения. А раз этого нет в стране, то и в армии дисциплина расшатывается политическими распрями до последней степени, и восстановление ее встречает на пути то недоверие, чисто политическое, которое солдатская масса питает к офицерам. Смертная казнь, дисциплинарная власть и наказания, совершенно необходимые для поддержания порядка на поле сражения в полосе, где царит опасность смерти, в глазах солдатской массы становятся орудием в руках политических врагов, для порабощения пролетариата. Поэтому восстановить в армии дисциплину можно, только сломав это политическое недоверие, нелепо захватывающее наши темные массы. Над этим и придется работать, и снова, как и в Москве, стоит тяжелый вопрос, как быть. Как это ни странно, народ не верит даже людям, которые идут на смерть за Россию в бою. Поэтому для того, чтобы мои задачи поднятия дисциплины в армии, поднятия боеспособности были поняты массой и не встретили противодействия, они должны

массам говориться их представителями в советах на понятном им революционном языке.

Но для работы нужны точки опоры. Их трудно найти сейчас в общем развале нашей жизни; потом, в ходе работы, их можно будет создать, но для начала нужно выбирать из того, что есть. В армии действуют сейчас три главнейшие силы. Первая — командный состав. Он борется теперь из последних сил, чтобы сохранить остатки боеспособности армии. Командный состав потерял у масс последнюю каплю доверия после выступления Корнилова, к которому примкнул целый ряд старших офицеров. Нельзя закрывать глаза на это. Если после тарнопольского погрома армия и начала снова оздоровляться, восстановляться дисциплина и доверие к командному составу, то теперь это резко оборвалось и пропасть, разделяющая офицерство и массу, ширится с каждым днем. С другой стороны, и офицерство потеряло сердце. За все муки, лишения, раны, подвиги, за смерть наших товарищей мы получили оскорбления, самосуды и недоверие. Офицерство, вынесшее на своих плечах всю тяжесть войны, жизнью и кровью искупавшее все недочеты нашей вооруженной силы, сейчас принимает мученический венец. Все озлобление черни направляется теперь на офицеров, защищающих перед массой идею родины. Ряд старших начальников, имена которых мы связываем с успехами, одержанными на поле сражения, которые были надеждой нашей при возрождении армии, выброшены из армии и флота. Вот что собой представляет командный состав. Первое, что нужно, это так или иначе поднять авторитет командного состава, создать ему твердое положение.

Другая сила, действующая теперь в армии,— это войсковые комитеты, по большей части примыкающие к партийной группировке: социалистов-революционеров и социал-демократов — меньшевиков. Эти группы ярко революционные, в первые мартовские дни давшие тогда страшный толчок разрушению

армии, ответственные за судьбы России, постепенно стали на государственную точку зрения и ныне много работают для поднятия боеспособности войск. За 6-месячную деятельность они многому научились, многие свои ошибки учли. Но по мере того, как они становились на государственную точку зрения, они отрывались сами от масс, теряя свое влияние на них. Народ, истомленный войной, жаждет мира, но комитеты, стоя на государственной точке зрения, требуют от него все новых и новых усилий, не стесняясь для подавления анархии применять и вооруженную силу. Опираясь в данное время на комитеты, можно сделать очень много. Эти две группы имеют своей целью поддержание вооруженной силы армии и оборону Родины.

Третья сила — это большевики. Они идут с самыми простыми, ясными для масс лозунгами: «Мир, хлеб и земля».

Народ, истомленный войной, жадно тянется за обещанием мира, твердо веря обещаниям большевиков, что «братья-немцы» не поднимут на нас руку, раз мы больше не хотим воевать и подтверждаем это уничтожением своей собственной армии перед лицом врага. Народ в своей темноте думает, что раз мы несем на своем знамени девиз «мир всему миру», эту вековечную идею христианства, то тем самым мы обезоруживаем своих врагов, делаем их своими друзьями*.

В примитивной психологии толпы все просто и ясно. Все возможно, и вот масса тянется за этими новыми словами, обещающими ей все немедленно и без всяких усилий. Победа большевиков, как мне представляется, поведет к немедленному разрушению армии и сдаче на милость Германии.

Значит, ясно: для пользы армии нужно все силы употребить на сплочение двух первых вышеупомяну-

---

*Только наглядный урок Брестского мира и вторжение немцев к Ревелю, Пскову, Киеву и Одессе научит народные массы понимать Германию.

тых факторов, командного состава и войсковых организаций, в союзе этих сил поставивших себе целью поддержание армии и борьбу за спасение Родины.

Мне представляется, что перед нами сейчас три возможных варианта будущего. *Первый:* Если рядом решительных реформ настолько уменьшить тяготу от ведения войны народу так, чтобы он почувствовал явное облегчение, чтобы экономическая жизнь страны возобновилась, тогда крайнее течение — большевизм — не будет иметь почвы под ногами и сам собой потухнет. *Второй.* Если мы не можем этого сделать, или не можем сделать этого достаточно скоро — нужно найти ту или другую возможность договориться с большевиками, найти компромисс, взяв то из их идейной стороны, что практически осуществимо, с тем чтобы они прекратили свою работу по разрушению армии. Словом, добиться возможности жить вместе, так как за ними стоит определенная и большая сила, с которой нельзя не считаться, и, наконец, *третий.* Если ни то, ни другое сделано не будет — тогда власть неизбежно перейдет в руки большевиков и тех темных людей, которые тянутся за ними. Тогда над несчастной родиной нашей будет проделан такой опыт, который отдаст нас, без возможности сопротивления, в руки Германии. Вот какова обстановка.

Попробуем пойти по пути реформ, а потому меры будут:

1) Резкое сокращение численности армии и всех тягот, налагаемых войной на население.

2) Точное определение прав и обязанностей комитетов, дабы установить нормальные взаимоотношения их и командного состава. Сделать войсковые организации, опирающиеся на авторитет центральных социалистических организаций, проводником необходимости твердой дисциплины в солдатскую массу.

3) Замена всех лиц старшего командного состава, замешанных в движении Корнилова, другими, которые не возбуждали бы нарекания в контрреволюции.

Вернув таким образом командному составу доверие масс, вернуть ему и дисциплинарную власть, без которой начальник не может быть ответственен за несение службы.

Я не скрываю от себя, что все это было возможно, достижимо до выступления Корнилова, теперь же моя попытка почти безнадежна, и если бы не правило всегда бороться до конца, то и браться не стоило бы. Но мы воюем с Германией, а потому колебаний нет, будем делать все, что можем.

Чем труднее обстановка, тем определеннее должна быть линия нашего поведения. В деле строения армии нужна реальная сила. Сила только в руках демократии и ее организации. Она охотно предоставляет эту силу. Демократия хочет взамен одного: уверенности, что ее силы не будут использованы ей же во вред, для восстановления старого рабства. Но об этом не может думать ни один человек, действительно любящий Россию и русский народ. Благо народа в его целом — ведь и есть наша главная цель, за которую мы три года шли на все лишения и смерть*.

---

* Выдержка из речи в Центральном исполнительном комитете. 8 сентября. Своей главной задачей я считаю превращение расшатанной всем происшедшим армии в серьезную боевую силу, способную защитить страну... Эта задача может быть выполнена либо... пулеметами и плетьми. Такой путь мне представляется ложным. Армия теперь — это вооруженный народ, и нет в стране силы, которая пошла бы на себя же. Я избрал путь проведения в сознание масс здоровых идей через посредство командного состава и войсковых организаций, поддерживая везде, где нужно, слово силой оружия, как это было сделано в Нижнем, Липецке и др. В этой работе я не сталкивался даже с большевиками, которые оказывали мне в Москве всю нужную поддержку при подавлении восстаний... Если бы не попытка Корнилова, эта работа продолжалась бы в тылу и на фронте. Армия была бы восстановлена. Но теперь доверие в массах подорвано, а без доверия нет армии. Перед нами тяжелая задача, созданная Корниловским мятежом... командный состав, не оправдавший доверия в дни мятежа, будет заменен людьми, заслуживающими доверия, независимо от чина... Второй неотложной задачей является сокращение численности армии, армия не соответствует экономическим силам страны... Распределение людей в ней неправильно, тылы перегружены людьми, в то время как на фронте бойцов не хватает. Армию в первую голову решено сократить на одну треть... В старой армии не было места самодеятельности. Сверху только командовали, снизу только подчинялись... Нужно широкое

Мысли мои не встретили полного одобрения в среде Временного правительства. Керенский[139] считает, что цели мои верны, но опираться нужно на авторитет Временного правительства, а не на демократические организации. Я ничего не имел бы против, но дело в том, что теперь, в сентябре месяце, влияние Временного правительства, особенно в солдатских массах, ничтожно, и, опираясь на него, ничего сделать нельзя. На этом примере еще раз я почувствовал, как трудно работать сейчас. Мы должны добиться сохранения армии во что бы то ни стало. Задача спасения Родины повелительно требует этого. Всех, кто хочет нам помочь в этом, мы должны к себе привлечь. Но вот ненужные предубеждения препятствуют сноситься с Советами. Как это неверно. Тем более что одно правительство ничего сделать не может.

В Москве, как командующий войсками, я имел гораздо большую власть, чем здесь как военный министр. Да разве можно было допустить, чтобы где-нибудь под Москвой, как здесь в Выборге, убили несколько десятков офицеров[140], ни в чем не повинных. Ведь когда в Коломне вечером был арестован командир полка, так утром, на следующий день, посланная мной вооруженная сила освободила его и арестовала виновных.

Здесь же нет возможности что-либо сделать с выборгскими убийцами. Нет ни одной части, которую можно было бы послать, без уверенности, что она не перейдет на сторону убийц. Надо сознаться, что в Петрограде только Зимний дворец, в котором мы заседаем, находится в нашей власти, и то...

Значит, первая наша задача — это создать вооруженную силу, которая стала бы поддерживать порядок в стране. Для достижения этой задачи мною приняты следующие меры.

развитие самодеятельности... Для меня совершенно очевидно, что работа по воссозданию армии может идти успешно, если она будет поддерживаться широкими слоями демократии и ее органами. *А. В.*

На формирование милиции в городах мною направлены лучшие люди из числа раненых и георгиевских кавалеров, уволенных с фронта*.

Следующую меру — широкое развитие добровольческой армии — берет на себя Ставка, и Военное министерство от этого дела как бы отстранено.

Наконец, третья мера — это подчинение тыловых гарнизонов фронту, чтобы фронт, давно недовольный бездельем и беспорядком тыла, привел его к пониманию своих обязанностей**.

5 сентября. Петроград

Керенский и группа людей около него не отвечают сейчас требованию обстановки[141]. В то время как массы уходят влево, под влиянием разрастающейся разрухи и анархии, интеллигенция и имущие классы резко уходят вправо, теряя веру в народ. Мысль о железной власти все чаще слышится; здесь не указывается только, как ее сделать при теперешнем раздроблении России на партии и классы. Керенский же остается на месте, и под ним образуется пустота. С другой стороны, он не владеет техникой управления массами, у него нет смелости на большие решения. В Керенском, несомненно, большое желание сделать все, что он может, для спасения страны. Я чувствую в нем большую, глубокую любовь к родной земле, любовь к людям, которых он так бы хотел видеть хорошими и счастливыми. Но у него нет ни опыта, ни умения управлять людьми. Ведь нужно уметь дать директиву, проверить, как она исполняется, посмотреть, как идет работа, подобрать людей, проверить их способности и дать каждому нужную меру самодеятельности, не перегружая себя и других работой.

* Эта работа начата приказом по военному ведомству, от 11 октября за № 51.

** Выполнение этой мысли, после соответствующей подготовки, начато приказом по военному ведомству от 17 октября № 57.

Керенскому говорили не раз, что он должен уйти, и он выслушивал это спокойно. «Я сам думаю об этом,— ответил он однажды,— я не знаю только, кому передать свою работу»; и в этом трагедия действительности. Заменить его некем...

Все это ясно учитывается в руководящих кругах демократии. Они ищут кого-нибудь, кем его заменить, но такого человека не находится, и в этом все дело. Таких людей можно было бы найти среди кадетской партии, богатой культурными силами, но массы им не верят, а среди демократических групп нет людей, достаточно знакомых со всею техникой государственного механизма. В особенности у демократии нет такого человека, который мог бы привлечь к общей работе широкие круги интеллигенции, а также торгово-промышленные круги. Необходимость коалиции с ними справедливо представляется руководителям демократии настоятельно нужной всегда, а особенно теперь, при нарастающей разрухе. Союз труда и капитала, ума интеллигенции и силы масс — это то, чего нам необходимо достичь теперь.

15 сентября. 4 часа ночи. Петроград

Только что вернулся с заседания Временного правительства. Кажется, сил человеческих не хватит справиться с разрушением и анархией, которые теперь неудержимо захватывают страну. В Туркестане и на Кавказе готовятся восстания. Казаки недовольны Временным правительством и не исполняют наших распоряжений. Омский военный округ арестовал своего командующего войсками и выслал его.

Финляндия откладывается от России, в тот момент, когда Германия подготовляет десант на наше побережье, а наше русское войско в Финляндии поддерживает финнов против Временного правительства России. В Донецком каменноугольном районе, вследствие разрастающейся анархии, добыча угля падает

день ото дня, а на этом угле держатся 75% наших железных дорог и промышленности. Внутри России новая волна пьяных грабежей и нет силы, нет армии, которую можно было бы двинуть, чтобы остановить это безумие, так как наши тыловые гарнизоны сами являются главным рассадником анархии.

16 сентября. Петроград

Совещание собранных со всей России представителей демократии, в том числе и войсковых организаций, определенно заявило в речах целого ряда ораторов о полной поддержке работы по поднятию боеспособности армии*. Эта поддержка есть исходная данная, без которой невозможно теперь начинать какую-ни-

* Выдержка из речи на демократическом съезде. Мне приходится принять Военное министерство в необычно трудное время. Армия в весьма плохом положении. Германия делает попытки заключить с нашими союзниками сепаратный мир за счет России, но союзники верят, как верит и каждый русский офицер, что наша армия выполнит свою задачу. Нам говорят, что в 12-й армии и на Балтийском флоте были случаи, когда части и корабли гибли, выполняя свои задачи. Но нам нужна не гибель, а победа. Войска и флот убивают своих офицеров и тем самым разрушают основу своей силы. У нас два миллиона дезертиров. У нас был Калущ. Но... положение не безнадежно. Армия наша темная, но в армии есть сознательные люди. К ним-то и обращаемся, чтобы общей работой вытянуть армию из той трясины, в которую нас втянула темнота. Но не вся армия состоит из сознательных людей, и к остальным нужно применить те же методы воспитания, которые едины во всех армиях со времен Александра Македонского... Уменьшается количество тылов, запасных полков, ополчения... Главный вопрос — это отношение командного состава к солдатам. Корпус офицеров в огромной своей массе не имеет личных интересов, связанных со старым режимом. Единственное побуждение офицерства — это любовь к родине. И вот если такая группа людей, не заинтересованная лично в той борьбе, которая ныне происходит в стране за распределение экономических благ, чувствует себя неудовлетворенной, мы обязаны отнестись к этому с величайшим вниманием, потому что это великая идея, это говорят люди, идущие на смерть в первую голову... Люди, причастные к мятежу Корнилова, должны быть и будут устранены, но дисциплинарная власть должна и будет восстановлена. При дисциплинарной власти смертная казнь станет исключением... Поставьте офицера в правильное положение командования, и вы не услышите жалоб... Совместная работа в том же направлении войсковых организаций необходима... Нельзя останавливаться перед применением оружия против бунтов во имя спасения страны и идеалов революции.

будь созидательную работу по устройству войска. Без этой поддержки вся работа неизбежно осуждена на неудачу. Но беда в том, что сейчас умеренные группы демократии сами теряют влияние, постепенно отдавая его большевикам с их политическими утопиями, неизбежно ведущими страну к капитуляции перед Германией.

21 сентября

Чем дальше, тем труднее работать в обстановке резких противоречий между отдельными группами и отсутствия объединяющей национальной идеи в массах. Омский, Казанский, Туркестанский военные округа «самоопределяются», выбирают себе командующих сами и не принимают тех, которых назначает Временное правительство. Анархическая вспышка сразу в трех местах Московского округа подавлена силой оружия сегодня, но командующий войсками доносит, что если такая вспышка повторится, то ему едва ли удастся добиться тех же результатов.

25 сентября. Петроград

После долгих переговоров составилось опять новое Временное правительство[142]. Которое оно по счету за эти семь месяцев! Трудно, очень трудно работать. Демократия в лице демократического совещания и буржуазия, к которой примыкают обширные группы интеллигентного труда, не могли долго сговориться. Не в том беда, что будто бы буржуазия не хочет поступиться своими преимуществами, наоборот, во имя защиты родины и установления в стране правопорядка она готова на очень тяжелые жертвы; беда заключается в том, что народ-ребенок, впервые вышедший к самостоятельному управлению страной, ничему не верит на слово, ни на какие самоограничения не идет и организацию твердой власти, опирающуюся на силу, рассматривает как попытку контрреволюции.

Один из членов Временного правительства, из числа представителей крупной промышленности[143], приходит в совершенное отчаяние; он высказывает мысль, что нужно прекратить ту борьбу, которую мы ведем, и предоставить анархии восторжествовать. Тогда народ увидит, что из этого выйдет, и сам образумится. Такой способ был бы правилен, но лишь при одном условии: если бы не было войны с Германией; ну, а при наличии этого условия во что оно может нам обойтись...

Говоря с представителями демократических групп, я вижу глубокую драму, которую они тоже переживают. Они-то уже ясно видят, что для страны добро и что зло, что мечта и что горькая действительность. Но масса, за ними стоящая, не вышла из состояния детства. Перед вождями демократии выбор — либо идти на уступки в своих мнениях, чтобы не потерять совершенно руководство массой, либо ясно указать границу возможного, разорвать связь с ней и тем бросить народ на опыты крайнего социализма, на крушение всех чаяний демократии.

27 сентября. Ставка

На 10 ноября в Париже созывается конференция союзников[144], с целью разработки способов дальнейшего ведения войны. Сейчас в Ставке мы собрались на свое частное совещание для окончательных выводов, с чем ехать в Париж, и для установления соответственно этому общего плана работы Ставки и Военного министерства. На совещании присутствуют министр иностранных дел, Маклаков[145], уезжающий послом во Францию, и генерал Алексеев, который по предположению должен быть нашим военным представителем на Парижской конференции.

Генерал Духонин[146] делал доклад о положении армии. Положение очень тяжелое. Все, что восстанавливалось при разумной, постепенно вводимой строгости Корнилова, все сорвалось при его выступлении.

Дисциплина сразу пала, снова началось братание, и главное: требования мира растут. Чтобы показать, насколько расстроился аппарат управления за время революции, записываю любопытный факт. Только ко времени совещания в Ставке мне впервые удалось добиться точных цифр о составе армии. В разное время цифры, которые мне давали, колебались от 7 до 12 млн. Теперь, наконец, цифры более или менее точны. Численность штыков во всей армии, при ее фронте в 1800 верст — 1 млн 500 тыс. пехоты и 500 тыс. бойцов в артиллерии и других специальных частях боевого назначения, как то: в инженерных, авиационных и проч.; 3 млн 500 тыс. считается в тыловых учреждениях армий: парки, обозы, хлебопекарни и т.п. Во всевозможных организациях, как то: Красный Крест, Земгор, Земсоюз, на постройке дорог, позиций и проч. 2 млн 900 тыс. человек и в тыловых округах 1 млн 500 тыс. человек, из которых только 400 тыс. человек, зачисленных в маршевых ротах, т. е. годных к отправке на фронт. Итого под ружьем почти 10 млн человек, из которых только 2 млн несут службу на фронте, а все остальное так или иначе обслуживает их. Словом, на каждого бойца приходится почти 4 человека в тылу, обслуживающих его. Во французской армии эта цифра вдвое меньше. Вот где находятся люди, которых с таким трудом оторвала от продуктивного труда страна. По крайней мере, 4 млн людей должны бы быть выпущены из армии на родину. В стране сразу увеличится число рабочих рук, уменьшится число едоков в армии, а значит, и всего, что их обслуживает, лошадей, повозок, подвижного состава на железной дороге и проч. Ведь на 4 млн людей одного хлеба надо в день подвозить 250 тыс. пудов.

Мысли мои по всем важнейшим вопросам приняты, но масштаб дан совершенно иной. Вместо решительного сокращения армии решено отпустить домой пять сроков службы от 95 до 98 годов, что составит на всю армию всего что-то около 600 тыс. человек. Я

вижу, что сейчас большего достигнуть нельзя. Руководители Ставки не имеют в руках всех нужных данных и обещают провести демобилизацию шире в будущем. Пока приходится ограничиться этим. После внимательного обсуждения выводы совещания были таковы: мы можем ныне ставить себе целью активной обороной на своем фронте удержать перед нами те 130 дивизий противника, которые и сейчас стоят перед нами. Большие же наступательные действия нам будут не по силам. Но когда был поставлен вопрос: можем ли мы продолжать войну или должны сдаваться на милость Германии, то ответ был единодушный. Мы должны сделать все, но не сдаваться. За нами огромные пространства. Мы можем отходить в случае натиска хоть на Волгу, но не выходить из войны и не принимать сепаратный мир, который означает для нас — расчленение России и экономическую кабалу.

План работы по восстановлению боеспособности армии принят, и с внешней стороны он не оставляет желать лучшего. Он приемлем с военной точки зрения, так как ставит совершенно правильные, с теоретической точки зрения, цели; он учитывает политические течения, врывающиеся в нашу жизнь, и стремится их умерить; он учитывает экономические силы страны или, вернее, становится на путь соразмерности этих сил и военных требований, но в нем есть один недостаток. Для того, чтобы его осуществить, нужно 6 месяцев работы. Между тем настроение в армии таково, что нужно предпринять что-либо в ближайшем будущем, иначе гибель армии неминуема.

28 сентября. Ставка

Алексеев отказался ехать представителем России на Парижскую конференцию. Он считает, что дело безнадежно и бесповоротно проиграно и что нельзя союзников вводить в заблуждение.

30 сентября. По дороге из Ставки

Все сведения, сосредоточенные в Ставке, рисуют очень тяжелую картину. Если можно, надо срочно заключать мир. Благодаря непрекращающейся агитации большевиков разрушение прогрессирует и дальше будет еще много хуже. Но общемировая обстановка сделать этого не позволяет. Следовательно, нужно придумать, как продолжать войну, при условии, что армия воевать не хочет и слышатся даже требования заключить мир во что бы то ни стало. Культурная Россия понимает, какие страшные последствия это за собой повлечет для всего народа, но широкие массы на фронте и в тылу совершенно отказываются слушать какие бы то ни было доводы. Им нужны факты, действия, выводы из которых они хотят делать сами. Я считаю, что единственным доводом, который убедил бы наши массы не мешать работам по организации обороны, был бы *отказ Германии от предложенного ей нами и союзниками нашими справедливого, демократического мира*. Только тогда народ поверит в необходимость продолжать войну, в невозможность заключить мир. Тогда только мы сможем создать добровольческую армию, которая выполнит свою задачу, ибо теперь даже такая, чисто военная работа встречает сопротивление как контрреволюционная. Одновременно надо распустить худшие, наиболее усталые элементы, так как большая часть армии воевать не будет, чем бы это ни грозило народу.

Но странно, каждый раз, как я поднимаю этот разговор, я встречаю глухое сопротивление со всех сторон. У меня впечатление, что все, зная объективную невозможность кончить войну, не хотят уделить достаточно внимания тому, что темная масса народная этого не знает и понять не может и сделает из этого практические выводы, от которых все государство может погибнуть.

6 октября. Псков

Немцы высаживаются на Монзунде[147]. Наше войско в лучшем случае отступает, а нет — так просто сдается в плен. Полк, высланный на поддержку с материка на Эзель, «митинговал», когда его подняли с квартир и грузили на железную дорогу. Стоял вопрос, ехать или не ехать? Уговорили. Второй раз тот же вопрос решался на берегу, при посадке на транспорты. Снова уговорили. Третий раз на пароходах — сходить ли на берег, и, наконец, окончательный митинг на берегу, постановивший: ни в какие боевые столкновения не вступать, и полк целиком сдался немцам. Вот настроение армии на Северном фронте, где сильнее всего шла пропаганда большевиков. К счастью, это картина не всеобщая. Чем дальше на юг, тем армии лучше, и есть много частей, вполне сохранивших боеспособность. Все данные, которые мы имеем о Германии и ее союзниках, характеризуют тоже очень тяжелое положение дел; и у них тот факт, что они за последние два месяца сделали предложения сепаратного мира Франции, а потом Англии, ясно свидетельствует о действительном состоянии страны. Бунт на флоте, на трех лучших линейных кораблях, тоже говорит многое. Но драться они могут, и на нашем фронте они хозяева положения.

Особенно тяжело положение у союзников Германии. По-видимому, они сохраняют боеспособность лишь благодаря сильнейшей германской организации. Мы получили, например, сведения, что германцы перевели целый ряд своих запасных полков в Венгрию, чтобы их лучше довольствовать,— так сказано официально, а на самом деле для того, чтобы поддержать воинственное настроение в Австро-Венгрии. Турция и Болгария при последнем издыхании. Вот те сведения, которыми мы располагаем.

7 октября. Петроград

Прошел месяц моей работы в Военном министерстве. Как трудно сделать что-нибудь, несмотря на страшное напряжение работы. Вместо того, чтобы несколькими приказами направить работу в нужном направлении для поднятия дисциплины, я должен был вступить в борьбу с теми новыми разлагающими течениями, которые грозно поднимаются в армии. Поддержка приказов о поднятии дисциплины и о дисциплинарной власти начальников будет дана лишь в том случае, если в армии будет введено: 1) право аттестации начальников всех степеней своими солдатами; 2) право отвода тех начальников, которые не удовлетворяют солдат, и 3) право участия в руководстве боевыми операциями выборных от солдат. И это еще минимум выдвигаемых требований. Максимум, требуемый большевиками,— это просто выборное начало при назначениях на командные должности. Эти меры поведут за собой совершенную гибель командного состава, а затем и армии. И вот вместо того, чтобы работать над улучшением армии, приходится выдерживать страшную борьбу, чтобы не допустить дальнейших разрушительных шагов.

Особенно трудно мое положение потому, что мои предшественники по министерству составили проект закона, где все эти пункты были разработаны с большой полнотой, предоставляя комитетам довольно широкие права в этой области, и оповестили армию об основных положениях этого закона, совершенно неприемлемого с военной точки зрения. Поэтому мне приходится бороться не только с мнением серой массы, а с законом, уже почти утвержденным.

Только поставив вопрос о моем уходе, мне удалось отстоять военную точку зрения.

Много труда пришлось положить на то, чтобы получать сведения с мест, а для этого нужно было тратить время на такую простую вещь, как восстановление механизма связи с армией и тыловыми округа-

ми. Приехав в Петроград, я долгое время не получал даже точных донесений о настроениях армий и тыла, о том, какое влияние имеет тот или другой политический факт на массы. И только наладив с великим трудом это дело и организовав правильную обработку поступающего материала, я получил правильное понимание обстановки. Когда я узнал ее во всех деталях, передо мной во весь рост стал вопрос о мире, в который упирается решительно все, которым сейчас начинается и кончается все. Здесь будет решительная битва за спасение страны, и если не удастся изменить психологии масс фронта и тыла в этом вопросе, ни о каком восстановлении дисциплины, ни о каком воссоздании армии не может быть и речи, и притом вопрос этот стал сразу в такой остроте, что нельзя больше тянуть. Здесь нужно что-нибудь решительное. Вот почему пришлось все внимание сосредоточить на этом вопросе, в котором раскол интеллигенции и народных масс обозначается резче, чем где бы то ни было. Между тем в реальной работе, в жизни все решительно упирается в вопрос о мире, и нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Вооруженной силе необходим командный состав, имеющий власть. Без этого нельзя и мечтать о чем-либо похожем на войско, способное защищать страну. Власть же подразумевает людей, которые подчиняются. А у нас в стране масса смотрит на своих офицеров, как каторжник на свою цепь. Масса, которую офицерство заставляет исполнять свои обязанности, нести лишения, идти на смерть, в темноте своей начинает думать, что офицерство — это именно и есть главная причина, почему не кончается война, и видит в них не людей, которым она охотно подчиняется, а насильников, без которых был бы давно заключен мир.

Наш темный, неграмотный народ, привыкший думать и обсуждать события, не выходящие за околицу его деревни, не может понять сложной мировой обстановки, обусловливающей продолжение войны. Что

какому-нибудь крестьянину с Волги или рабочему с Урала борьба германского империализма с великими демократическими идеями, выдвинутыми нами и Америкой?

Германия, которая сделала из войны выгодную торговую аферу, которая рядом удачных войн из ничтожной Пруссии обратилась в великую Германию. Ведь в Германии Мольтке[148] писал, что вечный мир — это мечта, и даже не прекрасная мечта. Ведь это в Германии высказана мысль, кажется, у Бернгарди[149] в его исследованиях о современной войне, что лучшее помещение народного капитала — в армии, ибо победоносная война не может сравниться ни с одним самым выгодным предприятием.

Так вот, не зная, что такое Германия, какой ужас ждет каждого человека, интеллигента, капиталиста, крестьянина и рабочего в случае поражения, наш народ не понимает, почему его заставляют еще воевать, и на власть, начиная со своего отделенного начальника и до Временного правительства, он смотрит как на насильников его воли: кончить войну и идти домой.

Развить, поднять его сознательность даже при бешеном темпе 8-месячной революции невозможно. Нужно наглядным способом доказать народу и способ один — отказ Германии заключить мир, предложенный нами.

Все существование наше сейчас в этом основном вопросе, в котором снова и снова мы сталкиваемся с проклятием нашим — темнотой нашего народа.

С другой стороны, тяжесть положения лежит еще и в том, что союзники не уясняют себе всей серьезности положения у нас. Им, видимо, не ясны основные причины нашей теперешней слабости — разрыва народа и интеллигенции. То, что понимают культурные части общества, то совершенно непонятно массам. И народ считает всякое насилие над его волей контрреволюцией. Воля же его — кончить войну. Что прои-

зойдет, если сделать по его воле с ним же, он в своей темноте не знает и знать не хочет.

Во всяком случае, либо мы убедим народ в необходимости вести войну — способ один — это начать мирные переговоры, либо армия просто разбежится с фронта. Несмотря на долгие мои беседы с военными представителями союзников, я не мог их в этом убедить. Каждый раз они уходят от меня, и у меня остается впечатление, что они ушли не убежденные. В связи с этим и правительства союзников говорят лишь о том, как продолжать войну, а не о том, как найти выход из создающегося положения. А положение грозит для них серьезными последствиями — невольным выходом России из борьбы.

Первое время мои попытки остановить внимание на этой теме просто оставлялись без внимания. У меня создалось впечатление, что к этому вопросу, как к давней боли, привыкли и, не видя возможности помочь беде, старались от нее оттолкнуться. Однако постепенно социалистическая группа министров стала меня поддерживать, и, наконец, Терещенко, как министр иностранных дел, посвятил вопросу о мире целое вечернее заседание. Он чрезвычайно ясно изложил мировую обстановку столкновения германизма, торжествующего до сих пор, и нашего союза. Цель союзников и наша — это уничтожение угрозы войны, грабежа и насилия, которую представляет Германия с ее господствующей кастой, обратившей весь народ в одну машину уничтожения. Цель эта далеко не достигнута, и выход России из войны означает лишь усиление тех идей в Германии, с которыми мы боремся. Наши союзники решили продолжать войну до тех пор, пока опасность милитаризма не будет уничтожена; к этому всецело присоединяется Америка. Мы же в этой борьбе ставим на карту свое существование. Все это страшно верно, страшно талантливо, но ведь рядовые в окопах, а о них-то я и хлопочу, они этой талантливой речи не услышат, а если бы и

услышали, то не поняли бы. Эти идеи для них непонятны совершенно. Много нужно пережить, подумать, перечувствовать, чтобы эти мысли стали понятны. В конце концов мы договорились. На Парижской конференции нашим союзникам будет изложена внутренняя наша обстановка, непонимание и нежелание масс продолжать войну. Будет указана опасность того, что если психология народа не изменится, то правительство обороны будет сброшено, большевики захватят власть, разрушат армию и заключат сепаратный мир с Германией. Принимая во внимание эту грозящую всем опасность, необходимо обсудить вопрос, что делать, и если все же продолжение борьбы будет решено, то сделать необходимость борьбы очевидной для наших масс; этого можно достичь, предложив от имени всех союзников Германии мир на демократической платформе. Германия либо примет мир, либо откажется. В обоих случаях весь народ будет видеть, что сделано все возможное, и отказ Германии заставит лучшую часть действовать соответственно, т. е. пойти со всей энергией и бороться за свою страну, так как от нее никакой пользы делу не будет. В противном случае массы у нас выйдут из повиновения, разобьют всю государственную организацию, Россия выйдет из войны совершенно и общесоюзническое дело пострадает, так как 130 дивизий германцев с нашего фронта перейдут на французский.

14 октября. Петроград

Я говорил сегодня с одним видным представителем партии народной свободы в правительстве. Положение страны невыносимо потому, что культурные, интеллигентные слои народа, офицерство в том числе, теряют последнюю каплю доверия масс и вместе с тем теряют возможность руководить жизнью страны. Тот, кто сейчас возьмет вопрос о приближении мира в свои руки, тот и получит власть. Так пусть же борьбу за мир и власть возьмет в руки культур-

ная часть страны, а не улица, которая теперь тянется к власти и погубит Россию. Ведь культурная Россия, действительно, сумеет осуществить чаяния и идеалы революции. Сумеет дать народу достаток, свободу и право. Сдать же теперь свои позиции — значит бросить Россию под ноги Германии, бросить ее на гибель и распад.

16 октября

Я какою-то физической болью чувствую безнадежную рознь, которая сейчас разрывает на части Россию. Нет настоящей любви к своей стране. Все почти говорят о родине, но каждый считает, что у него патент спасения. И поступиться чем-нибудь своим ради возможности общей работы, ради общих усилий к спасению страны не считается возможным. В каждом учебнике истории мы читаем про ту или другую страну, погибшую от междоусобных распрей. Теперь мы сознательно или бессознательно идем к этому. Это называется «классовой борьбой». В такой атмосфере армия жить не может. Армия может существовать лишь там, где есть *любовь к родине, единая национальная идея*, где перед словом «Родина в опасности» смолкают все личные, партийные счеты и распри. Армия может существовать лишь там, где каждому в ее рядах стоящему вся страна говорит: Иди! Ты делаешь великое дело, нужное Родине. «Выше сия любви никто же имать да кто душу свою положит за други своя»[150].

Наши дети не поймут, вероятно, какой борьбы, какого напряжения требует работа сейчас, чтобы какнибудь соединить усилия страны для дела обороны. Все тянет врозь, все идет со своими маленькими узкими требованиями.

17 октября

После невероятных трений удалось осуществить две меры, над проведением которых я бьюсь полтора месяца, со дня моего вступления в должность. Первые шаги по восстановлению дисциплинарной власти начальников и увеличение содержания командного состава.

Технический аппарат верховного управления страной настолько осложнился всюду проводимой идеей коллегиальности, что самая очевидная вещь, прежде чем быть осуществимой, задерживается в обсуждении на месяцы.

Основные идеи обоих законов теперь приняты, и через несколько дней они будут опубликованы. Новый закон дает право, во-первых, целую часть, совершившую проступок, подвергнуть лишению целого ряда прав, включая перевод ее на арестантский паек. Во-вторых, он дает право начальникам, в случае задержки действия дисциплинарного суда более 48 часов, накладывать взыскания самому. Этот первый шаг дает уже некоторые возможности офицерству бороться за восстановление порядка в войсках.

Но ясно вижу, что эти законы — это деталь. Сейчас нарастает такая опасность общей катастрофы, после которой все устои будут сорваны. Это мало кто видит, и на краю пропасти продолжается борьба партий и мнений, и даже отдельных людей между собой. Никто никому не верит. Все друг друга ненавидят. На эту свистопляску злобы смотрит с недоумением темная народная масса, которая так недавно еще (Севастополь) горячо отзывалась на призыв к спасению Родины и которая тяжкими лишениями, голодом и нищетой будет наказана за свою темноту.

18 октября

Кажется, мы подходим к концу. Терещенко в своей речи в предпарламенте[151] ничего не сказал о тех

шагах, которые будут предприняты им по вопросу о приближении мира. Все, значит, зря. Речь его на фронте и в широких народных массах тыла будет принята как вызов, как продолжение политики «войны до победного конца». Значит, нет надежды найти для Временного правительства какую бы то ни было точку опоры. Какое непонимание психологии народа! Какие несчастья нас ждут!

19 октября. Петроград

Мне кажется, что все мои старания провести сокращение армии — это толчение воды в ступе. Тут не умные разговоры нужны, а смелые решения. Меня же, благодаря наличию автономной ставки, совершенно отстранили от живой жизни и мою программу проводят чужими руками. Вместо решительного сокращения армии хотя бы на $^1/_3$ в первую голову, Ставка не считает возможным отпустить больше 600—700 тыс. человек. Это заявлено мне офицером Генерального штаба, специально командированным для этого из Ставки. И действительно, с военной точки зрения, дальнейшее сокращение армии, при фронте в 1800 верст, немыслимо. И так у нас в ротах по 60—100 человек вместо штатных 225. Поэтому Ставка, отражающая мнение широких слоев командного состава, по-своему права, но она не учитывает только одного, несмотря на многократные мои личные настояния, несмотря на письма, разосланные всем командующим, подтвержденные специальными офицерами, посланными на все фронты,— состояние страны таково, что такую армию она содержать не может и скорее сдастся на милость победителя, чем сможет выполнить требования Ставки.

Я же несу ответственность перед страной за все, ясно вижу, что это втягивает нас в пропасть, и ничего не могу сделать.

Страна гибнет от анархии, большевики, а с ними все темное, грязное, дурное, что тянется за ними,

идет просто и прямо к захвату власти, а мы вместо того, чтобы действительно бороться, «говорим» без конца. Положение становилось катастрофическим. Как последние меры к спасению мне представлялось: 1) предпринять всем ясные шаги к достижению демократического мира совместно с союзниками и тем либо достичь приемлемого для всего человечества конца войны, либо выявить, что виновником ее продолжения является Германия, которая хочет нас поработить. Такое решение создает ясность во внешней политике для нашего темного народа и выделит группы, опираясь на которые можно будет оборонять страну; 2) тогда, объединив всю военную власть фронта и тыла в одних руках, перейти к решительным мерам по организации обороны страны, сообразно сильно упавшим экономическим силам России резко сократить существующую армию, создать новую небольшую, но дисциплинированную армию на национально добровольческих началах. Эта армия стала бы основой нашей государственной обороны... и, наконец, 3) перейти к решительной борьбе с анархией в тылу. Раз вопрос о мире был бы решен в ту или другую сторону, все антинациональные течения в стране потеряли бы почву под ногами и меры по обороне страны не встретили бы сопротивления масс.

Вопрос о мире тогда все еще висел в воздухе, и на заседании 19 октября я сказал прямо и просто всему составу Временного правительства, что при данной постановке вопроса о мире катастрофа неминуема, так как нет никакой возможности создать устойчивую точку опоры для управления страной. Народ не понимает, за что он воюет, за что его заставляют нести голод, лишения, идти на смерть. В самом Петрограде ни одна рука не вступится на защиту Временного правительства, а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков. В таких условиях, когда я вижу, что действия правительства ведут к катастрофе, захвату власти людьми, которые разрушат

армию, поставят Россию беззащитной перед Германией, я обязан это сказать. Высказав все эти мысли Временному правительству, я заявил, что не могу нести ответственность за порученное мне дело и прошу сложить с меня полномочия. Со мной не согласны. Мои сотоварищи по кабинету считают, что я переоцениваю опасность, что с нарастающим движением можно будет справиться без тех героических мер, которые я предлагаю. Что же делать. Слишком часто мне приходилось на полях сражения давать оценку обстановки, оценку реального соотношения сил. Я знаю, что я не ошибаюсь, но в коллегии все решает большинство голосов, а оно против меня.

28 октября. Финляндия

Выйдя из состава Временного правительства, я уехал в Финляндию. Как здесь тихо, хорошо. Душа отдыхает. Далеко от мира с его суетой, даже газеты сюда не доходят, на этот далекий остров, печальный в пелене осеннего тумана остров. Кажется, что водоворот жизни, бешено крутясь, выбросил меня на берег, и странно в первую минуту вместо кипения и сумятицы кругом, вместо людей взволнованных, рвущихся, бьющихся в путах жизни, увидеть лишь тихий лес и молчаливое озеро. У меня такое же настроение было давно-давно, когда меня, раненного, привезли из Августовского леса в Лицейский лазарет. То же чувство исполненного до конца долга и так же болит рана, правда, теперь рана в душе, мука сознания неизбежности катастрофы, с которой люди не только не хотели бороться, но даже не хотели видеть ее. Опять воспоминания только что пережитого волнуют и мучают. 19-го я заявил об отставке Временному правительству, 20-го я объехал все руководящие политические центры Петрограда, а вечером делал доклад в соединенной комиссии по обороне и по иностранным делам предпарламента. На открытой трибуне я не мог говорить всего, но в этот вечер в закрытом заседании

я договорил всю правду, как она раскрылась передо мной, сейчас, после $1^1/_2$ месяцев работы в министерстве, ничего не скрывая. Я шел на все последствия и толкования моего поступка, так как в минуту, когда все готово рухнуть, не место дипломатии. Полное знакомство с обстановкой в армии и в стране привело меня к сознанию бессилия что-либо сделать при том объеме прав, которые мне предоставлены, а потому нужно или это положение изменить, чтобы возможно было перейти к решительной борьбе, или уйти, подчеркнув тем еще раз всю серьезность положения страны.

Тезисы моего доклада в закрытом заседании комиссии предпарламента были следующие:

1) Армия в 9,5 млн человек стране не по средствам. Прежде всего мы ее не можем прокормить. По данным министра продовольствия, только что лично побывавшего на юге, максимум, что мы можем содержать, это 7 млн человек. Цифры эти несомненны, так как на Северном фронте голод уже начинается и дача солдатам сбавлена до $1^1/_2$ фунта. Дальше. Мы не можем эту армию ни одеть, ни обуть. Вследствие падения производительности труда после революции и недостатка сырья, количество изготовляемой обуви упало вдвое против 1916 г., теплого платья к октябрю месяцу едва хватит для удовлетворения потребности наполовину. Только к январю месяцу мы сможем дать на весь фронт нужное количество одежды. Между тем, отпустив 600—700 тыс. человек, Ставка категорически заявила, что дальше ни один солдат отпущен быть не может. Ставка, стоящая во главе этого дела, после всех расчетов и зная обстановку внутри страны, считает дальнейшее сокращение армии опасным с точки зрения обороны страны. Не будучи хозяином этого дела, я не могу изменить решения Ставки; здесь, значит, непримиримый тупик, если люди, руководящие обороной страны, не будут заменены другими, способными найти выход из создавшегося противоре-

чия. Если же оставить все это в его теперешнем положении—то иного выхода, как заключение мира, нет.

2) Наши расходы достигли в день 65 млн руб., из которых только 8 идет на общегосударственные нужды, все остальное на войну, считая довольствие, обмундирование, снаряды, оружие, постройки, пайки семьям, примерно по 6 руб. в среднем на каждого призванного. Между тем, по сообщению министра финансов, мы живем без доходов, единственно на печатном станке, так как налоги перестали поступать. Станок же дает 30 млн бумажек в день. Таким образом, 1 января 1918 г. образуется дефицит в 8 млрд руб. Изменить это положение можно только решительным сокращением расходов на войну, но так как Ставка не считает возможным уменьшить армию, то и здесь тупик.

3) Армию разрушает агитация большевиков, внося разложение в самые основы организации, в отношения к командному составу. Но средств борьбы с большевизмом нет, так как он обещает мир и масса на их стороне, поэтому разрушение армии прогрессирует и его остановить нечем. Мы же со своей стороны никаких реальных шагов для приближения мира, единственного, что может изменить психологию масс и тем дать нам опору в силе оружия, не предпринимаем, считая, что мы управимся с движением иначе. Так как все это совершенно неверно, так как, ссылаясь на нашу неспособность, нас выбросят вон, и те, кто нас заместят, не постесняются заключить какой угодно мир,— это снова тупик, ужасный, с одним только выходом: вынудить союзников согласиться на переговоры о мире, иначе это им же принесет неисчислимый вред.

4) Армию можно строить, лишь опираясь на командный состав. В теперешних условиях это невозможно. Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной — идти на смерть, видя в этом спасение страны, а солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать. На этом

создается разрыв между офицером и солдатом, делающий командование армией невозможным. Мер к разъяснению этого народу мы не принимаем. Поэтому взгляд солдата на офицера как на своего врага, заставлявшего его «бессмысленно» умирать, не меняется, и исправить дела нельзя, если не пойти на крупные решения, на которых я настаивал.

Члены предпарламента меня спросили: что же делать? Я изложил свою программу, не скрыв, что я подал в отставку, так как не вижу возможности, в моем положении полной связанности по рукам и ногам, ее осуществить. Я чувствовал, что мог бы сделать многое, но для этого нужно иметь специальные полномочия, специальные права. Впечатление на собрание было произведено потрясающее, но я видел ясно, что это впечатление враждебно сказанному мной. Люди не верят той правде, которая развернута перед ними во всей своей неприглядности. Действительно, жутко делается, сердце сжимается мукой от всего, что приходится переживать. Все люди политики убеждены, пережив уже не один кризис власти, что положение не так уж плохо и можно будет как-нибудь обойтись и без крупных решений. Молчать в такую минуту преступно. Видя по отношению Временного правительства к вопросу о мире и к некоторым другим вопросам, мной поднятым, что я не получу там поддержки, я считал, что такой доклад в предпарламенте был необходим как апелляция к обществу, ко всем людям, которые думают в минуту, когда еще не поздно, что-то сделать. Сейчас ведь от руководящих политических кругов требуется одно — санкция и поддержка предложенного им решения в области международной политики. Решение трудное, так как союзники сразу не согласятся на те шаги, на которых я настаиваю. Увы! Они еще меньше понимали обстановку в стране, чем мы, и не учитывали, что путь, который я указывал, один только может сохранить Россию как военную силу. Иначе разрушение армии и выход России

из коалиции неминуем. Другое большое решение — сокращение армии дальше нормы, указанной Ставкой, и борьба с анархией силой оружия. Надо рискнуть уменьшить армию и во имя общих интересов страны пренебречь численностью армии — одним из элементов ее силы. При этом мы должны быть готовы к тому, что противник будет в состоянии оттиснуть нас на восток, занять многие важные центры. Но эта опасность, конечно, гораздо менее страшна, чем выход из коалиции и сепаратный мир. Что же касается борьбы с анархией силой оружия, то я представляю себе вой негодования черни и крики «контрреволюция», если эта мысль будет осуществлена. Тем не менее я глубоко верил в успех этой борьбы. Вот доводы, с которыми я выступил в предпарламенте, не надеясь на то, что мои предложения будут приняты. Мало кто знал действительное положение армии и чувствовал пропасть, которая открыта перед нами. А, не понимая величины опасности, наши руководящие центры не могли взять на себя ответственности больших решений. Жизнь покажет правоту, да кому от того будет польза, раз катастрофа уже совершится.

Я хотел уйти так, чтобы это не произвело вредного впечатления на армию. Военный министр уходит в отставку вследствие несогласия Временного правительства идти на мир с Германией, а я боялся, что именно так,— в упрощенной психологии толпы будет истолкован мой уход. Вопрос о мире в армии стал настолько больным, что мои товарищи по кабинету нашли невозможным громко сказать причины моего ухода. Я подал в отставку 19 октября, а они 22-го поместили приказ, что я увольняюсь в отпуск на 2 недели без прошения. Поэтому мне пришлось молчать и слушать весь вздор, все гадкие сплетни, всю грязь, которую тогда обо мне говорили. В эти тяжелые дни пришлось пожать плоды того непонимания, которое было в русском обществе к моей работе. Люди видели «революционную фразу», «революционный жест»

и не видели сути и целей. Единой цели, ради которой все делалось. Нужно было сделать так, чтобы массы поверили искреннему желанию работать над спасением страны и отвести Россию от пропасти, в которую ее тянет Германия. Эта часть задачи мной осуществлена. Доверие есть. Я знаю сейчас определенно, что в любую минуту могу даже вывести массы на улицу. Но для русского общества я новый человек и не могу убедить в необходимости тех резких шагов, на которых я настаиваю и без которых катастрофа кажется мне неизбежной. В то же время раз нет сотрудничества всей интеллигенции и всего народа в такую страшную минуту, как сегодня, то ничего для спасения страны сделать нельзя. И вот... скопленный капитал доверия масс погибает без пользы.

Непонимание моей работы доходит до того, что многие боятся, не захочу ли я использовать создавшееся положение для авантюры. Керенский взял даже с меня слово, что я срочно уеду из Петрограда. Как все это бесконечно больно, как бесконечно тяжело. Судьба народа слагается из тысячи причин, и, видно, пока не создастся единого языка для интеллигенции и народа, до тех пор мучения России не кончатся и пойдут своим естественным ходом. Лишь зажегшаяся под влиянием горьких несчастий *национальная идея даст этот общий язык,* и счастливы будут люди, которым придется работать тогда, объединяя все усилия всего народа к одной общей всем цели.

29 октября. Сердоболь, на пути в Петроград

Приехав на пароходе с Валаама[152] в Сердоболь[153], я из газет и рассказов финнов узнал все, что произошло в Петрограде за 9 дней. Временное правительство арестовано. Большевики захватили власть; никто, кроме юнкеров и женщин-ударниц, не заступился за него, а эшелоны, даже казачьи, переходят один за другим на сторону большевиков. Керенский на последнем заседании в предпарламенте заявил, что на Париж-

ской конференции будет рассмотрен вопрос об общем мире, выработаны общие условия его и предложены Германии. Почему же они теперь пошли на то, на что не соглашались раньше, когда обстановка была в наших руках. Но теперь уже поздно. Временное правительство пало. Большевики заняли их место. Объявили Декрет о мире и земле, два вопроса, наиболее волнующие массы, разрешив их в многообещающем для народа смысле. Появилась как бы действительно «народная власть», обещающая срочно решить все мечты и чаяния народа. Вопрос о мире, как лампочка Аладдина: кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки. Теперь мы, русские, должны будем испить горькую чашу унижения и позора, кару, заслуженную нами, а Россия заплатит всю страшную цену за свою темноту, за поддержку, оказанную тем, кто поведет ее к позорному миру. Выйдя впервые к большой государственной работе, русское общество, сменившее царское правительство, оказалось неподготовленным к принятию власти, к большим решениям. За все время революции мне пришлось убедиться в этом. Мы не умели брать вопрос в его целом и решать, охотнее соглашались на «авось», и всегда за это судьба жестоко карала.

Теперь пришли другие люди, которые не будут разговаривать. Они будут действовать и проделают для темного народа «наглядный» опыт обучения, и лишь пройдя через горькое падение, просветленный народ найдет свою правду. Что же, да будет воля Божия.

3 ноября. Петроград

Сегодня я говорил случайно с несколькими делегатами, прибывшими только что из перевыбранного армейского комитета. Все большевики. Говоря о происшедшем, я указал им на главную опасность, по моему мнению, от захвата власти большевиками — это переход управления в руки людей, совершенно не-

знакомых с делом. От незнания могут быть сделаны ошибки непоправимые. Не зная меня, не зная, с кем они говорят, они ответили фразой, отражающей, как мне кажется, настроение широких масс: «Довольно нас водили знающие за нос восемь месяцев, да ничего не сделали. Теперь попробуем сами своими рабочими руками свое дело сделать, плохо ли, хорошо, а как-нибудь выйдет».

В этом сказалась вся темнота народная, все неумение их понять происшедшее, всю объективную невозможность что-либо сделать в разрухе, оставленной нам в наследство, и, с другой стороны, весь ужас *потери веры* народом в кого бы то ни было, если люди решаются взяться за дело, в котором, они сами чувствуют, ничего не понимают.

ГЛАВА VII

Заключение

1918 год

22 марта. Петроград

Великая скорбь посетила родную землю. Обессиленная, лежит Россия перед наглым, торжествующим врагом, и все равно, интеллигенция и рабочие, буржуазия и крестьянство, все классы, все партии России несут муку и позор поражения. Все лозунги провозглашены, все программы перепробованы, все партии были у власти, а страна все-таки разбита, унижена безмерно, отрезана от моря, поделена на части, и каждый, в ком бьется русское сердце, страдает без меры.

Многие, многие потеряли веру в свой родной край, в силы земли наших предков. Что же!

Пусть малодушные плачут, пусть теряют веру в свой народ. Но сильные верят и будут бороться за возрождение России. Тем, кто не бросил свой народ в тяжелую минуту испытания, кто не потерял веру в него, когда ему *действительно* было трудно, тем судьба бережет и радость увидеть оправдание своих надежд.

Определить и доказать причины нашей неудачи должны будут многотомные исследования, написанные в тиши библиотек и архивов, когда смолкнет ревущая стихия народной смуты. Нам же ясно, до очевидности, до боли в глазах, от яркого света этой

правды, мы разбиты потому, что мало любили свою родину, единую для всех! Не социалистическую, не буржуазную, а просто родину, где мы впервые увидели свет, поля и леса которой мы любим, потому что они наши родные, народ которой, какой бы он ни был, наш родной народ и который мы любим и будем любить, и будем верить в него и его возрождение к новой, лучшей, светлой жизни красоты и счастья.

Мы все виноваты. Мы разбиты потому, что перед лицом злобного врага мы занялись внутренними счетами и вместо общих усилий для обороны страны, в междоусобной злобе, надорвали свои последние силы.

Довольно же злобы, довольно ненависти, довольно политических мечтаний.

У нас есть родина, измученная, истерзанная, брошенная под ноги торжествующего победителя! Будем же бороться во имя *родной земли, во имя родного народа!* Только общими усилиями мы спасем его.

Пусть лозунгами нашими будет *родина, единение и правда,* лозунгами новой общей работы во имя возрождения — *Великой России!*

Смертной мукой, невыносимым страданием были для всех, кто любит свою родную землю, эти страшные годы войны и месяцы революции. Голгофа русской армии, Голгофа Русской земли. Великим мучением очищается душа народная от старых грехов, обновляется, ищет правды. С Голгофы же страдания засияет и новый свет, начнет строиться новая Русская земля, где все будут иметь равное право на место под солнцем, где все классы общества будут братьями, одинаково любимыми общей матерью-Родиной, где закон и меч защитят каждого человека от всяких попыток насилия. Вспомнит тогда Россия и тех своих сыновей, кто любили ее больше жизни, кто безропотно, не спрашивая зачем, отдавали за нее свою жизнь на полях сражений, кто замучен был за нее темными, забывшими Бога, людьми в Гельсингфорсе, Выборге,

Севастополе, Киеве, в окопах на фронте, и те, кто теперь, израненные и искалеченные в боях, выброшены на улицу искать заработка. Вспомнит Россия своего офицера, который в родине своей любит мечту, любит ее в ее целом без классов и партий, любит ее за то, что это его родная земля.

Велики переживаемые нами испытания, но в горе нашем найдем в себе силы прощения. И тогда весь единый народ, с единой любовью к родине скажет: пусть живет *Великая Родина* наша! Пусть под знамя Родины идет каждый, в ком сердце бьется, у кого в жилах течет русская кровь; тогда не погибнет *Великая Россия,* не погибнет и *русский народ!*

КОММЕНТАРИИ

[1] Речь идет о так называемой «Дополнительной конвенции к договору о торговле и мореплавании между Россией и Германией от 10 февраля 1894 года», подписанной 15 июля 1904 г. Согласно ее положениям Германия повышала ввозные пошлины на русский хлеб и масло и снижала пошлины на лес и смазочное масло.

[2] Имеется в виду проигранное русскими в ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. сражение в окрестностях китайского города Мукден. Битва продолжалась с 6 по 26 февраля 1905 г.

[3] На завершающем этапе Русско-японской войны 14—15 мая 1905 г. у острова Цусима в Корейском проливе японский флот нанес сокрушительное поражение 2-й Тихоокеанской эскадре адмирала З.П. Рожественского.

[4] *Кильский канал (нем. Nord-Ostsee-Kanal)* — канал в Германии, соединяющий Балтийское и Северное моря. Сооружен в 1887—1895 гг. и предназначался для быстрого и скрытого перемещения германского флота из одного моря в другое. Длина канала 98 км, ширина — 102 м, глубина — 11,3 м.

[5] *Йена, Ауэрштедт (нем. Jena, Auerstedt)* — населенные пункты в Пруссии, в окрестностях которых во время Русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг. 14 октября 1806 г. наполеоновские войска наголову разбили прусскую армию.

[6] *Шлихтинг (Schlichting) Сигизмунд Вильгельм, фон (1829—1909)* — немецкий генерал, участник Австро-прусской (1866) и Франко-прусской (1870—1871) войн. Военный теоретик, автор «Основ современной тактики и стратегии».

[7] *Ермак Тимофеевич (1532 или 1534 или 1542—1585)* — казачий атаман, покоритель Сибири.

[8] *Суворов Александр Васильевич (1730—1800)* — князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус российских сухопутных и морских сил, генерал-фельдмаршал. Выдающийся русский полководец, не проигравший ни одного сражения. Награжден всеми российскими и многими иностранными орденами.

[9] *Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834)* — граф, генерал от артиллерии, государственный и военный деятель. В 1808—1810 гг. возглавлял Военное министерство. С 1817 г.— главный начальник военных поселений. Был известен как большой знаток фрунта и любитель муштры.

[10] Имеется в виду опубликованная в 1905 г. повесть А.И. Куприна «Поединок», рассказывающая о трагической судьбе офицера обычного армейского полка.

[11] *Рененкампф (прав. Ренненкампф) Павел Карлович, фон (1854—1918)* — генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. После неудачи в Лодзинской операции (20 октября — 11 ноября 1914 г.) был отстранен от должности, а через год уволен в отставку «с мундиром и пенсией». Награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса. Расстрелян большевиками весной 1918 г.

[12] *...Кёнигсберг, старый славянский Королевец.* — В описываемое время — столица Восточной Пруссии. В 1946 г. переименован в Калининград. Ныне административный центр Калининградской обл. Российской Федерации. В старых русских источниках Кёнигсберг упоминался как Королевец.

[13] Так в описываемое время по-русски назывался Друскининкай (лит. Druskininkai) — курортный город на юге Литвы.

[14] Массив Августовских лесов получил свое название по городу Августов *(пол. Augustow)* на северо-востоке Польши. В описываемое время город входил в состав Сувалкской губ.

[15] *Граево (пол. Grajewo)* — город, ныне входит в Подляское воеводство Польши.

[16] *Самсонов Александр Васильевич (1859—1914)* — генерал от кавалерии, георгиевский кавалер. Участник Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн. В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией Северо-Западного фронта. В ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. армия потерпела поражение, часть ее была окружена немцами. При выходе из окружения генерал Самсонов погиб при невыясненных обстоятельствах. По некоторым данным, он застрелился.

[17] *Сольдау (нем. Soldau, пол. Dzialdovo)* — населенный пункт в Восточной Пруссии. Ныне в составе Варминско-Мазурского воеводства Польши.

[18] *...в районе Бяла-Лык (прав.: «...в районе Бяла — Лык»).* Бяла (пол. Biala) и Лык (пол. Elk) — населенные пункты в Восточной Пруссии. Ныне в составе Варминско-Мазурского воеводства Польши.

[19] *Маркграбов (прав. Маргграбова, нем. Marggrabowa)* — город и железнодорожная станция в Восточной Пруссии. В 1928 г. переименован в Трейбург *(Тройбург, нем. Treburg)*. Ныне город Олецко *(пол. Olecko)* в Варминско-Мазурском воеводстве Польши.

[20] *Калиновен (нем. Kalinowen)* — деревня в Восточной Пруссии. Ныне — Калиново *(пол. Kalinowo)* в Варминско-Мазурском воеводстве Польши.

[21] С августа 1912 г. по март 1917 г. 22-м армейским корпусом командовал генерал-лейтенант (с декабря 1914 г.— генерал от инфантерии) барон Александр-Павел Фридрихович фон ден Бринкен (1859—1917). Корпус состоял из 1 — 4-й Финляндских стрелковых бригад четырехполкового состава каждая, 1 — 4-го Финляндских артиллерийских дивизионов, 22-го мортирно-артиллерийского дивизиона и 22-го саперного батальона.

[22] *Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925)* — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1898 г. назначен военным министром и оставался им до 1904 г. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. командовал сначала Маньчжурской армией, а с октября всеми сухопутными и морскими силами, сражавшимися с Японией. После поражения под Мукденом освобожден от должности главнокомандующего и принял 1-ю армию. С 1906 г. член Государственного совета. В годы Первой мировой войны командовал Гренадерским корпусом, 5-й армией, Северным фронтом. В июле 1916 г. занял пост туркестанского генерал-губернатора. Награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса.

[23] *...французы разбили немцев на Марне...*— имеется в виду крупное сражение англо-французских и немецких войск на реке Марна (Франция) 5—12 сентября 1914 г., которое немцы проиграли.

[24] *Копциово (пол. Kopciowo)* — в описываемое время местечко Сувалкской губ.

[25] *Сувалки (пол. Suwalki)* — административный центр Сувалкской губ. царства Польского. Ныне город Подляского воеводства Польши.

[26] *Бакаларжево (пол. Bakalarzhewo)* — населенный пункт Сувалкской губ.

[27] *Ангербург (нем. Angerburg)* — город в Восточной Пруссии. Ныне г. Венгожево *(пол. Wegorzewo)* в Варминско-Мазурском воеводстве Польши.

[28] *Будзишкен (нем. Budzischken)* — деревня в Восточной Пруссии. Ныне — Будзиска *(пол. Budziska)* в Варминско-Мазурском воеводстве Польши.

[29] *Стрый (укр. Стрий)* — город, входивший в начале XX в. в состав Австро-Венгерской империи. Ныне районный центр Львовской обл. Украины.

[30] *Тухла (иначе — Тухля)* — кроме перевала, это название носил населенный пункт и железнодорожная станция.

[31] *Венгерские гонведы* — вооруженные силы Австро-Венгрии состояли из нескольких частей: общеимперской армии, австрийского императорско-королевского ландвера, мадьярского королевского гонведа и австрийского и венгерского ландштурма. Гонвед считался армией собственно Венгрии. Он формировался из призывников, набиравшихся на венгерской территории. В мирное время им руководило Министерство народной обороны Венгрии.

Во время войны гонвед, как и ландвер, принимал участие в боевых действиях наравне с общеимперской армией.

[32] Автор имеет в виду разгром Франции во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[33] *Козювка (иначе — Козиово)* — название населенного пункта и находящейся рядом трехглавой горы. (Подробнее о весенних боях 1915 г. в Карпатах см.: Каширин В. Б. Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М.: Изд. дом «Регнум», 2010).

[34] *Янкевский Леонид Владимирович (1879—1928)* — генерал-майор, награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, георгиевским оружием. В 1915 г. в чине подполковника командовал батальоном 1-го Финляндского стрелкового полка. С июня 1916 г. полковник Янкевский назначен командиром 3-го Финляндского стрелкового полка. В ноябре 1917 г., будучи командиром 2-й бригады 1-й Финляндской стрелковой дивизии в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве, возглавил сводный ударный отряд из 5 ударных батальонов, общей численностью в 2,5 тыс. человек при нескольких десятках пулеметов. Отряд предназначался для охраны Ставки, но главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин приказал ударникам двигаться на Гомель, а оттуда на Дон. В ноябре-декабре отряд сражался с большевиками под Белгородом и был разгромлен. Янкевский с частью бойцов ушел в Полтавскую губ. Участвовал в Белом движении. После Гражданской войны — в эмиграции. Умер в Греции.

[35] *Миколаев (иначе — Николаев)* — город в Галиции, с 1772 г. входивший в состав Австро-Венгрии. В 1921—1939 гг. Миколаев и прилегающая территория находились под властью Польши. Ныне районный центр Львовской обл. Украины.

[36] *Радко-Дмитриев, Радко Дмитриевич (Радко Русков Димитриев) (1859—1918)* — болгарский генерал и генерал от инфантерии русской службы. Участник Апрельского восстания 1876 г. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. служил в российском лейб-гвардии Уланском полку. Окончил Николаевскую военную академию. В 1904—1907 гг. служил начальником Генерального штаба болгарской армии. С началом Первой мировой войны с чином генерал-лейтенанта поступил на русскую службу и получил в командование 8-й армейский корпус, позже — 3-ю армию. При Дунайце весной 1915 г. его армия не выдержала удара германских войск и отступила, понеся тяжелые потери. Радко-Дмитриев был снят с поста командующего армией и назначен командиром 2-го, затем 7-го Сибирского корпуса, командующим 12-й армией. 1 января 1918 г. вышел в отставку. 18 октября 1918 г. в Пятигорске был убит большевиками в числе других заложников.

[37] *Днестр* — крупная река в Европе. Течет с северо-запада на юго-восток по территории нынешних Молдавии и Украины.

[38] *Селивачев Владимир Иванович (1868—1919)* — генерал-лейтенант. Потомственный военный. В 1894 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. Читал солдатам произведения Л.Н. Толстого и сам носил бороду «а ля Толстой». В годы Первой мировой войны командовал 4-й Финляндской стрелковой бригадой (позже развернутой в дивизию). В апреле 1917 г. назначен командиром 49-го армейского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и георгиевским оружием. Во время Гражданской войны на штабных и командных должностях в РККА. Умер в сентябре 1919 г. По одной из версий причиной смерти стал тиф, по другой — Селивачев был отравлен, т.к. подозревался в измене.

[39] *...назначен генерал N.* — автор имеет в виду генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Сергея Сергеевича Саввича (1863—1939). С 1899 г. он служил в Главном штабе делопроизводителем отдела по передвижению войск, затем начальником отдела Управления военных сообщений. В 1905—1907 гг. — начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. В Первую мировую войну вступил в январе 1915 г., командуя 4-м Сибирским корпусом, в мае назначен начальником штаба Юго-Западного фронта. С декабря 1915 г. по июль 1916 г. командовал 16-м армейским корпусом 7-й армии.

[40] *Гусятин* — населенный пункт на правом берегу р. Збруч. Ныне районный центр Тернопольской обл. Украины.

[41] *Лечицкий Платон Алексеевич (1856—1923)* — генерал от инфантерии. Службу в офицерских чинах начал в 1879 г. после окончания Варшавского юнкерского училища. Участник Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны командовал 9-й армией. Награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса, георгиевским оружием. С мая 1917 г. в отставке. В 1920 г. призван в РККА, служил инспектором пехоты и кавалерии Петроградского военного округа. Арестован как руководитель контрреволюционной организации и в 1923 г. умер в тюремной больнице.

[42] *Николай Николаевич Младший (1856—1929)* — великий князь, первенец великого князя Николая Николаевича Старшего, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Накануне Первой мировой войны назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России. За взятие крепости Перемышль в марте 1915 г. получил орден Св. Георгия 2-го класса. Обладавший «ограниченными духовными качествами, злым и высокомерным характером», отличался неуемной жаждой власти и честолюбием, за что получил в войсках прозвище «Лукавый». Летние неудачи русской армии в 1915 г. заставили императора Николая II отрешить великого князя от должности Главнокомандующего и принять руководство войсками на себя. В августе Николай Николаевич был назначен наместником на Кавказе и командующим Кавказ-

ским фронтом. После Февральской революции 1917 г. вышел в отставку, с апреля 1919 г. в эмиграции.

[43] *Дунинув (прав.: Новы-Дунинув, пол. Nowy Duninow)* — сельская община (гмина) в нынешнем Мазовецком воеводстве Польши.

[44] *Новогеоргиевск (пол. Twierdza Modlin)* — крепость, построенная по приказу Наполеона в 1807—1812 гг. в дер. Модлин у слияния р. Вислы и Нарева. В 30-е гг. XIX в. была расширена и переименована в Новогеоргиевск. Во время Первой мировой войны сдерживала значительные силы германской армии. Захвачена немцами 7 августа 1915 г. Ныне является частью г. Новы-Двур-Мазовецки *(пол. Nowy Dwor Mazowecki)* в 30 км от Варшавы.

[45] *Ковно (Каунас, пол. Kowno, лит. Kaunas)* — районный административный центр в Литве. Ковенская крепость 1-го класса строилась в 80-е гг. XIX в. по указу, данному еще Александром II. Вплоть до Первой мировой войны продолжалось ее расширение и совершенствование. К началу боевых действий считалась самой современной из сухопутных крепостей. Однако в ходе Каунасской наступательной операции 10-й германской армии немцам удалось сломить сопротивление гарнизона и 18 августа 1915 г. захватить крепость.

[46] *Гродно (пол. Grodno, белорус. Гродна)* — областной центр Республики Беларусь. Проект сооружения Гродненской крепости император Николай II утвердил в августе 1912 г. Строительство продолжалось до августовских боев 1915 г. на русско-германском фронте. К этому времени ни один из фортов не был готов более чем наполовину. При подходе немецких войск к Гродно крепость расформировали, вооружение и военное имущество эвакуировали в Ивангород. Большинство фортов было взорвано при отступлении русской армии.

[47] *Варшава (пол. Warszawa)* — столица Польши. Варшавская крепость строилась и реконструировалась с 30-х гг. XIX в. почти до конца столетия. В августе 1915 г. в ходе летнего наступления германских войск Варшава была занята немцами.

[48] *Дунаевцы (укр. Дунаївці)* — ныне районный центр Хмельницкой обл. Украины.

[49] *Рябушинский Павел Павлович (1871—1924)* — крупный российский предприниматель, банкир, политический деятель.

[50] *Гучков Николай Иванович (1860—1935)* — российский предприниматель, политический и общественный деятель. Московский городской голова в 1905—1912 гг.

[51] *Второв Николай Александрович (1866—1918)* —крупный русский промышленник, финансист.

[52] *Лианозов Степан Георгиевич (1872—1951)* — крупнейший российский нефтепромышленник.

[53] *Житомир* — с 1804 г. административный центр Волынской губ. Российской империи. Ныне главный город Житомирской обл. в Украине.

[54] *Киев* — крупнейший город Малороссии на р. Днепр. Ныне столица Украины.

[55] *Тарнополь (с 1944 г. Тернополь, укр. Тернопiль)* — город, в 1772—1918 гг. входивший в состав Австро-Венгрии, после Первой мировой войны — в состав Польши. Ныне административный центр Тернопольской обл. Украины.

[56] *Петр Великий (1672—1725)* — русский царь (с 1682 г.), первый император Всероссийский (с 1721 г.).

[57] *Толстой Лев Николаевич (1828—1910)* — выдающийся русский писатель и мыслитель.

[58] *Достоевский Федор Михайлович (1821—1881)* — один из известнейших русских писателей и мыслителей.

[59] *Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907)* — русский ученый-энциклопедист, открывший периодический закон химических элементов.

[60] *Лобачевский Николай Иванович (1792—1856)* — русский математик, создатель неевклидовой геометрии. В 1827—1846 гг. — ректор Казанского университета.

[61] *Новгородские ушкуйники* — вольные люди, собиравшиеся новгородскими купцами и боярами в дружины и использовавшиеся для колонизации Севера и разбойничьих набегов на города по Волге и Каме. Название произошло, очевидно, от «ушкуя» — речного весельного судна. Ушкуйничество широко было распространено в XIV в. и прекратилось в следующем столетии после присоединения Великого Новгорода к Московскому государству (1478 г.).

[62] *Дежнев Семен Иванович (ок. 1605—1673)* — казачий атаман, русский землепроходец, исследователь Северной и Восточной Сибири.

[63] *Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898)* — генерал-лейтенант. Участник Венгерской кампании 1849 г. и Крымской войны 1853—1856 гг. Покоритель Средней Азии, в 1865 г. назначен военным губернатором Туркестанской области. Во время Сербско-черногорско-турецкой войны тайно отправился в Белград и принял командование сербской армией. В 1882—1884 был туркестанским генерал-губернатором. Награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

[64] *Кауфман Константин Петрович, фон (1818—1882)* — инженер-генерал, генерал-адъютант. В 1867 г. получил назначение на должность командующего Туркестанским военным округом. Участник присоединения Средней Азии. Войска под командованием К.П. Кауфмана взяли Самарканд, покорили Хивинское и Кокандское ханства. С 1867 г. — туркестанский генерал-губернатор. Награжден орденом Св. Георгия 4-го, 3-го и 2-го класса.

[65] *Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882)* — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Хивинского (1873) и Кокандского (1875 — 1876) походов. Военный губернатор Ферганской области, образованной на территории Кокандского ханства.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., командуя различными отрядами, немало способствовал успеху русских войск. Умер в Москве в 1882 г. при невыясненных обстоятельствах. Награжден орденом Св. Георгия 4-го, 3-го и 2-го класса.

[66] *Невельской Геннадий Иванович (1813—1876)* — адмирал, исследователь Дальнего Востока. Доказал островной характер Сахалина и возможность захода морских судов в устье Амура. Основал ряд поселений, в т.ч. Николаевск-на-Амуре. Благодаря его трудам в 1858—1860 гг. была окончательно установлена дальневосточная граница между Китаем и Россией по р. Амур.

[67] *Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881)* — граф, генерал от инфантерии, политический деятель. В 1847—1861 гг. занимал пост генерал-губернатора Восточной Сибири. В 1858 г. заключил с Китаем так называемый Айгунский договор, согласно которому дальневосточная граница между двумя государствами пролегла по р. Амур. После этого Н.Н. Муравьев удостоился титула графа Амурского. С 1861 г. член Государственного совета. Награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

[68] *Потемкин Григорий Александрович (1739—1791)* — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель, ближайший соратник императрицы Екатерины II. Участник Русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. Будучи новороссийским, азовским и астраханским генерал-губернатором, в 1783 г. успешно реализовал свой план присоединения Крыма к России, за что получил титул светлейшего князя Таврического. Провел целый ряд мероприятий по реорганизации армии, создал флот на Черном море. Награжден орденом Св. Георгия 3-го, 2-го и 1-го класса.

[69] *Румянцев Петр Александрович (1725—1796)* — граф, генерал-фельдмаршал, знаменитый русский полководец, государственный деятель. Участник Семилетней войны 1756—1763 гг. В ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. разбил турок под Рябой Могилой, при Ларге и Кагуле. В 1774 г. русские войска под командованием П.А. Румянцева перешли Дунай и вынудили Турцию заключить мир. Одержанные победы принесли полководцу чин генерал-фельдмаршала, титул графа Задунайского и орден Св. Георгия 1-го класса. В начале Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Румянцев возглавил Украинскую армию, но вследствие неприязни к нему Екатерины II был отозван в Петербург. Румянцев заложил основы новой тактики русской армии, начав применять батальонные колонны в боевом построении войск и использовать в бою легкие (егерские) подразделения. Выступал сторонником решительного сражения как главного средства достижения победы. Написал «Обряд службы», ставший Уставом российской армии, и «Мысли», являвшиеся наставлениями по организации, обучению и воспитанию войск.

[70] *Павел I* — император Всероссийский (1796—1801).

[71] *Клаузевиц (von Clausewitz) Карл Филипп Готтлиб, фон (1780—1831)* — генерал-майор, прусский военный теоретик. Службу начал в 1792 г. юнкером в прусской армии. Участвовал в войнах конца XVIII — XIX вв. Во время Русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг. сражался при Йене и Ауэрштедте, был пленен французами. В 1812 г. поступил на русскую службу, на которой находился два года. Награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. В 1818 г. в чине генерал-майора назначен директором Берлинской военной академии. Автор классического труда «О войне». В нем Клаузевиц на основе анализа войн за предшествующие 150 лет делает вывод о тесной зависимости войны от политики государства: «Войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как нечто самостоятельное, а как орудие политики. Только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей» (Клаузевиц. О войне. М: Воениздат, 1934. С. 29).

[72] *Мольтке (von Moltke) Гельмут Карл Бернгардт, фон (1800—1891)* — граф, прусский и русский генерал-фельдмаршал, военный теоретик. Военную карьеру начал в датской армии, в 1822 г. перешел на прусскую службу. С 1858 г. назначен начальником прусского Генерального штаба. Участвовал в Прусско-датской (1864) и Франко-прусской (1870—1871) войнах. Награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. Автор «Военных поучений» и «Истории Франко-прусской войны 1870—1871 гг.». Считается крупнейшим военным теоретиком XIX в., основоположником германской военной мысли.

[73] *Екатерина II* — императрица Всероссийская (1762—1796).

[74] *Багратион Петр Иванович (1765—1812)* — князь, генерал от инфантерии, знаменитый русский полководец. Сподвижник и любимец А.В. Суворова, участвовал в его Итальянском и Швейцарском походах 1799 г. Зарекомендовал себя талантливым военачальником во всех войнах, которые вела Россия в начале XIX в. Награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал 2-й Западной армией. На Бородинском поле защищал левый фланг русской позиции. В разгар сражения был тяжело ранен и скончался в с. Симы Владимирской губ.

[75] *Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский) Михаил Илларионович (1747 — 1813)* — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, выдающийся русский полководец, дипломат. Участвовал в трех Русско-турецких войнах (1768—1774, 1787—1791 и 1806—1812). В 1805 г. назначен главнокомандующим войсками, направленными против Наполеона. Потерпел поражение под Аустерлицем. Во время Отечественной войны 1812 г. в августе возглавил все российские войска и командовал ими до своей смерти. Первый полный кавалер ордена Св. Георгия.

[76] Возможно, автор имеет в виду Тучкова 1-го Николая Алексеевича (1761 или 1765—1812), командовавшего во время Оте-

чественной войны 1812 г. 3-м пехотным корпусом. Смертельно ранен в Бородинском сражении. Награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса.

[77] *Рымник (рум. Rymnik)* — река в Румынии, при которой 11 сентября 1789 г. А.В. Суворов одержал одну из самых своих блестящих побед над турецкими войсками, за что удостоился титула графа Рымникского.

[78] *Фокшаны (рум. Focsani)* — город в Румынии. 21 июля 1789 г. объединенные русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова одержали победу над турками.

[79] *Прага* — предместье Варшавы, штурмом взятое войсками А.В. Суворова в октябре 1794 г. в ходе подавления Польского восстания. За эту победу императрица Екатерина II наградила полководца чином генерал-фельдмаршала.

[80] *Измаил* — сильная турецкая крепость на р. Дунай, которую суворовские войска взяли штурмом 11 декабря 1790 г.

[81] *Треббия (ит. Trebbia)* — река в Северной Италии. Во время Итальянского похода 6—8 июня 1799 г. союзные австро-русские войска под командованием А.В. Суворова в районе этой реки разбили французскую армию генерала Ж. Макдональда.

[82] *Сен-Готард (нем. Gotthardpass)* — горный перевал в Швейцарских Альпах (высота 2106 м), который войскам А.В. Суворова пришлось преодолевать во время Швейцарского похода 1799 г.

[83] *Чертов мост (нем. Teufelsbrucke)* — мост через р. Рейс в Швейцарии, с боем взятый русскими войсками во время Швейцарского похода А.В. Суворова.

[84] *Паникс (нем. Panixerpass)* — высокогорный перевал высотой в 2407 м над уровнем моря в Швейцарских Альпах, пройденный суворовскими войсками во время Швейцарского похода.

[85] *Николай Павлович* — император Всероссийский Николай I (1825—1855).

[86] *Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828—1901)* — генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, государственный и военный деятель. Службу в офицерских чинах начал в лейб-гвардии Гусарском полку. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. защищал Шипкинский перевал, командовал кавалерией под Плевной. Затем во главе 70-тысячного отряда в зимних условиях перешел Балканы. Освободил Софию, Филиппополь, Адрианополь, занял Сан-Стефано. Награжден орденом Св. Георгия 3-го и 2-го класса. После войны командовал рядом военных округов. Член Государственного совета.

[87] *Радецкий Федор Федорович (1820—1890)* — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Окончил Инженерную академию и Академию Генерального штаба. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал 8-м армейским корпусом. Участвовал в обороне Шипки, во время похода русской армии за Балканы руководил движением двух колонн, направленных для обхода шип-

кинских позиций турок. В результате этой операции была пленена 20-тысячная группировка Вессель-паши. После окончания войны командовал Харьковским и Киевским военными округами. Член Государственного совета. Награжден орденом Св. Георгия 4-го, 3-го и 2-го класса.

[88] *Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912)* — граф, генерал-фельдмаршал, выдающийся военный и государственный деятель России. Мемуарист. Окончил Благородный пансион при Московском университете и Академию Генерального штаба. Служил на штабных должностях на Кавказе, преподавал в Николаевской военной академии. В 1861—1881 гг. занимал пост военного министра. За время его управления министерством в России были проведены важнейшие преобразования в военной сфере: отменены рекрутские наборы и введена всесословная воинская повинность; созданы военные округа и система управления войсками в военное время; армия получила нарезное стрелковое и артиллерийское вооружение; введены новые воинские уставы; вместо кадетских корпусов созданы военные гимназии с общеобразовательной программой обучения; учреждены юнкерские училища; осуществлена военно-судебная реформа. В 1881 г. с воцарением Александра III и поворотом правительственной политики к реакции Д.А. Милютин вышел в отставку. Награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. Автор двухтомника «Первые опыты военной статистики», «Истории войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» в пяти томах и многих других научных работ. Оставил обширные «Воспоминания» и четырехтомный «Дневник».

[89] *Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917)* — действительный статский советник, обер-камергер Двора Его Императорского Величества, российский государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1894 г. назначен новгородским, а в 1896 г. ярославским губернатором. С 1904 г. член Государственного совета. В начале Первой мировой войны пытался сменить свою фамилию на Панина. В январе 1916 г. при поддержке Г.Е. Распутина назначен председателем Совета министров. Одновременно с марта по июль занимал пост министра внутренних дел, а с июля по ноябрь — министра иностранных дел. 10 ноября 1916 г. уволен в отставку. В марте 1917 г. арестован, в августе умер в тюремной больнице.

[90] *Трапезонд (Трапезунд, Трабзон, тур. Trabzon)* — город и порт в Турции на берегу Черного моря. С апреля 1916 г. по март 1918 г. был занят русскими войсками.

[91] Автор имеет в виду так называемый Брусиловский прорыв — наступление четырех армий Юго-Западного фронта в общем направлении Луцк — Ковель, осуществленное летом 1916 г. В результате этой операции русские войска подвинулись в глубь территории противника на 80—100 км, заняв значительную часть Западной Украины. Потери противника в ходе русского насту-

пления составили около 800 тыс. человек, что окончательно подорвало боеспособность Австро-Венгрии, и до конца войны она уже не могла предпринимать на Восточном фронте активных действий. Для того, чтобы сдержать наступление русских армий, Центральные державы вынуждены были перебросить на восток с Западного, Итальянского и Салоникского фронтов более 30 дивизий, что значительно облегчило положение союзников России. Под влиянием брусиловского успеха Румыния приняла решение вступить в войну на стороне Антанты. Прорыв армий Брусилова не был поддержан соседними фронтами, и в результате с помощью подоспевших германских резервов противнику удалось в августе стабилизировать положение. Тем не менее наступление Юго-Западного фронта и успешные действия союзников на Сомме способствовали переходу стратегической инициативы к странам Антанты.

[92] *Верден (фр. Verdun)* — город и крепость в Лотарингии на р. Мёз. В 1916 г. в районе Вердена развернулось одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, продолжавшееся с февраля по декабрь. В результате битвы французы смогли отразить широкомасштабное наступление германских войск.

[93] *Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925)* — князь, российский политический и общественный деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета. Служил в тульском земстве. Во время Русско-японской войны возглавлял отряд Красного Креста в Маньчжурии. Депутат I Государственной думы. С началом Первой мировой войны занял пост главноуполномоченного Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам, позже руководил Главным комитетом Земского и Городского союзов по снабжению армии. После Февральской революции — министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства. После «июльского кризиса» 1917 г. вышел в отставку. С 1918 г. жил в эмиграции.

[94] *Земгор* — сокращенное название Главного по снабжению армии комитета Всероссийских Земского и Городского союзов. Образован в июле 1915 г. в условиях острой нехватки боеприпасов в русской армии. Занимался распределением военных заказов.

[95] *Земсоюз* — Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам. Образован в августе 1914 г. на съезде уполномоченных от земств. Тогда же возник Всероссийский союз городов, который вместе с Земсоюзом создал объединенный комитет — Земгор.

[96] *Бучач* — город на берегу р. Стрыпа. Ныне районный центр Тернопольской обл. Украины.

[97] См. примеч. 39.

[98] Возможно, речь идет о генерал-лейтенанте Александре Васильевиче Новикове (1864—после 1931), который на начальном этапе войны командовал 14-й кавалерийской дивизией, в октябре

1914 г. был назначен командиром 1-го кавалерийского корпуса, а в июне 1915 г. принял 43-й армейский корпус.

[99] *Бухарест (рум. Bukuresti)* — столица Румынии.

[100] *Добруджа (рум. Dobrogea, болг. Добруджа)* — историческая область на севере Балканского полуострова на территории Румынии и Болгарии.

[101] *Петрусул (рум. Petrusul)* — гора в Карпатах (высота 1850,4 м над уровнем моря).

[102] *Калеа-Викторea (прав. Калеа Викторea, рум. Kalea Vitorea)* — улица в Бухаресте.

[103] *Трепов Александр Федорович (1862—1928)* — государственный деятель. Сын петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Из Пажеского корпуса выпущен в лейб-гвардии Егерский полк. После отставки с 1889 г. служил в Министерстве внутренних дел. В 1906 г. назначен сенатором Первого департамента Правительствующего Сената. Член Государственного совета. С октября 1915 г. управлял Министерством путей сообщения. С 10 ноября по 27 декабря 1916 г. председатель Совета министров. После Октябрьской революции — в эмиграции.

[104] С 15 марта 1916 г. по 3 января 1917 г. пост военного министра занимал генерал от инфантерии Дмитрий Савельевич Шуваев (1854—1937). 4 ноября 1917 г., обращаясь к депутатам Государственной думы, он, в частности, сказал:

«Позвольте, господа, надеяться и просить вас помочь и в будущем в этой совместной работе для снабжения нашей доблестной армии» (Стенограмма заседания IV Государственной думы от 4 ноября 1916 г.).

[105] Морское министерство России в описываемое время возглавлял адмирал, генерал-адъютант Иван Константинович Григорович (1853—1930).

[106] *Алексеев Михаил Васильевич (1857 — 1918)* — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, крупный российский военачальник. Участник Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн. Во время Первой мировой войны сначала возглавлял штаб Юго-Западного фронта, затем командовал войсками Северо-Западного фронта. С принятием Николаем II на себя руководства армией Алексеев был назначен на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и георгиевским оружием. «Уход Алексеева», о котором пишет Верховский, был не чем иным, как отъездом генерала из Ставки на лечение. После Октябрьской революции перебрался на Дон, где возглавил Добровольческую армию.

[107] В своей книге «На трудном перевале» А.И. Верховский называет этого генерала — генерал от инфантерии Вебель Фердинанд Маврикиевич (1855—1919), который осенью 1916 г. якобы был назначен командовать 47-м корпусом (Верховский А.И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 131). На самом деле Вебель в феврале 1916 г. по болезни был отчислен в резерв чи-

нов при штабе Минского военного округа (с сентября — в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа). А 47-й армейский корпус в конце октября принял генерал-лейтенант Василий Васильевич Артемьев (1862—1929).

[108] *Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869—1916)* — крестьянин с. Покровское Тобольской губ. В 1904 г. приехал в Петербург, где быстро стал известен как «божий человек», «святой». От дочерей черногорского князя Негоша Милицы и Анастасии о «старце» стало известно в Зимнем. Царь познакомился со «старцем» 1 ноября 1905 г. С того времени Распутин приобрел влияние на семью императора прежде всего тем, что выступал в качестве целителя цесаревича Алексея, болевшего гемофилией. В ночь на 17 декабря 1916 г. Григорий Распутин был убит группой заговорщиков, в которую входили депутат Государственной думы В.М. Пуришкевич, князь Ф.Ф. Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович.

[109] Николай II распорядился отправить великого князя Дмитрия Павловича в Персию, в Кавказский кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова.

[110] *Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915)* — полковник. С 1892 г. служил в Отдельном корпусе жандармов, в 1901—1907 гг. занимал пост начальника железнодорожного жандармского отделения в пограничном Вержболове. Несколько лет провел в отставке, а в 1911 г. восстановился на службе. Через год депутат Государственной думы А.И. Гучков обвинил Мясоедова в шпионаже, за что был вызван оклеветанным офицером на дуэль. Проведенное расследование обвинения не подтвердило, но Мясоедова со службы уволили.

Новое обвинение в измене было выдвинуто в феврале 1915 г., когда полковник служил переводчиком в штабе 10-й армии. На этот раз инициаторами дела стали генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта генерал М.Д. Бонч-Бруевич и начальник разведывательного отделения штаба фронта полковник Н.С. Батюшин. И хотя достаточных улик против Мясоедова собрано не было и судьи разошлись во мнениях, а командующий фронтом не утвердил смертный приговор, все решила резолюция Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича: «Все равно повесить!» Полковник Мясоедов был казнен 20 марта 1915 г. Большинство современников, знакомых с деталями дела, были уверены, что из С.Н. Мясоедова сделали «козла отпущения», на которого свалили вину за все неудачи русской армии.

[111] Имеется в виду контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества Сергей Сергеевич Погуляев. Пост начальника штаба Черноморского флота занимал с октября 1916 г по апрель 1917 г. Отрешен от должности военным и морским министром Временного правительства А.И. Гучковым за отказ снять с погон императорские вензеля.

[112] Речь идет о контр-адмирале Свиты Его Императорского Величества Михаиле Михайловиче Веселкине (1871 — 1918).

[113] *Сцилла и Харибда* — морские чудовища из древнегреческой мифологии.

[114] *Колчак Александр Васильевич (1874—1920)* — адмирал, полярный исследователь, военный и политический деятель, руководитель Белого движения, «Верховный правитель России». Окончил Морской корпус. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. Во время Первой мировой войны руководил оперативным отделом Балтийского флота, командовал минной дивизией, в июле 1916 г. назначен командующим Черноморским флотом. Награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса и георгиевским оружием. Осенью 1918 г. прибыл в Омск, где в качестве военного и морского министра вошел в состав «Сибирского правительства». Но спустя короткое время произвел переворот, объявил себя Верховным главнокомандующим и «Верховным правителем России». Расстрелян большевиками в Иркутске 7 февраля 1920 г.

[115] *«Приказ номер первый»* — Приказ № 1 по войскам столичного гарнизона, отданный 1 марта 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Этим документом предписывалось создать во всех частях и подразделениях выборные комитеты из нижних чинов. Третий пункт приказа гласил: «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Приказ разработала специальная комиссия Петроградского Совета во главе с членом Исполкома Петросовета Н.Д. Соколовым.

[116] *Непенин Адриан Иванович (1871—1917)* — вице-адмирал. Выпускник Морского корпуса. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. Во время Первой мировой войны возглавлял службу связи Балтийского флота. С августа 1916 г. — командующий флотом. Убит матросами в Гельсингфорсе 4 марта 1917 г.

[117] *Туляков Иван Никитич (1878—1918)* — рабочий Сулинского металлургического завода. Депутат IV Государственной думы от округа войска Донского. Член социал-демократической (меньшевистской) фракции. В феврале 1918 г. убит неизвестными в окрестностях поселка Сулин.

[118] *Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924)* — действительный статский советник, государственный деятель, создатель партии Союз 17 октября, один из лидеров Февральской революции. Окончил Пажеский корпус, служил в кавалергардах. После отставки возглавлял уездное земство на родине, в Екатеринославской губ. Председатель III и IV Государственной думы. В феврале 1917 г. избран председателем Временного комитета Государственной думы и в этом качестве вел переговоры с Николаем II об отречении государя и создании Временного правительства. После Октябрьской революции уехал на Дон в Добровольческую армию. С 1920 г. в эмиграции.

[119] Имеются в виду суда 2-й бригады линейных кораблей Балтийского флота, линкор «Андрей Первозванный» и линкор «Император Павел I». Во время матросских волнений в начале марта 1917 г. на «Андрее Первозванном» были убиты командир бригады контр-адмирал Небольсин, лейтенант Бубнов и мичман Воробьев; на «Императоре Павле I» — старший лейтенант Яновский, лейтенанты Ланге и Совинский, мичманы Шиманский и Булич.

[120] 18 мая 1917 г. произошел конфликт команды эскадренного миноносца «Жаркий» и командира эсминца старшего лейтенанта Георгия Михайловича Веселаго (1892—1971), которого матросы в июне 1917 г. потребовали заменить другим командиром и при съезде Веселаго с корабля проводили его бранью. Подобные инциденты имели место на линкорах «Синоп» и «Три святителя», на эсминце «Керчь».

[121] *Грузинов Александр Евграфович (1873 — ?)* — полковник. В 1915—1917 гг. председатель Московской губернской земской управы. В начале марта 1917 г. стал начальником Московского гарнизона. Несколько позже А.И. Гучковым назначен командующим Московским военным округом. В конце апреля вышел в отставку.

[122] Имеется в виду июньское наступление 1917 г. — последняя наступательная операция русских войск в ходе Первой мировой войны. Согласно плану основной удар в направлении Львова должны были наносить 7-я и 11-я армии Юго-Западного фронта, которым в тот момент командовал генерал А.Е. Гутор. После мощной артиллерийской подготовки 18 июня войска начали наступление и за первые два дня заняли 2-ю и 3-ю оборонительные линии австро-венгров. Но 20 июня операция была остановлена из-за отказа солдат идти вперед. Успешно развивалось поначалу и начавшееся 23 июня наступление 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова, которая за неделю боев вышла к р. Ломница, захватила 7 тыс. пленных и 48 орудий. Но и там солдаты стали отказываться идти в бой. Окончательно наступательный порыв фронта иссяк к 1—2 июля. Начавшееся 6 июля контрнаступление австро-германских войск заставило 11-ю армию начать отход, что повлекло за собой отступление 7-й и 8-й армий. Неудачей закончились и вспомогательные операции Северного, Западного и Румынского фронтов. В результате провального наступления русская армия с 18 июня по 6 июля потеряла около 60 тыс. человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести.

[123] Солдатские волнения в Нижнем Новгороде в конце июня — начале июля 1917 г. были связаны с приказом командующего войсками Московского военного округа полковника А.И. Верховского об отправке на фронт одного из трех полков, расквартированных в городе (62-й, 183-й и 185-й). Жребий идти на передовую выпал 62-му полку. Значительную часть его составляли фронтовики, эвакуированные в тыл по болезни или ранению, а также ополченцы 40—45-летнего возраста. Солдаты отказались выполнять

приказ. Тогда начальник Нижегородского гарнизона полковник А.Л. Заленский объявил ослушников дезертирами и лишил их продовольственного довольствия. Однако солдаты 183-го и 185-го полков начали отчислять часть своего пайка в пользу 62-го полка. Вскоре в город прибыла рота юнкеров московского Алексеевского училища и рота 56-го полка. Применив оружие, они отконвоировали несколько партий взбунтовавшихся солдат на вокзал для отправки на фронт. В ходе этой операции было убито несколько десятков человек.

[124] Автор имеет в виду Платона Каратаева — персонаж романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

[125] *Минин Кузьма (полн. имя Кузьма Минич Захарьев-Сухорук) (? — 1616)* — национальный герой России, один из организаторов и руководителей борьбы русского народа против польской интервенции в начале XVII в. Нижегородский посадский человек, избранный в 1611 г. земским старостой, обратился с призывом организовать народное ополчение и собрать на него средства. Начальником ополчения по предложению Минина был избран князь Д.М. Пожарский. Во время похода к Москве и до Земского собора 1613 г. Минин входил в состав «Совета всей Земли», являвшегося фактически правительством страны. После воцарения Михаила Романова получил чин думного дворянина.

[126] Кроме Чеховского, солдаты Тверского гарнизона убили подполковников Иванова и Росса, прапорщика Козлова, ранили генерала Рутковского.

[127] Возможно, имеется в виду Евгений Владимирович Руднев (1886—1945) — капитан, летом 1917 г. исполнявший обязанности начальника Школы авиации военного времени Московского общества воздухоплавания.

[128] *Социал-демократы — интернационалисты* — меньшевистская группировка левого толка, возникшая в годы Первой мировой войны. Требовала скорейшего заключения мира, но отвергала лозунги большевиков о поражении своего правительства и о превращении империалистической войны в гражданскую. Социал-демократы — интернационалисты критиковали Временное правительство и выступали с требованием создания правительства из представителей социалистических партий. Считали преждевременной социалистическую революцию, были против передачи власти Советам.

[129] *Социал-революционеры (социалисты-революционеры) — максималисты* — партия, организационно оформившаяся в 1906 г., выделившись из партии эсеров. Занимала промежуточное положение между эсерами и анархистами. Социалисты-революционеры выступали за социализацию земли и передачу фабрик и заводов в руки рабочих. Считали необходимым немедленное переустройство общества на социалистических началах. Средством достижения этого считали террористическую деятельность и всеобщее восстание.

[130] Кроме начальника гарнизона, 3 марта были арестованы харьковский вице-губернатор, комендант города, чины губернского жандармского управления и другие лица.

[131] Купец Никита Никитич Хренов находился в должности городского головы г. Егорьевска с 1914 г.

[132] Государственное совещание созвано было Временным правительством в Москве 12—15 августа 1917 г. «ввиду исключительных переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны». В его работе приняло участие около 2500 человек, в т.ч. депутаты Государственной думы, гласные городских дум, представители армии и флота, торгово-промышленных кругов, Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Руководил работой совещания министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский.

[133] *Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918)* — генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий, организатор Добровольческой армии, один из вождей Белого движения. Окончил Омский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. (георгиевское оружие и орден Св. Георгия 4-го класса). В годы Первой мировой войны командовал бригадой, дивизией. В 1915 г. в Галиции, прикрывая отступление русских войск, был дважды ранен, попал в австрийский плен. Через год и три месяца с третьей попытки бежал. Награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. В 1917 г. менее чем за полгода Л.Г. Корнилов успел покомандовать Петроградским военным округом, 8-й армией, Юго-Западным фронтом. 19 июля был назначен Верховным главнокомандующим. 14 августа на очередном заседании Государственного совещания Корнилов доложил о катастрофическом положении дел на фронте и в тылу и потребовал от Временного правительства принятия суровых мер против надвигающейся революции. 25 августа для подавления революционных выступлений с санкции А.Ф. Керенского Верховный двинул на Петроград конный корпус генерала Крымова. Но министр-председатель в последний момент испугался за свое положение и объявил о смещении генерала с его поста. В сентябре Корнилова арестовали и вместе с другими генералами заключили в Быховскую тюрьму, откуда через два месяца его освободил новый Верховный главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин. Пробрался на Дон и возглавил там Добровольческую армию. Погиб от случайного снаряда 13 апреля 1918 г. в Екатеринодаре.

[134] 7-й Оренбургский казачий.

[135] Речь идет о московском Александровском военном училище.

[136] *Львов Владимир Николаевич (1872—1930)* — российский политический деятель, Депутат III и IV Государственной думы. После Февральской революции вошел в состав Временного пра-

вительства в качестве обер-прокурора Святейшего Синода. В августе 1917 г. он по собственной инициативе выступил посредником между Корниловым и Керенским. 24 августа Львов побывал в Ставке, где в ходе беседы с ним Корнилов предложил ввести в столице военное положение и передать всю полноту военной и гражданской власти Верховному главнокомандующему. Через два дня Львов встретился с министром-председателем и изложил требования Корнилова. От себя же добавил, что в Ставке царит крайне негативное отношение к Керенскому. В результате напуганный глава правительства арестовал Львова как соучастника мятежа, а самого Верховного отрешил от должности, чем и подвиг Корнилова на выступление.

[137] *Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939)* — генерал-лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на штабных и командных должностях. С июля 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Поддержал выступление генерала Корнилова, отказался принять должность Главковерха и открыто обвинил А.Ф. Керенского в провокации. Вместе с Л.Г. Корниловым и другими генералами был арестован и заключен в тюрьму в Быхове. После освобождения уехал на Дон. Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

[138] А.И. Верховский занял пост военного министра 30 августа. 1 сентября произведен в генерал-майоры.

[139] *Керенский Александр Федорович (1881—1970)* — адвокат, российский политический деятель, глава Временного правительства в 1917 г. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. Участник многих, в т.ч. политических, судебных процессов. Член партии социалистов-революционеров. Был избран депутатом IV Государственной думы, но поскольку эсеры выборы бойкотировали, формально вышел из партии и примкнул к «трудовикам». После Февральской революции вошел в состав Временного правительства в качестве министра юстиции. В начале мая занял пост военного и морского министра. Инициатор печально известного июньского наступления русской армии, провал которого заметно подорвал популярность Керенского в российском обществе. Тем не менее в июле он занял пост министра-председателя Временного правительства. После отрешения от должности Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова и отказа генералов А.С. Лукомского и В.Н. Клембовского занять этот пост возложил обязанности Верховного на себя. Во время Октябрьской революции безуспешно пытался организовать поход корпуса генерала Краснова на Петроград. С 1918 г. в эмиграции. Автор мемуаров и исследований по истории русской революции.

[140] 29 августа 1917 г. в Выборге по подозрению в сочувствии Корниловскому мятежу солдатами были убиты командир 42-го армейского корпуса генерал от кавалерии В.А. Орановский, генерал-квартирмейстер этого корпуса генерал-майор В.Н. Васильев,

комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф.В. Степанов и ряд офицеров. По данным эсеровской газеты «Дело народа», в тот день погибло от 15 до 22 человек. Еще около 60 офицеров пропали без вести (очевидно, скрылись из города, опасаясь за свою жизнь).

141 Керенский о Верховском придерживался примерно такого же мнения, считая, что военный министр «...был не только не способен овладеть положением, но даже понять его» (Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. — Paris: J. Povolozki & C, 1922. С. 117).

142 Речь идет о так называемом третьем коалиционном правительстве, созданном А.Ф. Керенским 25 сентября 1917 г.

143 Автор имеет в виду М.И. Терещенко — министра иностранных дел во втором и третьем коалиционных правительствах. В книге «На трудном перевале» А.И. Верховский так описывает этот эпизод: «Терещенко, выйдя после заседания в соседнюю комнату, просто и громко заявил окружившим его членам нового правительства, что он просит освободить его от участия в правительстве. Он в совершенном отчаянии. Он ненавидит демократию. Он ярый контрреволюционер. Он жалеет, что попытка Корнилова не удалась. Пусть лучше сейчас развернется большевистская анархия, но зато потом легче будет усмирить ее силой оружия» (Верховский А.И. На трудном перевале. С. 370).

144 Конференция стран Антанты собралась в Париже в декабре 1917 г., но обсуждала она не «способы дальнейшего ведения войны», а вопросы организации интервенции против Советской России.

145 *Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957)* — юрист. Депутат II—IV Государственной думы. В описываемое время — член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. В октябре отправлен послом в Париж, но даже не успел вручить верительных грамот, поскольку сразу после Октябрьской революции был уволен наркомом по иностранным делам Л.Д. Троцким. Портфель министра иностранных дел в третьем коалиционном правительстве принадлежал М.И. Терещенко.

146 *Духонин Николай Николаевич (1876—1917)* — генерал-лейтенант. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. В мировую войну вступил штабным офицером в чине полковника. С мая 1916 по сентябрь 1917 последовательно занимал посты генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, начальника штаба Юго-Западного и Западного фронтов. В сентябре назначен начальником штаба Главковерха А.Ф. Керенского, а после бегства последнего исполнял обязанности Верховного главнокомандующего. 9 ноября смещен Лениным с этого поста за отказ начать мирные переговоры с австро-германцами. 20 ноября убит восставшими солдатами и матросами.

[147] *Монзунд (прав. Моонзунд, нем. Moonzund)* — пролив, отделяющий северо-западное побережье Эстонии от группы островов Моонзундского архипелага. Крупнейшими из них являются Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго), Муху (Моон) и Ворсми. Пролив соединяет Финский и Рижский заливы Балтийского моря. В этом районе 29 сентября — 6 октября германское военно-морское командование проводило операцию «Альбион», имевшую целью захват Моонзундских островов, уничтожение морских сил России в Рижском заливе и создание условий для удара по Петрограду. Операция успеха не имела.

[148] А.И. Верховский не совсем точно цитирует афоризм Г.К. Мольтке из его «Военных поучений»: «Вечный мир — это мечта, и даже далеко не прекрасная; война же составляет необходимый элемент в жизни человечества».

[149] *Бернгарди (Bernhardi) Фридрих, фон (1849—1930)* — генерал от кавалерии, военный теоретик и историк. Участвовал в Франко-прусской войне 1870—1871 гг. Учился в Прусской военной академии. Служил в немецком Генеральном штабе, возглавляя Военно-исторический отдел. Командовал бригадой, дивизией, корпусом. С 1909 г. — в отставке, занимался научной и литературной деятельностью. Его книги переведены на несколько языков, в т.ч. на русский. На службу вернулся с началом Первой мировой войны, командовал войсковыми соединениями.

[150] Цитата из Евангелия от Иоанна (15, 13).

[151] Предпарламент (официальное название: Временный совет Российской республики) — совещательный орган из представителей различных политических партий, созданный при Временном правительстве 20 сентября 1917 г. Предполагалось, что он будет действовать до созыва Учредительного собрания. Распущен Петроградским военно-революционным комитетом 25 октября.

[152] *Валаам* — остров в северной части Ладожского озера.

[153] *Сердоболь (с 1918 г. — Сортавала)* — город в Финляндии (до 1940). Ныне районный центр Республики Карелия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

А. М. Савинов. А. И. Верховский и его походный дневник 3

Введение 15

Глава I
Первая схватка с Германией (1914 год) 17

Глава II
Год великого страдания (1915 год) 43

Глава III
Наш переход к нападению (1916 год) 70

Глава IV
Севастополь. Начало революции (1917 год) 92

Глава V
Борьба с анархией в Московском военном округе 113

Глава VI. Петроград. Последняя попытка спасти армию 150

Глава VII
Заключение (1918 год) 183

Комментарии 186

Фотография на обложке:
Александр Иванович Верховский, русский офицер,
военный министр Временного правительства. 1917 г.

ISBN 978-5-85209-331-8

Подписано в печать 28.05.2014.
Формат 60×84/$_{16}$. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 500 экз.
Заказ № 10. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России, 2014
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1

Русский офицер
Александр Иванович Верховский (1886 - 1938), впоследствии красный комбриг, профессор Академии Генштаба РККА, вел свои походные дневники в течение всей Первой мировой войны.
Обработанные дневниковые записи под названием “Россия на Голгофе” были изданы в 1918 г. В своих записках автор зафиксировал все важнейшие события той поры - от тяжелых боев в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. до революционного движения в центральной России летом-осенью 1917 г.